

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН

ОТ СОВКА К БОБКУ

ПОЛИТИКА НА ГРАНИ ГРОТЕСКА

ДУХ І ЛІТЕРА

Михаил Эпштейн

ОТ СОВКА К БОБКУ

Политика на грани гротеска

ДУХ І ЛІТЕРА

УДК 323(470) "20"

Э-736

Михаил Эпштейн. От совка к бобку. Политика на грани гротеска. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2016. — 312 с. ISBN 978-966-378-450-2

Эта книга навеяна событиями 2014–2015 гг. и глубоким переломом в исторических судьбах России, которая в результате новой стратегии расширения «русского мира» вступила в одинокое противостояние с Западом. То, что в минувшие два года случилось с Россией, — прямое следствие процессов, происходящих на Украине. По тому, с какой силой Россия оттолкнулась назад, в свое прошлое, можно оценить силу того порыва, с каким Украина устремилась в свое будущее. Лыдина огромной империи треснула, и по дрейфу одной ее части можно судить о траектории другой. В этой книге почти ни слова об Украине и всё — о ней.

Издатели: Константин Сигов,
Леонид Финберг

Корректурa: Наталия Аникеенко

Компьютерная верстка: Иоанн Залевский

Художественное оформление: Ирина Пастернак

ISBN 978-966-378-450-2

© М. Эпштейн, 2016

© ДУХ І ЛІТЕРА, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие..... 7

I. Родина и отечество

О Россиях..... 11

Родина и отечество 21

Обнадеживающий урод..... 25

Виды патриотизма..... 39

Родина-ведьма.

    Демонология России у Гоголя и Блок 41

Сия Россия..... 57

II. Идолы и идеалы

Что осталось от Ленина? 61

Сталин — имя России?..... 69

Буревестничество 73

Пошлость обличения пошлости 77

Масштаб и вектор. О тотальгии..... 85

«Итак, хвала тебе, Чума...»

    Как отделить больного от болезни?..... 97

Поп-религия 113

Каинов грех. О святобесии 119

От атеизма к теократии 123

Свет и клир 127

Христианство на Западе..... 135

III. От совка к бобку

Ни слова об Украине. Заметки августа 2008 ..	139
Крым и «скрытымным»	147
2014 год в предсказании Достоевского	153
<i>Политология души</i>	153
<i>Мирозлобие</i>	155
<i>Деньги в огонь</i>	157
<i>Истребление середины</i>	159
<i>От совка к бобку</i>	161
<i>Гласные и согласные</i>	165
Цвет времени	167
Не спрашивай, по кому стреляют	171
Мертвая рука	173

IV. Народ и душа

О народном двоедушии	181
Народ у Пушкина	195
Гиперсемиты и другие	201
Сеанс черной магии	205
Ненависть по долгу и по любви	215
Витальность и агрессивность	221
Пустоводство, или Как делать ничего?	225
Соизмерим ли индивид с историей?	233
Музыка истории	239
Как выжить, низвергаясь в Мальмстрем?	243
Духовный дефолт	245
Кризис — это суд. Над собой	249

V. Исторические пути и беспутье

Новороссия или Новомосковия?	255
Новейшее средневековье	259
Топохрон и хронократия	263
Исторические пути и беспутье.	267
<i>Неприкаянность. Заблудившийся трамвай</i>	267
<i>Самоотречения. Гнутья, не ломаясь?</i>	271
<i>Гротескность социальных структур</i>	274
<i>Мост или пропасть?</i>	276
<i>Историческая аритмия</i>	278
Вместо заключения. О многовластии	281
Summary	293
Table of Contents.	297
Первые публикации	300
Предметный указатель	303
Именной указатель	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга навеяна событиями 2014–2015 гг. и глубоким переломом в исторических судьбах России, которая в результате новой стратегии расширения «русского мира» вступила в одинокое противостояние с Западом. За политическими коллизиями такого масштаба обнаруживается национально-психологическая и философская подоплека, которая и рассматривается в книге.

Выход этой книги в Киеве — большая радость для меня, потому что Украина по сути и есть ее главная тема. То, что в минувшие два года случилось с Россией, — прямое следствие процессов, происходящих на Украине. Ньютоновский закон: действие равно противодействию — приложим не только к физическим, но и к историческим явлениям. По тому, с какой силой Россия оттолкнулась назад, в свое прошлое, можно оценить силу того порыва, с каким Украина устремилась в свое будущее. Льдина огромной империи треснула, и по дрейфу одной ее части можно судить о траектории другой. В этой книге почти ни слова об Украине и всё — о ней.

Я мало знаком с украинской реальностью, хотя, конечно, не раз бывал в Киеве, ездил с экспедициями по Винницкой и Житомирской областям, путеше-

ствовал по Закарпатья. Мои предки по материнской линии — из Украины, мама родилась и выросла в Новгород-Северске, и я какими-то безотчетными воспоминаниями привязан к звучанию украинских песен и прибауток, слышанных в детстве. «Як у нашого Омелечка невеличка семеечка...» Потом оказывается, что у Омелечка — огромная семья, размером чуть ли не в целый народ.

В последние годы у меня связана с Украиной не только память, но и надежда — на новую историческую судьбу восточнославянских народов, их свободное вхождение в европейскую семью. Эти годы — 2014 и 2015 — подводят итог не только советской и постсоветской эпохе, но всему трехсотлетнему — от Петра I — проекту присоединения России к западной цивилизации. То, что называлось Россией, теперь расколосось на Киевскую Русь, отходящую к Западу, и Ордынскую Русь, которая уходит в глубь допетровской Московии и для которой просто не остается места в XXI веке.

Но если Россия все-таки обретет свое достойное место в современной цивилизации, это будет место рядом с Украиной, которая — как старшая, а не младшая сестра — прокладывает ей путь на Запад.

Большинство текстов написано в 2014–2015 гг., но включено и несколько более ранних, где намечены те же темы. Первое эссе, «О Россиях», написано в 1990 г, последнее по времени — в декабре 2015 г. Ряд текстов опубликован в «Новой газете», в «Независимой газете», в «Частном корреспонденте», в «Снобе»,

Предисловие

в блогах автора (Фейсбук и Живой Журнал).¹ Логический и тематический порядок следования текстов не всегда совпадает с хронологией их написания. Для украинского издания книга переработана и расширена, в нее включены восемь новых эссе.

Благодарю мою жену Марианну Тайманову за неоценимую помощь в работе над книгой.

---

¹ Ряд текстов широко читался и обсуждался. Например, давшее заглавие этой книге эссе «От совка к бобку», опубликованное в «Новой газете» и в «Снобе» (5 декабря 2014), имело в бумажной и электронной версиях более 650 тысяч читателей и получило почти 500 комментариев только в этих двух изданиях.

I. РОДИНА И ОТЕЧЕСТВО

О Россиях¹

Со всех сторон доносится: Россия в беде, Россия в опасности. И грозит ей на этот раз не внешний враг и не внутренний, а собственное ее непомерное бремя — быть единой и неделимой. Советская империя еще может кое-как по краям обвалиться, отторгнуться в средние и малые государства. Но что делать России со своей огромностью?

Да и Россия ли это: централизованное многоплеменное государство — или это Орда, насевавшая на Россию? До Орды было много разных Русей, и при общности языка и веры в каждой развивалось особое хозяйство и культура, разnogосударственный уклад: со своими отдельными торговыми выходами в зарубежный мир, политическими договорами и внутренним законо-

---

¹ Этот текст был написан более чем за год до развала Советского Союза, но передает те «апокалиптические» настроения, которые уже тогда усиливались в обществе. Вместе с тем эссе о Россиях было воспринято как манифест исторически продуктивного российского регионализма (Вадим Штепа и круг журнала «Китеж»). См. В. Штепа. Новая эра географических открытий. «Неприкосновенный запас». 91, 5/2013. <http://www.nlobooks.ru/node/4009>

дательством. Была Русь Киевская и Новгородская, Владимирская и Рязанская. И не навалились на них Орда и не разгладь катком централизации, мог бы теперь на месте дикой воли и запустенья процветать союз российских республик и монархий. По разнообразию и размаху не уступающий европейскому сообществу, а единством языка еще более сплоченный.

Видимо, так суждено России — развиваться не прямолинейно, а со всеми возможными извивами на своем пути, ведущем назад, к самым исконным основаниям. Давно замечена эта повторяемость, в обратном порядке, некоторых стадий нашего исторического развития. Рывок вперед — и откат назад. Скачок в социализм — и одновременно в феодализм. В коллективизацию — и в крепостное право. В народовластие — и в опричнину. В европейскую социальную утопию — и в азиатский способ производства. В коммунистическое будущее — и в первобытный коммунизм.

Октябрьская революция как бы задала ось симметрии, вокруг которой все стало поворачиваться в прошлое и зеркально его отражать. Не даром так любили примерять на Ленина семимильные сапоги Петра Великого, а Сталин сам рядился в костюм Ивана Грозного. От насильственного западничества к азиатскому деспотизму — так в обратном порядке, но с громадным ускорением, века за десятилетия, шагала страна... Чтобы, миновав период засилья Москвы и ордынского ига, вновь спуститься теперь на ступень так называемой феодальной раздробленности русских земель.

Но термин этот, как признано историками, ложный, потому что раздробленность предполагает некую предыдущую целостность, а ее, собственно, и не было. Как сообщает, нам на радость и в поучение, Британская энциклопедия, «различный характер и исторические судьбы каждой из больших восточно-славянских областей отчетливо видны даже в Киевский период и сохранились до 20 столетия»² — о чем историки советского периода позаботились позабыть. Не раздробленность была, а изначальное состояние племенного обилия и разнообразия русских земель. Временно возвышался то один, то другой княжеский клан, но эти переменные политические зависимости не касались самобытного склада местных русских культур, примером чему могут служить разные школы иконописи: киевская, новгородская, владимирская, ярославская.

И теперь в стремительном развале страны и движении вспять через все пролеты истории — есть все-таки на что опереться, на чем остановиться и дух перевести. Есть доордынская многоцветная карта русских княжеств, многоликих русских земель. Россия изначально рождалась как сообщество Россий, нечто большее, чем одна страна, — как особая часть мира, состоящая из многих стран, подобно Европе или Азии. И теперь для России разделиться на перворусские государства — значит не только умалиться, но одновременно и возрасти, из одной страны стать частью света. Россия больше себя — именно на величину составляющих ее Русей.

---

² Encyclopaedia Britannica, 15 th edition, 1991, vol. 28, p. 970.

Вот отчего это чувство последней тревоги — как шестьсот лет назад, как на поле Куликовом, только теперь Россия должна сразиться с Ордой и Ордынским наследием в самой себе. За свои исконные русские земли, которые затерялись среди приобретенных, через них и определяясь — как «нечерноземье». Сразиться за право разделиться на разные страны и стать больше одной страны. Вернуться, наконец, из ордынского периода своей истории в исконно русский, многообразно русский.

Быть может, единственное спасение России — стать содружеством разных России. Сколько их, особых и прекрасных: московская и дальневосточная, питерская и рязанская, уральская и орловская! И чем настойчивее они сводятся к одной России, тем больше она теряет себя, свой размах, заполняясь серой скукой, — неестественно обширное существо, одоленное собственной тяжестью. Ей бы встрепенуться, от самой себя отделиться, обвести себя заставами, башнями, и в каждой выемке своей и глубинке воссоздать отдельность... Тогда культур ее хватило бы на долгое общение со всем миром и на глубокое собеседование с собственной душой.

Как тягостно ей теперь выносить свою одинаковость и огромность, невозможность встать в разряд соразмерных существ. И нельзя коснуться никого вокруг себя, не потеснив. И полюбить никого нельзя, не поглотив собой. Эта ее раскинутость на тысячи непроходимых верст — та же добровольная ссылка и удаленность от мира.

Великое несчастье России — что объединилась она не сама из себя, а внешней силой и принуждением Орды. Чтобы Орду скинуть — вобрала ее в себя, сплотилась и незаметно сама стала Ордой, приняла форму иного, восточно-деспотического мироустройства и прониклась тем же духом кочевья. Вместо устройства своих земель принялась за чужие — и вот уже одна Россия кочует по всей Евразии, и все ее издалека видят, а она себя — нет. Что пользы — все приобрести, а себя потерять? И те разные России, которые только вызревали и разгораживались на этой земле, обещая чудное цветенье будущих русских стран и народов, — сметены были кочевой конницей, на которую взбирался татарский хан, а спускался, чтобы пересечь в броневик, другой вождь, его далекий потомок.

И все-таки что-то зацепилось с тех времен и осталось в почве — рассада русского разнообразия: Киевская Русь, Новгородская Русь, Владимирская Русь... Сколько Русей, сколько судеб, сколько просторов, чтобы России от самой себя разниться. И не так от других стран отличаться, как от себя, — верный признак личности во всем объеме ее самостояния.³ Да разве Псковщине пристало больше походить на Тамбовщину, чем Бельгии на Голландию?

---

³ Как заметил М. Монтень, «в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других». (Опыты, в 3 кн. М., «Наука», 1979, кн.2, гл. 1, С. 298). Об этом же есть у Паскаля: «Время потому исцеляет скорби и обиды, что человек меняется: он уже не тот, кем был... Точь-в-точь как разгневанный народ: взгляните на него через два поколения — это по-прежнему французы, но они уже совсем другие» («Мысли», фрагмент 122).

И не отличается ли Смоленщина от Сибири больше, чем от Болгарии? Сколько пространств для становления «многороссийского» человечества! Сюда могло бы вместиться больше многообразия, чем даже в европейское сообщество. Между Киевом и Владивостоком больше поместилось бы исторических судеб и культурных различий, чем даже между Лондоном и Римом, между Берлином и Лиссабоном. Ударялись бы клики из одной Руси об изукрашенные городские стены и витиеватые башни другой, отражались бы, разносились дальше — а не глохли бы в открытом туманном просторе. И вызревал бы в каждой из этих российских держав, ярославской и воронежской, размером во Францию или Швейцарию, свой национальный уклад, своя равновеликая, независимая, взаимосвязанная, как по всей Европе, культура.

Псковская, Пермская, Вологодская, Калужская, Смоленская... Земли растоптанные до одинаковой пыли, но все-таки не потерявшие названий и каких-то зыбких, почти случайных областных очертаний. Оттого и тоскует Россия и не мил ей ни один социальный строй, что не вмещается она ни в какое историческое единство. Глубочайшая, не вполне осознанная ее потребность — это с самой собой разделить и зажить в непохожести на себя, в неожиданности от себя. Зажить по-московски, по-питерски, по-владимирски, по-липецки, укрыться от ветра вселенских скитаний и гула всемирной истины. Каждой такой особой российской земле не дали в материнской утробе понежиться, она себя как земли и не знает, а только слышит сверху неугомонный отцовский окрик,

государственное понуждение на службу *отечеству*. Утробный, доордынский период русских земель был прерван, вот и клонит их в сон и в младенческое забытьё — свернуться калачиком, не разжимаясь ни до грозных военных походов, ни до бодрых рукопожатий остальному миру.

Одна Россия, целая Россия, да еще Российский Союз с привлечением широкого славянского родства, как ныне авторитетно предлагается⁴, — по силам ли это народной душе, еще не успевшей обжечь свой начальный, наименьший удел на земле, свое отнятое в размахе ордынских кочевий-завоеваний кровное удельное княжество? Ей теперь мечтается одно — разделиться на первые свои, приснопамятные народности и в них ощутить свое живое тело, а не задубевший имперский кафтан.

Да пожалуй, и соседним республикам по-настоящему не отделиться от России, пока она сама внутри себя не разделится. Можно ли Эстонии общаться с балтийско-черноморско-тихоокеанской Россией, в нынешнем ее объеме? Это все равно как общаться с Гулливером, обегая каблук его башмака. А вот с Псковской или Питерской Русью вполне могло бы получиться у Эстонии душевное вникание и сближение взаимных запросов.

Всем этим Россиям еще предстоит расти и расти, чтобы образовать самостоятельные государства. России, как огромному целому, трудно войти в Европейский Союз, а вот Смоленщине, Новгородщине,

---

⁴ А. Солженицын. «Как нам обустроить Россию», 1990 г.

Владимирщине, Ярославщине, Московщине, Питерщине — может быть, и удастся, сообразуясь с меркой среднеевропейских государств. Или образовать свой, свободно-неслиянный Российский Союз, дружественный Европейскому и взаимодействующий с ним не только как целое, но и своими самостоятельными территориями: Псковщина и Новгородщина — с Прибалтикой, Питерщина — со Скандинавией, Московщина — с Германией, и т. д. Российский Союз, предлагаемый А. Солженицыным, состоял бы из трех славянских государств — России, Украины, Белоруссии — и сохранял бы свою внешнюю огромность и внутреннюю несоразмерность: одна часть гораздо больше двух других вместе взятых. Я же говорю о множественности России внутри одной только Российской Федерации, и все эти России были бы соразмерны, как государства, и друг другу, и Украине, Белоруссии и другим европейским странам.

Что же касается ослабления, то слабее ли Италия оттого, что она не Индия? Слабее ли Япония оттого, что она не Якутия? Быть собой, развиваться в меру своего размера, — это и есть сила. Слабое государство — то, которое больше себя на величину внешних завоеваний. Собственной чрезмерной силой оно себя и разваливает, наросшим жиром и мясом опустошает свое сердце — и тоскует от новых и новых приобретений, в которых теряет себя.

Так что нынешний спор демократической России с ее же выстраданной национальной памятью вполне разрешим в глубинах российской истории. Чем дальше к истокам России, тем ближе к почве самый

либеральный ее идеал. И пусть в наболевшем теперь вопросе о почве решительно побеждает правда почвенничества. Только надо решить, на какую же, собственно, почву России вернуться. На почву Орды или почву Руси? А если Руси, то какой из многих, доордынских? Или почва будущей России — это и есть многопочвенность Руси изначальной?

Октябрь 1990⁵

---

⁵ Эта тема множественных Россией подкреплена последующими наблюдениями над региональными процессами. «Я надеюсь, что в будущем все пока еще слабосильные области или регионы России смогут обрести экономическую, политическую и особенно культурную самостоятельность, то есть стать как бы государствами в государстве. Сейчас этот процесс регионализации идет, хотя и не так интенсивно, как хотелось бы. Я это остро ощущаю, когда путешествую по России: Углич, Кострома, Ярославль, Рязань, Орел, Тула, Калуга — везде попытки подчеркнуть свой местный колорит, культурную специфику, пусть хотя бы в целях привлечения туристов. Крошечный город Мышкин — но и у него уже есть своя мифология и традиции. Когда все это вырастет, тогда мы можем оказаться в едином Российском трансэтническом союзе, как Европейский Союз, объединяющий разные европейские страны. Конечно, поскольку Англия или Франция свободно развивались с феодальных времен, они гораздо больше успели оформиться как нации, но, может быть, что-нибудь подобное случится и с “Владимирщиной”, и с “Орловщиной”, и с “Вологодчиной”, и с Уралом, Поволжьем... Россия мне видится как союз многих Россией, и в этом смысле она равнозначна не одной европейской стране, а Европе в целом». Интервью М. Н. Эпштейна С. В. Акопову от 13.09.2011. <file:///Users/russmne/Downloads/konstruirovanierossiyskoy-identichnosti-printsipy-transkulturnosti-i-kriticheskoy-universalnosti%20.pdf>

Родина и отечество

Вся история России есть борьба не только с внешними врагами, но и с самой собой: борьба родины и отечества. Родина — мать. Она раскинулась простором земли, мягкими полями и лугами, плавными очертаниями холмов, кудрявыми лесами, кучевыми облаками — к ее лону хочется прижаться, ласкать эту землю и быть обласканным ею. Вся она тиха, светла, туманна, росиста, как утро, полное любовных надежд и томлений. Отечество — начальственно, оно требует и принуждает, оно громоздится крепостями и казармами, топорщится пушками и штыками, оно серое и квадратное, запахнутое в шинель.

Соответственно есть разные типы любви к России. Одни любят в ней родину, ее мягкость, равнинность, текучесть, стихийность, смиренность, ее материнские черты, как в «Родине» Лермонтова. «Ее лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям...» Или в лирике Есенина. «Ой ты, Русь, моя родина кроткая... В мягких травах, под бусами рос...» Это, условно говоря, русофилы.

Есть и другие — патриоты (от «patria», отечество). Они любят Россию сильную, грозную, покорительную, с ее государством и воинством, — ту, к которой взывал Пушкин: «стальной щетиной сверкая,

не встанет русская земля?» («Клеветникам России»). Маяковский — ярчайшее выражение этого государственнического (партийного, чекистского) патриотизма: «Встанем, штыки оцетинивши, с первым приказом: “Вперед!”» Он славит отечество при полном равнодушии, если не враждебности к родине-матери: «я не твой, снеговая уродина».

У каждого любящего Россию по-своему сочетаются или не сочетаются русофильство и патриотизм. Есть патриоты, которые терпеть не могут своей матери, «размазни» и «юродивой», а чтят только отечество и на него уповают. И есть такие русофилы, которым чужд всякий патриотизм и тяжел гнет государства. Полагаю, что Солженицын был русофилом гораздо больше, чем патриотом, а патриотизм, насаждавшийся в СССР, имел мало общего с русофильством. Конечно, есть и такие люди, которые любят родину-отечество нераздельно, безотчетно, не вдаваясь в двойственность предмета своей любви. И есть такие, для которых эта двойственность — источник трагедии, потому что русофильство и патриотизм у них не в ладу. Их мучит, что, приникая к нежному лону родной земли, они вдруг натываются на нечто остро торчащее, штыкообразное... О ужас! Неужели гермафродит?!

Это соединение женского и мужеского в Родине-Отечестве оказывается потрясением для гоголевского героя в «Мертвых душах». Ландшафтный хронотоп соития, рельефно выписанный в лирическом отступлении, как тема открытости-ожидания, неожиданно прерван появлением скачущего из «чудной дали»

фельдъегеря, что заставляет героя «придержаться» езде перед лицом явной гомоэротической подмены.

«... Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!.. — Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану. — Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу: казенный экипаж!»

Само собой напрашивается символическое толкование этой сцены: вместо призывно раскинувшегося пространства родины вдруг является мужеский образ государства с торчащими усами. Государство как бы вторгается во взаимоотношения лирического героя и России и мешает им отдаться друг другу (тем более что и раньше у Чичикова неудачно складывались отношения с законом и государством). Фельдъегерь возникает в момент одержимости героя Россией — как призрак другой, однополой любви, грозящей ударить «палашом»: но этого не происходит, экипажи минуют друг друга. У России не оказывается ни соперника, ни соперницы. Тем самым герой как бы доказывает свое мистическое право довести соитие до конца, и дальше уже ничто не препятствует его быстрой езде — тройка вихрем несется «нивесть куда в пропадающую даль» и «сверлит воздух».

Конечно, и у других стран есть отеческая и материнская ипостаси, но вряд ли где-то еще они так поляризованы, чтобы женское было столь мягко, покладисто, а мужское — грубо, брутально. Равнинная, кроткая природа — и гордынное, гнетущее государство. Восприимчивая, распахнутая душа —

и крутой командно-армейский нрав. Народная широта — и властная вертикаль. Оттого и возникает душевная рана в любящих эту страну. Ты к ней подступаешь с лаской, и она отдается тебе, воплощает все твои мечты о льнувшей женственности. И вдруг — «вот я тебя палашом!» Ты не знаешь, кто перед тобой и чего ждать от этого невнятно-коварного существа с пышными млечными персями и острым железом в чреслах. Оно раскрывает тебе свои ждущие недра — и одновременно бьет в упор. Призрак, химера, ошибка природы? Любящие эту страну угнетены тоской смешения и двойной подмены... Родина-Отечество — гермафродит?

«Гермафродиту снится, что он счастлив, ибо стал таким, как все люди, или перенесся на багряном облаке в мир, который населяют существа, подобные ему. Это сон, только обманчивый и сладкий сон, так пусть продлится он до самого утра...» (Лотреамон. «Песни Мальдорора»)

2011

Обнадеживающий урод

В последнее время стало хорошим тоном ужасаться будущему России и представлять его в самых темных красках. Распад страны, физическое и умственное вырождение, полчища варваров с юга... Такая тенденция преждевременного «самопогребения» не нова: перечитайте Гоголя «Страхи и ужасы России» (1846). Некая графиня пишет Гоголю: «все падают духом как бы в ожидании чего-то неизбежного», «каждый думает только о спасении личных выгод, о сохранении собственной пользы, точно, как на поле сражения после потерянной битвы всякой думает только о спасении жизни». Гоголь отвечает ей христианским внушением и призывом к самосовершенствованию. Мне хочется ответить на эти вековые страхи одной аналогией, касающейся общих эволюционных процессов.

1.

В генетике и теории эволюции есть такое понятие — «обнадеживающий урод» (*hopeful monster*; в другом переводе — многообещающий урод). Обнадеживающие уроды появляются в результате макромутации организмов, которые отклоняются в своем строении от нормальных и могут быть адаптированы,

иногда весьма успешно, к измененным условиям среды. Попав в эти условия, они могут дать начало новым видам или другим таксонам (группам организмов).¹

Понятие «обнадеживающего уroda» ввел американский генетик Рихард Гольдшмидт², подвергнув критике одно из центральных положений дарвиновской теории эволюции. Дарвин писал: «Естественный отбор никогда не может делать внезапных больших скачков, а всегда продвигается короткими, но верными, хотя и медленными шагами», «кумулируя мелкие вариации». ³ По мысли Гольдшмидта, «мелкими вариациями» нельзя объяснить образование новых видов, тем более, что палеонтология практически не обнаруживает переходных межвидовых форм, которые могли бы свидетельствовать о постепенном образовании одного вида из другого. Поэтому в теории эволюции следует допустить большой скачок, макромутацию, которая может оказаться благоприятной и «видообразующей» только если такой мутант находит для себя новую экологическую нишу.

Следует подчеркнуть, что «обнадеживающий урод» — это, во-первых, оксюморон, подобно «белой вороне» или «черному лебедю», т. е. содержит в себе взрывчатое сочетание противоположных понятий. Во-вторых, «урод» в этой концепции — не оценочный,

---

¹ См. Л. И. Корочкин. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

² Goldschmidt R. The material basis of evolution (1940). New Haven: Yale Univ. Press, 1982

³ Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. СПб.: Наука, 1991. — 539 с.

а описательный термин, указывающий на сильные аномалии в организме. При совпадении с аномальными переменами в природной среде такой «минус на минус» может дать плюс, т. е. дать толчок развитию нового вида.

Отношение к идеям Гольдшмидта менялось. Поначалу сторонники господствующей, дарвиновой теории эволюции критиковали или даже высмеивали концепцию «скачков» (сальтационизм). Но в последнее время, в связи с прорывами в области молекулярно-генетических основ биологии развития, все больше биологов относится одобрительно к представлениям Гольдшмидта о макромутациях.⁴

---

⁴ «... Гольдшмидт почти зловеще предсказывал, что пройдет 20 лет, и его идеи восторжествуют, и оказался весьма близким к истине. В последние два-три десятилетия в научной литературе часто появляются восторженные отзывы о нём, и многим эволюционистам его идеи кажутся не совсем уж неприемлемыми. /.../ Таким образом, с некоторыми оговорками даже сторонниками традиционных взглядов идеи “перспективных монстров” признаются. Поэтому можно считать, что эти сальтационистские представления включены в эволюционный синтез». Попов И. Ю. Монстры в эволюции. В кн. Эволюционная биология: история и теория. — СПб: СПбФИИЕТ РАН, 1999. — С. 70–81.

«Современные генетики все более склоняются к мнению, что эволюционный процесс связан с макромутациями, которые меняют ход эмбрионального развития и приводят к появлению новых признаков не только видового, но и более крупного таксономического уровня — рода, семейства и даже выше. /.../ Теперь стало понятно, что макроэволюция не только может двигаться скачками, как полагают сторонники концепции “прерывистого равновесия”, но что она способна происходить только так, поскольку это связано с закономерностями устройства генома». Е. А. Гороховская, Биология, в кн. Е. А. Гороховская, А. И. Липкин. Концепции современного естествознания, ч. 2. Биология и геология. М., 2010, С. 102, 104.

Не исключено, что эволюционные скачки могут происходить не только в животных, но и в человеческих популяциях, и соответственно понятие «макромутации», или «системной мутации», может относиться к культуре, к этносам. Тогда понятие «обнадеживающего уroda» применимо к социогенезу. Социальная эволюция может происходить путем накопления мелких мутаций, едва заметных изменений в строении или функциях общественного организма. Таков путь «нормальных» обществ, характерный для Запада: постепенные изменения, частичные реформы в политико-экономических системах, что, собственно, и означает «эволюционный» путь развития. Революции же можно сравнить с макромутациями, которые делают возможным развитие совершенно новых форм, не только видов, но и более крупных таксонов: родов, семейств, отрядов. Обычно макромутации вредоносны, и в результате появляется нежизнеспособный урод, обреченный на быструю гибель. Однако крупное изменение может привести к возникновению формы, способной адаптироваться в какой-либо новой среде и стать началом новой эволюционной линии.

2.

У России, пережившей за один прошлый век четыре революции и три войны (в том числе две мировые), налицо признаки вредных социальных мутаций:

— дегенерация населения, демографический спад, повальный алкоголизм и распространение наркомании, повышенная смертность и низкая продолжительность жизни;

— угроза распада страны, расползания «федерации» по этническим и религиозным швам, отсутствие союзников на политической арене, уязвимость границ, неотвратимый натиск соседних, более приспособленных, демографически и социально активных цивилизаций (исламской, китайской, японской);

— развал науки и всех производительных отраслей хозяйства, выживание только за счет выкачки недр, катастрофическое состояние дорог, транспорта и всей инфраструктуры, давно изношенной и чреватой постоянными чрезвычайными ситуациями;

— всепроникающая коррупция, отсутствие демократического разделения властей и механизмов обновления власти, неразвитость гражданского общества и местного самоуправления, зависимость населения от бюрократии;

— цинизм и индифферентность населения, его криминализация и сращение власти и криминалитета, неразвитость права и правосознания, утрата всех традиционных ценностей и моральных приоритетов, отток самой интеллектуальной части общества, «мозгов», на Запад.

Все происходящее, казалось бы, подтверждает ту закономерность, которую исследует биология. Тяжелые условия жизни, являясь сильнейшим стрессовым фактором, резко усиливают процесс мутагенеза. «Когда популяция доходит до грани жизни и смерти, в ней возникает множество мутаций, большинство из которых губительно для нее».⁵ Гибельно!

---

⁵ Кайданов Л. З. Генетика популяций. — М.: Высш. школа., 1996. 320 с.

Но может быть, российская цивилизация является собой социальный эквивалент «обнадеживающего уroda», причем с акцентом на «обнадеживающем»? Наряду с разрушительными мутациями следует отметить и ряд таких, которые могут стать конструктивными. Они воспринимаются как аномалии с точки зрения развитых постиндустриальных западных обществ, но могут послужить ростковыми точками «надежды» в судьбе России:

— высокая адаптивность к низшим, минимально приемлемым условиям существования; появление «отравоядной» породы людей, способных выносить предельные нагрузки и экологически вредную среду обитания⁶;

— нелинейность, ризоматичность социальных структур, многообразно ветвящихся, запутанных, как грибница, не поддающихся вертикальному выпрямлению (в отличие от структуры дерева) и привычно живущих в состоянии хаоса⁷;

---

⁶ Михаил Прохоров передает свою беседу с рабочими «Норникеля»: «Сынок, ты не понимаешь, мы “вредники”. Вот ты сколько можешь дышать у этой печки? Через пять минут мы тебя унесем, а я могу полдня стоять». И я понимаю, что я дело имею с самураями, у которых это смысл жизни». <http://www.mk.ru/politics/interview/2011/08/28/618315-mihail-prohorov-zhenschinyi-v-vozraste-hotyat-chtobyi-ih-vnuki-byili-takimi-kak-ya.html>

⁷ Понятие ризомы (клубня, луковицы, грибницы) выдвинуто Делезом и Гваттари для обозначения внеструктурного и нелинейного способ организации целостности, оставляющего открытой возможность для спонтанной подвижности, самоорганизации. См. Грицанов А. А., Абушенко В. Л. //История философии. Энциклопедия. Минск, 2002, с.883–887. <http://ec-dejavu.ru/r/Rizoma.html>

— слабая развитость технических и юридических аспектов цивилизации, ее близость к природе, к естественным жизнеотношениям как препятствие «политической корректности»; - недостаточная специализированность всего культурного поля, тенденция к цельности, гибридности; «духовность», «интеллигентность» как предельно общие ценности знания, совести в чистом виде; текучесть, аморфность, «свободное веяние духа»;

— многообразие этносов и обширность территории, позволяющая легко перемещаться, скрываться, ускользать от контроля, создавать альтернативные группы и движения;

— сила дружеских и родственных связей, не поддающихся бюрократизации, официальному контролю и способных формировать сопротивление государственным, чересчур жестким структурам; патриархальные семьи из нескольких поколений;

— «блат», кружковщина, клубление, кучкование; значимость неформальных, фамильярных, теневых отношений в социально-экономической сфере;

— резерв жизненных альтернатив, образованный большим числом чудаков, юродивых, маргиналов, аутсайдеров, причудливых характеров, патологий поведения и психики, «выкидышей» цивилизации.

Таким образом, совокупность аномалий, отличающих российскую цивилизацию, ставит ее в крайне опасное положение, на грань катастрофы. «Однако, — по словам биолога, — среди множества этих “уродов”, возможно, появится и такой, который впишется

в какую-либо новую экологическую нишу».⁸ В данном случае речь идет не о биологических, а о социальных аномалиях и о том, насколько они могут вписаться в сценарии будущего развития человечества.

3.

Сейчас трудно предсказать, какие исторические условия на Земле могут способствовать тому, чтобы такой продукт системных общественных мутаций, т. е. революций и войн, скачков от капитализма к коммунизму и обратно, оказался «обнадеживающим». Где надежда? В чем она? Где эта «новая экологическая ниша»?

— Может быть, произойдет планетарная катастрофа и выживут только представители народа, наиболее терпеливого и невзыскательного, приспособленного к наихудшим, наитруднейшим условиям существования.

— Возможны и техногенные катаклизмы (типа взрывов на атомных электростанциях), в которых лучший шанс на выживание окажется у технически менее развитых или территориально наиболее рассеянных наций, с наименьшей плотностью населения. - Может быть, разразятся свирепые пандемии, против которых устойчива окажется, условно говоря, только наиболее «проспиртованная» часть мирового населения.

— Может быть, начнется война между Западом и Исламом, и Россия, с ее многовековым опытом

---

⁸ Модин А. П. Эволюция: 150 лет после Дарвина. «Биологические науки», 12, 2009.

полиэтничности и поликонфессиональности, окажется местом их примирения, откроет новую страницу истории «после Третьей Мировой войны».

— Может быть, Россия сумеет защитить от агрессии воинствующего исламского фундаментализма Европу, которая в силу политической корректности готова будет к быстрому разоружению и капитуляции.

— Может быть, к власти придет мировое правительство, которое учредит деспотический порядок на Земле, — и тогда Россия, получившая «прививку» тоталитаризма в 20-м веке, окажется наиболее способной к сопротивлению, поскольку уже выработала в себе иммунитет против этой смертельной опасности.

— Может быть, нагрянут инопланетяне и установят свою диктатуру, пользуясь уже подготовленной для них информационной и экономической структурой высокоразвитых обществ, а Россия, с ее индустриальной отсталостью, окажется прорехой в этой диктатуре, местом новой самоорганизации человечества.

— Может быть, к середине 21 века, как намечено современной кибер-футуристикой, исполнится предсказание о «сингулярности», торжестве искусственного разума, — о цивилизации, управляемой компьютерными программами и уже не подвластной контролю людей как биологически ограниченного и малоэффективного вида. И тогда отсталая Россия окажется позади этого самоубийственного прогресса и останется заповедником «глупого», естественного,

не управляемого кибернетикой разума, что может стать спасительным для человечества...⁹

Иными словами, признаки нынешнего уродства могут оказаться эволюционно выигрышными в случае катастрофических вариантов мирового развития. И даже вдвойне выигрышными, если катастрофа окажется не планетарной, а «избирательной» — и благоприятной именно для этой части суши. Например, если произойдет глобальное изменение климата — потепление, и Россия окажется в самой мягкой климатической полосе, выгодной для хозяйственного развития.¹⁰ Или, напротив, начнется новый ледниковый период, что также, по некоторым прогнозам, сулит России процветание.¹¹

---

⁹ Этот список можно легко дополнить. См. Алексей Турчин. «Война и ещё 25 сценариев конца света» (М., Европа, 2008). Его же: 50 возможных причин глобальной катастрофы. <http://turchin.livejournal.com/648778.html>

¹⁰ Вот один из прогнозируемых сценариев: «Пустыни разрастутся, бури и наводнения станут чаще, распространятся малярия и лихорадка. В Африке и Азии упадут урожаи. Европа возопит от наводнений, Венеция и Голландия уйдут в морскую пучину. Австралия и Новая Зеландия будут томиться от жажды, восточное побережье США окажется в зоне разрушительных штормов, начнется эрозия берегов... А в Архангельске будут выращивать пшеницу, в Санкт-Петербурге — арбузы, в Москве станет тепло, как сейчас в Вашингтоне, и вместо елок зашелестят дубравы». Лесков Сергей. Виновато ли человечество в погодных катаклизмах. <http://bibliotekar.ru/nauka/21.htm>

¹¹ «Уже сейчас ослабевает теплое течение Гольфстрим, что предвещает резкое похолодание и другие неприятности Северной Америки и Европе, которых ждет экономический крах. Но это приведет к тому, что в Берингово, Чукотское и Восточно-

Может быть... Вообще механизм чрезвычайно рискованных макромутаций, с минимальным, почти «чудесным» шансом на спасение, давно запущен в России и может объяснить не только ее нынешнее состояние, но и ее «революционные» традиции, даже фольклор, где выразилось парадоксальное самосознание народа. «Обнадеживающий урод» — глубинный российский архетип, сказочный Иван-дурак, все время плошавший перед умными старшими братьями, но потом чудом («глупой случайностью») отхвативший себе прекрасную царевну и царство в придачу. Есть в русском фольклоре и прямой биоморфный образ макромутации: болотная лягушка оборачивается прекрасной царевной Василисой Премудрой.

Сибирское моря начнет прорываться северная ветвь теплого тихоокеанского течения Куросиво. В результате, огромные территории Восточной Сибири, Дальнего Востока, Чукотки, Камчатки станут гораздо более пригодными для жизни и сельского хозяйства, т. к. там установится значительно более теплый и мягкий климат.» «Истинные причины возникновения мирового экономического кризиса», ч.4. http://arteksgroup.com/Article_about_crisis4.html

«Россия только выиграет от изменения течения и остановки Гольфстрима и станет весьма комфортной для жизни... В центре страны будет так же тепло, как ныне на Кубани, в Ставрополье. ... Мы в скором времени получим колонии американцев, англичан, немцев под Воронежем, в других черноземных краях. Теплее, мягче будет климат и в Сибири... Это благоприятно скажется на росте тайги, едва ли не самом главном нашем богатстве.» Полеванов Владимир. Нас ждет новый ледниковый период и мировая элита к нему уже готовится. <http://deadland.ru/node/6892>

4.

Если вернуться от сказки к исторической реальности, то надежд немного, и все они достаточно призрачны. Собственно, почти все вышеприведенные варианты катастроф, выгодных для России («в Петербурге будут выращивать арбузы»), тоже похожи на сказку. Но следует признать, что сказочны и многие события палеонтологической летописи. Например, стоит вспомнить, что птицы, как один из классов позвоночных, образовались, скорее всего, в результате внезапной системной мутации. По словам немецкого эволюциониста и палеонтолога Отто Шиндевольфа, «Искать переходные формы бесполезно, потому что их и не было: первая птица вылупилась из яйца рептилии».¹² Существенно, что это была именно макромутация, которая скачком изменила всю структуру организма. «Перспективный монстр» — совокупность многих аномальных признаков, в данном случае — наличие клюва, перьев, крыльев и т. п.

Ошибка (мутация) в генетическом коде динозавра — и вот перед нами птица, урод, если взглянуть на нее глазами рептилий. Гадкий динозаврик... А птицы, тем не менее, оказались не просто надеживающимися, но и весьма надежными, красивыми, плодовитыми «уродами», украшающими Землю и вызывающими ассоциацию с ангелами, с самыми возвышенными созданиями воображения.

---

¹² «Основные вопросы палеонтологии», 1950. Schindewolf O. Basic questions in paleontology. Chicago, London: Univ. of Chicago press, 1993. XVIII, 467 p.

Да что птицы — сам человек, по оценке современной эволюционной теории, тоже возник в результате разрыва и скачка, как обнадеживающий урод царства приматов, гадкая обезьянка. «Организация человека уродлива по сравнению с его предками: таковы, например, анатомические особенности, связанные с вертикальным положением тела, отсутствие хвоста, волосяного покрова и т. д.»¹³ Поэтому не только обезьяны кажутся уродливыми человеку, — в такой же мере и он должен выглядеть уродливо-нелепым в их глазах: бесшерстый, бесхвостый, на двух ножках, ручки беспомощно болтаются — девать некуда... И ведь взгляд приматов, по сути, более объективен, поскольку они были нормой тогда, когда человек был еще только аномалией.

Значит, уродство — не причина для отчаяния. Если уж и птицы уроды среди рептилий, и человек урод среди приматов, то положение России в ряду более благополучных и «нормальных» государств оставляет надежду на то, что роковые ошибки в генетическом коде российской цивилизации могут оказаться счастливой случайностью — залогом не просто будущего выживания, но и новой ветви эволюции. Но чем больше риска, тем масштабнее должен быть тот эволюционный сдвиг, который может его оправдать. Птицы и человек — результаты огромного эволюционного риска, поскольку среди макромутаций преобладают разрушительные. Но только такие макромутации

---

¹³ Корочкин Л. И. Биология индивидуального развития (генетический аспект). М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 241.

и способны вести к образованию новых видов и классов за эволюционно кратчайшие сроки, за жизнь нескольких поколений.

Так что России есть на что надеяться. Шансов немного, но они существуют, а главное, они не фатальны. Мы не прошлое, а настоящее Земли, мы не наблюдаем этот процесс палеонтологически, но участвуем в нем эсхатологически. И от всех носителей российского культурного генотипа зависит, насколько эта системная мутация окажется вредной или благоприятной для данного исторического организма и приведет к его гибели — или созданию новой линии эволюции.

2010

Виды патриотизма

Есть выражение «ура-патриотизм», которое в словарях определяется как «показной и шумный патриотизм», поскольку он бурно восхищается всем происходящим на родине. Но почему другие междометия не могут выражать какие-то существенные формы и оттенки патриотизма — грустного, горького, страдающего, удивленного, ироничного, критического, обличительного?

Утвердительные формы патриотизма

«ай-люли-патриотизм» — сентиментальный, душещипательный, умилительный, со слезой.

«ах-патриотизм» — мелодраматический, склонный к театральным эффектам.

«вау-патриотизм» — молодежный и спортивный патриотизм, граничащий с изумлением и восхищением: вот так приколы, вот что родина учудила!

«угу-патриотизм» — мрачно поддакивающий, безрадостный, инерционный.

«бла-бла-патриотизм» — риторический, болтливый, декларативный.

Репрессивные формы патриотизма

«чур-патриотизм» — охранительный патриотизм, враждебный всему новому и иностранному, близкий ксенофобии.

«цыц-патриотизм» — патриотизм, который пытается заглушить своих оппонентов.

«улюлю-патриотизм» — травля несогласных под маской патриотизма, охота на инакомыслящих.

Критические формы патриотизма

«долой-патриотизм» — протестный, отрицающий патриотизм.

«увы-патриотизм» — патриотизм, скорбящий о том, что происходит на родине, горький, подчас язвительный.

«ну-ну-патриотизм» — скептический патриотизм, с недоверием воспринимающий действия властей.

«ха-ха-патриотизм» — иронический или саркастический патриотизм, смеющийся над тем, что уродует родину.

В русской классике XIX в. выражен самый широкий спектр чувств, вплоть до щедринского ха-ха-патриотизма и толстовского долой-патриотизма. В развитии общественных чувств действует закон чередования трех «у». Горячий ура-патриотизм переходит в инерцию все более угрюмого согласия — угу-патриотизм, который в свою очередь уступает место сожалению и горечи — увы-патриотизму. В массовой пропаганде обычно преобладают ура-, чур-, цыц-и улюлю-, но постепенно все это начинает восприниматься как бла-бла-патриотизм.

Родина-ведьма. Демонология России у Гоголя и Блок

Патриотическая волна захлестнула российское общество и, кажется, поднимается все выше и выше... Но что такое этот патриотизм, каким вдохновением он питается? Первыми на память приходят, конечно, лирические отступления из «Мертвых душ». Со школьных лет западает в душу томительно-сладкий гоголевский образ России — диво-земли, осиянной каким-то неземным светом, по которой мчатся, ликуя и пропадая в волшебной дали, богатырские кони. Как и верить в Россию, как восхищаться ею, если не по Гоголю?!

«Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразась во глубине

моей; неестественной властью осветились мои очи:
у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль!
Русь!..»¹

Но что-то в гоголевском слогe заставляет нас сторожиться читательский слух, самим же Гоголем воспитанный. Какие-то отголоски совсем другой гоголевской прозы слышатся в этом гимне. Где-то уже сияла перед нами эта чудная, заколдованная красота.

«Такая *страшная, сверкающая* красота! /.../ В самом деле, резкая красота усопшей казалась *страшною*» («Вий»). И самому читателю, как Хоме Бруту, вдруг хочется воскликнуть:

«- Ведьма! — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы».

Случайно ли это совпадение? Что, собственно, описано у Гоголя под именем России? Если мы обратимся к сравнению «Мертвых душ» с ранними сочинениями Гоголя о злых духах и бесах, то обнаружим удивительную переключку. Комментарием к лирическим отступлениям «Мёртвых душ» послужат более ранние произведения самого Гоголя. Тогда обнаружится, что в самых патриотических местах, где гоголевский голос достигает высшего, пророческого, звучания, как бы слились воедино, бессознательно истекли из души писателя демонические мотивы его предыдущих произведений.

---

¹ Прерывается эта поэма в поэме вполне прозаически: «— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану».

Вперенный взгляд

Сверкающая, чудная даль России, в которую устремлен взгляд писателя, в ответ сама как будто взирает на него. «Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» («Мертвые души»). Таким пристальным, завораживающим взглядом, как правило, пронизаны встречи гоголевских персонажей с нечистой силой. Этот мотив проходит и в «Страшной мести», и в «Вии», и в «Портрете», то есть во всех трёх книгах Гоголя, предшествовавших «Мёртвым душам» («Вечера», «Миргород», «Арабески»).

«Вмиг умер колдун и *открыл* после смерти *очи*... Так *страшно* не *глядит* ни живой, ни воскресший.» («Страшная месь»). Этот мотив продолжен в «Вии»: когда Хома стоял в церкви у гроба панночки, «философу казалось, как будто бы она *глядит* на него закрытыми глазами». «Труп уже стоял перед ним на самой черте и *вперил* на него мёртвые, позеленевшие глаза». «... Сквозь сеть волос *глядели страшно два глаза*... Все *глядели* на него, искали...». Вообще мотив пронзающего взгляда — «подымите мне веки» — центральный в «Вии». Следует особо отметить, что вперенные глаза у демонических персонажей часто источают загадочный блеск, *сверкают, светятся*. «... Старуха стала в дверях и *вперила* на него *сверкающие* глаза и снова начала подходить к нему» («Вий»).

Не отсюда ли и свет, бьющий в глаза писателю от встречно устремленных на него очей: «*неестественной*

властью *осветились* мои очи»? Россия смотрит на Гоголя тем же сверкающим взглядом, каким колдуны и ведьмы всматриваются в своих жертв.

Оцепенение

У Гоголя колдовать — значит оцепенять. «Богопротивный умысел» колдуна, приманивающего к себе душу своей спящей дочери, — и заколдованного еще более страшной силой взгляда рыцаря-мстителя: «Посреди хаты стало веять белое облако, и что-то похожее на радость *сверкнуло* в лицо его. Но отчего же вдруг стал он *недвижим, с разинутым ртом, не смея пошевелиться...?* В облаке перед ним светилось чье-то чудное лицо. ... Чем далее, выяснилось больше и вперило неподвижные очи. (...) ... Непреодолимый ужас напал на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако так же *неподвижно* глядела на него... острые *очи не отрывались* от него» («Страшная месть»). В этой сцене колдовства сплелись два мотива: сверкающие, неподвижные очи — и голова, осененная облаком, что, вероятно, проливает свет и на магическое значение «облака» в лирическом отступлении о России. Перекличка двух произведений почти дословная: «Обратило на меня очи... главу осенило грозное облако» («Мертвые души») — «вперило неподвижные очи... голова сквозь облако» («Страшная месть»).

Вот еще ряд колдовских сцен, где сверкающие глаза связаны с мотивом оцепенения и неподвижности. «... Старуха стала в дверях и вперила на него *сверкающие глаза* и снова начала подходить к нему. Философ хотел

оттолкнуть её руками, но, к удивлению, заметил, что *руки его не могут приподняться, ноги не двигались;* и он с ужасом увидел, что даже *голос не звучал из уст его:* слова без звука шевелились на губах» («Вий»). «... Зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И ещё, полный недоумения, *неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжёлое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством*» («Мертвые души»).

Свет и звон

У колдовского пространства напряженный цветовой колорит и звуковой тембр, в нём разливается сиянье и слышится звон. Если представить гоголевскую Русь в удаляющейся перспективе, то она прежде всего паразит сверканьем и звоном. «... Неестественной властью *осветились* мои очи: у! какая *сверкающая, чудная, незнакомая* земле даль! Русь!..» «... Не молния ли это, сброшенная с неба?... *Чудным звоном заливается колокольчик...*»

Опять-таки уже слышался у раннего Гоголя этот чудный звон, соединяясь с чудным сияньем: «Казалось, с тихим *звоном* разливался *чудный свет...* И опять с *чудным звоном осветилась* вся светлица розовым светом, и опять стоит колдун *неподвижно* в *чудной чалме* своей. *Звуки* стали *сильнее* и гуще, тонкий розовый *свет* становился *ярче*, и что-то *белое*, как будто *облако*, веяло посреди хаты...» Это колдун ворожит, призывает к себе душу дочери Катерины, чтобы склонить на богопротивную связь («Страшная месть»).

Призрачный свет

Колдовской свет исходит не от солнца, но из царства тьмы, в нём есть что-то призрачное, мерцающее — то ли луна играет своими чарами, то ли светит какое-то загадочное ночное солнце («Вий»). «Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. Леса, луга, небо, долины — все, казалось, как будто *спало с открытыми глазами*» («Вий»). «Сиянье месяца усиливало белизну простыни... Лунное сияние лежало все ещё на крышах и белых стенах домов...» («Портрет»).

Этот же хронотоп колдовской ночи, высветленной, даже выбеленной изнутри, находим в лирическом отступлении «Мертвых душ»: «Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам... подобно сверкающему металлу блистают вкось озаренные крыши... А ночь! небесные силы! какая ночь совершается в вышине!» Особенно поразителен почти дословный параллелизм «Портрета» и «Мертвых душ» в описании того, как действие лунных чар усиливается белизной простыней/полотняных платков и стен/крыш.

Звон и рыдание

В заколдованном мире звуки, подобно свету, возникают словно ниоткуда, само пространство разносит их — и они впиваются в душу неизъяснимым очарованьем, в котором слиты восторг и унынье. Хома несётся на ведьме: «Но там *что?* Ветер или музыка: звенит, звенит, и *вьется*, и *подступает*,

и *вонзается в душу* какою-то нестерпимую трелью...» («Вий»). Такая же вопрошительная интонация — в лирическом отступлении о России: «*Что* в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и *хватает за сердце*? Какие звуки *болезненно* лобзают, и *стремятся в душу*, и *вьются* около моего сердца?» («Мертвые души») Те же слова, та же мелодия их сочетанья: «вьется... и вонзается в душу», «стремятся в душу и вьются».

При всей звонкости этой песни есть в ней что-то болезненное, жалостное, рыдающее. Именно звуковой образ позволяет понять: чувство, каким Россия отдается в сердце автора, то же самое, каким сверкающая красота панночки отдаётся в сердце Хомы: «Она лежала как живая. (...) Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то *страшно пронзительное*. Он чувствовал, что душа его начинала как-то *болезненно ныть*, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь *песню об угнетенном народе*» («Вий»)

Зародыш того лирическо-демонического пейзажа, который широко раскинулся в «колдовских» сочинениях Гоголя и в конце концов слился с образом России, мы находим в «Бесах» Пушкина, герой которого тоже потерялся в «необъятном просторе», наполненном звуками «жалобной» песни:

Сколько их! куда их гонят?

Что так жалобно поют?

Домового ли хоронят,

Ведьму ль замуж выдают?

... Мчатся бесы рой за роем

В беспредельной вышине,

*Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...*

«Надрывая сердце» — «рыдает и хватает за сердце». «Бесы», как и «Ночь перед рождеством», написаны в 1830 г., и в них можно найти почти дословное совпадение: «мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине» — «все было светло в вышине... вихрем пронесся... колдун..., клубился в стороне облаком целый рой духов...» Но то, что у Пушкина отдает жутью, у Гоголя пока еще овеяно духом фольклорной забавы, лишь позднее войдёт в этот полночный сияющий пейзаж «бесовски-сладкое чувство» («Вий»).

Быстрая езда и мелькание

Важнейший мотив гоголевского лирического отступления — скорость, стремительное движение России-тройки: не то скаканье по земле, не то уже полет над землею:

«И какой же русской не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “черт побери все!” — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе... Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?...»

Здесь впервые в «патриотическом месте» поэмы прямо поминается черт. Хотя Гоголь прячет своего давнишнего персонажа под стершейся идиомой («черт побери все»), сам контекст подчеркивает ее прямой, демонический смысл, поскольку рядом го-

ворится о «неведомой силе». Знаменательно, что сравнение тройки с птицей предваряется у раннего Тоголя сравнением черта с птицей. «Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!» — приказывает Вакула черту, и тот покорно подымает его в воздух, «на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу...» Так что соединение снижающего образа «черта» и возвышающего образа «птицы» уже задано в ранней повести. Вокруг мотива быстрой езды выстраивается устойчивый образный треугольник: тройка — птица — черт.

Полет Вакулы верхом на черте и Чичикова на тройке — вариации одного мотива. Знаменательно, что черт, приземлившись вместе с Вакулой, «оборотился в коня» и стал «лихим бегуном». И дальше вихревое движение этого черта-бегуна совпадает по пластике изображения с бегом коней, олицетворяющих Русь. «Боже мой! стук, гром, блеск...: стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон...; мосты дрожали; кареты летали... огромные тени их мелькали...» («Ночь перед Рождеством»). «... И сам летишь, и все летит; летят версты..., летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль... Гремят мосты, все отстаёт и остаётся позади... Что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? ... Гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли...» («Мертвые души») Одно и то же «наводящее ужас движение» изображено в полете на черте и в полете на тройке: «мосты дрожали» — «гремят мосты»; «кареты летали» — «летит вся дорога»; «отзывались

громом» — «гремит воздух»; «пешеходы жались и теснились» — «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Гоголевское величание Руси-тройки достигает мистического апофеоза в словах «и мчится вся вдохновенная Богом». В ранней повести Гоголь придает юмористическое звучание этому патетическому образу. Вакула, принесённый в Петербург чертом, засовывает его в карман и входит к запорожцам, которые приветствуют его: «Здорово, земляк, зачем тебя Бог принёс?» Черт «нечаянно» назван Богом. И такое же головокружительное превращение — словно незаметно для автора — происходит в лирическом отступлении. «Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “черт побори все!” — мчится вся вдохновенная Богом» (5, 232–233).

В нижеследующей сборной цитате трудно различить фрагменты двух произведений, настолько плавно они перетекают друг в друга, демонстрируя стиливое единство демонического хронотопа:

«А ночь! небесные силы какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..» («Мертвые души»). «Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятым всадником на спине. Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. (...) Земля чуть мелькала под ним. Все было ясно при месячном, хоть и неполном свете. Долины были гладки, но все от быстроты мелькало неясно и сбивчиво в его глазах» («Вий»). «... Что-то страшное

заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет...» («Мертвые души»).

И сама тройка то и дело рассыпается прахом и пылью, уносится в никуда. «И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка» («Мертвые души», 5, 208).

Блок выдает тайну Гоголя

Демонически-эротический подтекст гоголевского образа России ясно выступает не только в его собственном, раннем творчестве, но и в последующем движении русской литературы, прежде всего у Александра Блока, который накрепко связал в своей поэзии два этих мотива: «демонической женственности» и «вдохновенного патриотизма». Образы колдуньи, «незнакомки», «снежной девы», с её чарами, заклятиями, волхованьями, пронизывают всю лирику Блока, особенно периода «Снежной маски». Мы узнаем мистическое сладострастие «Вия» в таких стихах, где лирический герой, заколдованный «очами девы чародейной», уносится на вершины, падает в бездны, растворяется в метели, вновь и вновь испытывает судорогу «быстрой езды» в объятиях ведьмы, которую называет «Россией». Это дразнящая и гибельная красота, влекущая за собой до задыхания в бесконечность и куда-то пропадающая.

И, миру дольнему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

... Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,

Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

... И пронзительным взором
Ты измерила даль страны...
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытии.
Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

... Каким это светом
Ты дразнишь и манишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки
И — вольная Русь?..
... Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
И странным сияньем сияют черты...

(Из цикла «Заклятие огнем и мраком»)

Блок досказывает то, что оставалось недосказанным у классиков 19-го века, — то, о чем они не догадывались, чего боялись, в чем не смели признаться самим себе. Блок восстанавливает пушкинское наполнение бесовского пейзажа — метельное, вьюжное, но там, где у Пушкина только страх и отчаяние заплутавшего путника, у Блока — «бесовски сладкое чувство» гибельного полета вслед непостижимой силе, зовущей от имени родины.

«Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце?» — вопрошал Гоголь. «Что мне поет? Что мне звенит? Иная жизнь! Глухая смерть?» — вторит ему Блок и уже дает свой ответ. Для Блока эта «влекущая красота», низводящая ангелов, смеющаяся над верой, попирающая заветные святыни, открывается и воспевается в его собственной Музе. «Кто раз взглянул в желанный взор, тот знает, кто она» — говорит Блок о своей незнакомке. Собственно, Панночка-Россия, с её страшной, сверкающей красотой, и становится Музой Блока, поэзия которого так же вышла из «Вия», как, скажем, проза Достоевского из «Шинели».

Чтение Блока в свете Гоголя позволяет, в частности, понять, как и почему Россия из старухи превращается в юную красавицу («Новая Америка»): ведь это превращение уже совершилось в «Вие». «Помолодевшая ведьма» — так можно обозначить этот мотив русской словесности.

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты...
Нет, не старческий лик и не постный

Под московским платочком цветным!
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...
«Новая Америка»

Здесь угадывается вариация на тему Гоголя: «... Точно ли это старуха? (...) Он стал на ноги и посмотрел ей в очи... Перед ним лежала красавица, с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами». Кстати, и «запылавшие щеки» тоже содержат реминисценцию из Гоголя — вспомним «погубившую свою душу» деву-русалку из «Страшной мести»: «щеки пылают, очи выманивают душу... Беги, крещеный человек!» («Страшная месь»).

Так Блок выдает тайну гоголевской России, отчасти сокрытую от самого творца. В статье «Дитя Гоголя» (1909) Блок, исповедуя свою веру и завороченность Россией лирических отступлений, утверждает, что Гоголь носил под сердцем Россию, как женщина носит плод, — и тут же проводит поразительное уподобление: «перед неизбежностью родов, перед появлением нового существа содрогался Гоголь: как у русалки, чернела в его душе “черная точка”». Блок не мог не знать, к какому гоголевскому образу отсылает это сравнение. В “Майской ночи” утопленница просит Левко найти в хороводе среди своих подруг затаившуюся там злую мачеху — “страшную ведьму”. И Левко замечает среди девушек одну, с радостью играющую в хищного ворона: “тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то

Родина и отечество

черное... -Ведьма! — сказал он, вдруг указав на нее пальцем...»

Вот с этой-то русалкой-ведьмой, точнее, с черной точкой внутри нее, и сравнивает Блок ту «новую родину», которую носил под сердцем Гоголь...

1995, 2015

Сия Россия

Недавно я был в художественном музее Глазго, где целая экспозиция посвящена шотландскому национальному самосознанию, особенно в его поэтическом выражении. По аналогии подумалось о России. Стихов я не пишу. А тут, под влиянием то ли Р. Бернса, то ли В. Скотта, вдруг сочинилось стихотворение, которым рискую поделиться с читателями. Оно не отнимет много времени. Пожалуй, это самое короткое стихотворение во всей русской литературе, если, конечно, не считать «Поэмы конца» Василиска Гнедова, где вообще нет слов.

*Сия
Россия*

Вот, собственно, и все «стихотворение». Мне кажется, оно не лишено некоторых достоинств, помимо краткости. Во-первых, это редкий образец одностопного ямба (почти без прецедентов в русской поэзии). Во-вторых, налицо глубокая рифма — одно слово целиком совпадает с частью другого (правда, это рифма для чтения, а не произнесения).

Но насколько глубоко это стихотворение проникает в суть своего предмета? Что говорит оно о России?

8. Феодализм, социализм, теперь вот капитализм — и все на одно лицо. Рабство, продажность, ненависть, бедность, насилие, пьянство, лень... И обо всем этом сказано буквально в двух словах. Ни убавить, ни прибавить.

9. Страшное стихотворение — приговор России.

10. Автору просто нечего сказать о России, поэтому он и пользуется указательным местоимением, а чтобы произвести поэтическое впечатление, заменяет «эта» на «сия». Тавтология — только и всего.

11. По-моему, А. М. Пятигорский высказался об этом предмете еще короче и точнее: «х-ня».

От автора: Неправда, Пятигорский высказался гораздо пространнее: «Главная особенность России — не воровство, не коррупция, не глупость, не злоба... (переходя на еле слышное бормотание) не хамство, не тщеславие, не невежество. Главная особенность России (вдруг переходит на крик) — ЭТО Х-НЯ! ВСЯКАЯ Х-НЯ!!!».¹

12. Чувствуется, что автор любит Россию, но у него просто не хватает слов для выражения своих чувств и, воскликнув «сия!», он смущенно умолкает.

13. Это стихотворение можно истолковать феноменологически: указание на явление раскрывает его сущность. Россия предстает такой, какой она сама являет себя, как эйдос, «этость».

14. Для русских мыслителей и поэтов Россия — основа основ, божество. Но божество не поддается описанию. Про него можно говорить только языком умолчаний или тавтологий. Автор выбирает второе.

---

¹ <http://actualcomment.ru/man/296/>

15. Эта шутка не лишена остроты и изящества, но по сути бессодержательна.

Я был растерян от того, что получился такой большой разброс диаметрально противоположных мнений.

А вы что думаете, друзья?

II. ИДОЛЫ И ИДЕАЛЫ

Что осталось от Ленина?

Ленин — огромный икс нашей истории. Некое неразрешенное, или неразрешимое, уравнение. Я, как и все советские, воспитывался на Ленине. Сегодня понимаешь, что кудрявый ангелоподобный мальчик на октябрятских значках, которому во всем нужно подражать, все еще остается в сумеречной зоне нашего коллективного бессознательного. Мы все сделаны Лениным. Никого главнее не было. Мама-папа, бабушки-бабушки — это были местные божества, а он был всеобщим. Он нас создал, а кто он — мы теперь не знаем. Того Ленина, который был на знамени и значках, уже нет. В то же время в адского злодея, монстра, как Сталин или Гитлер, он тоже не превратился. Он остался каким-то джокером, постмодерным персонажем, которого и деконструировать трудно, потому что прежде его еще надо сконструировать. Он предстает теперь как зияние, огромная прореха, в которую обрушилась империя. И весь XX век. Если Россия — подсознание Запада, то Ленин — подсознание России. Иван Грозный, Петр I, цари Александры и Николаи, Распутин, Сталин уже вошли в наше

сознание, успели стать предметом национальной рефлексии, но Ленин скрылся, ушел в подполье, в глухую несознанку. И в этом смысле, как огромное вместилище бессознательного, Ленин сомасштабен России.

Сталин, при всем его демонизме, прост. Он модернистский, кафкианский персонаж. Он понятен: жажда власти, восточный деспотизм, наследие монархии, цель оправдывает средства и так далее. А в Ленине удивительным образом уравновешены циник и идеалист, их нельзя разделить. Я пытался разгадать его загадку, читая его письма родным. И ничего не понял. «Нулевой градус письма», как сказал бы Ролан Барт. Пишет, как пионер из лагеря бабушке. Купался, загорал, ходили в поход, много друзей. Точка. Вот это конспирация! — абсолютная прозрачность. Рассматривай, ощупывай — он есть, но его нет.

Я пытался понять Ленина, читая о нем уже в постсоветские годы. Какие-то разоблачения, воспоминания оппонентов. Но и это не помогло. Я по-прежнему представляю Ленина таким, каким он был для меня в детстве и юности. При том что все идеологические наслоения отпадают, человеческий костяк остается тем же. Сквозит пустотой. И открывшиеся факты ничего не добавляют, а только усиливают чувство загадки. Тому всемирному гению, вооруженному передовым учением, сподручнее было произвести революцию, чем вот этому прозаичнейшему джентльмену, без обаяния, без красок, серому, как тот октябрьский денек. Только какие-то случайные проблески. Помню, как появился портрет Ленина в журнале «Новый мир», кажется, еще при Твардовском, этот

интровертный портрет раньше не тиражировали. На этом снимке он глядит прямо в тебя, у него глубокий взгляд очень умного преступника.

Страстная машина

С одной стороны, да, Ленин — машина, но в то же время очень страстная машина, машина человекоубийственных страстей. Если читать его работы — даже «Материализм и эмпириокритицизм», якобы философский трактат, — то и там он постоянно рычит на своих оппонентов, честит их почти непотребными словами. В основе его натуры лежит огромное раздражение, которое можно проследить до «карамазовского» истока. Если пролилась где-то слезинка труженика, то за это надо задушить все правящие классы, всех буржуев, дворянчиков и попов, не говоря уже о Боге. В письме Максиму Горькому Ленин пишет, что «всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно» (13 или 14 ноября 1913 года). Это значит: превратить Отца в ребенка. И одновременно объявить его трупом. В основе лежит желание уничтожить отца и занять его место. Это можно назвать волей к власти или Эдиповым комплексом.

Ленин вообще — место конвергенции основных учений XIX — начала XX века, марксизма, ницшеанства и фрейдизма, но Эдипов комплекс первенствует — по отношению к Богу, к царю. Идея свержения верховной власти и овладения Матерью-

землей — отсюда и материализм, вера в то, что первична природа, при том что к настоящей природе он был равнодушен. Якуб Ганецкий вспоминает о том, как они с Лениным и другими товарищами пошли на прогулку в швейцарских Альпах. Когда поднялись на перевал, открылся сияющий вид на озеро, на снежные вершины, а Ленин, оглядевшись, только выругался: «Сволочи!» И пояснил: «Ох, и гадят нам меньшевики!» Никакого живого чувства к природе у этого материалиста не было, а тем не менее вот он, культ материи. Для «воинствующего материалиста», каким называл тебя Ленин, первичность матери-природы — это лишь первый ход в отторжении ее от Отца. А второй и главный — самому овладеть ею. Большевики признавали первенство материи лишь для того, чтобы самим молодо, хищно ею обладать.

Презрение к миру

Читать Ленина невероятно скучно. Ни единого человеческого слова — сплошь условная политическая манера, предсказуемая демагогия. Сталинский язык, конечно, еще более автоматизирован, чем ленинский. «Что такое есть ленинизм? Ленинизм есть, во-первых... Во-вторых, товарищи, ленинизм есть...» Это уже совсем замороженный, заторможенный марксизм. А у Ленина еще сохраняется речевой пыл, какой-то захлеб. Но это захлеб политического лая, который вызван все тем же раздражением. Во всем — чувство смертельной обиды оттого, что кто-то еще не знает азбучной истины, хотя она давно уже открылась

марксизму: «Уже сто лет как известно...», «уже давно пройдено... разжевано». А все равно не понимают. И, конечно, эти непонимающие — недоумки, дураки, подлецы, преступники. Им противостоит только сам Ленин и его последователи. Мир населен врагами, и это его заводит. Он находится в состоянии вражды и презрения к миру.

Политические конкуренты

Общее у Ленина с Марксом — то, что они гораздо более раскаляются против близких, союзников, чем против прямых врагов. Если вспомнить «Коммунистический манифест», то полемика с буржуазными взглядами там занимает не так уж много места. Главное — полемика с другими разновидностями социализма: прусским, мелкобуржуазным, утопическим... Классовый враг уже повержен, его как бы сама история прикончит, а вот со своими надо разобраться. И для Маркса, и для Ленина в борьбе за лидерство важнее низвергнуть «почти» своих: «меньшевиков», «ликвидаторов», «отзовистов». Такие люди, как Ленин, не умеют любить. Они могут ненавидеть, но лучше всего они умеют ревновать. Ненависть направлена на врагов, а ревность на тех, кто любит иначе. И это чувство ревности съедает любовь и преобладает над всем.

Ленин банален. И при этом невероятные, колоссальные последствия его действий. Как такие обычные причины сходятся с такими судьбоносными для мира последствиями — загадка.

О пользе Ленина

Польза от Ленина заключается в том, чтобы найти его в себе и по капле выдавить из себя. Это трудно: я помню, что, будучи студентом и уже несогласным с властью, я тем не менее раздражался на всякие анекдоты о Ленине. Мне казалось это неподобающим. Ты можешь быть за или против, но карнавализовать эту фигуру нельзя. Вот так «правильно/неправильно» мы были воспитаны.

Теперешняя глухота, безотзывность вокруг Ленина, когда сошла советская власть, показательна. Тот «призрак коммунизма», о котором писали Маркс и Энгельс, воплотился в Ленине, в большевизме, а потом испарился, и Ленин опять стал призраком. Ленин в общем-то остался не у дел. О нем вроде и сказать нечего. Никто его особенно не клеймит, никто за него особенно не держится, все бури — вокруг Сталина. Империя нам сейчас понятнее, чем революция.

Когда Ленин заинтересует нас больше, чем Сталин, вот тогда мы как страна, как общество сможем двинуться дальше. Ленин — это наш внутренний мертвяк. Нужно раскопать в себе Ленина и похоронить в прошлом, в истории революции, в судьбе гигантских страстей. То, что Ленина сегодня никто в упор не видит и не рассматривает, говорит о том, что мы еще у него в плену. Поэтому его внешние отражения — памятники, названия улиц, мемориальные доски — никого не задевают. Представьте, например, какая была бы сейчас реакция на памятник Сталину, воздвигнутый в центре Москвы, или Дзержинскому —

восстановленный на Лубянке. А памятники Ленину стоят, как какие-то черные дыры, параллельные миры. Никто их не замечает. Они принадлежат нашей среде обитания, они знаково не отмечены, это фон, тускло выкрашенный забор, которым обнесено место будущего строительства. Кому интересно смотреть на забор? И к Мавзолею, который остается географическим и символическим центром страны, у нас нет никакого отношения. Он вне интерпретации.

Это значит, что в историческом времени мы еще живем под Лениным. Уже после Сталина, но еще при Ленине. Он пережил себя, уйдя в подполье. Став менее заметным, он сохраняет могущественное присутствие вокруг нас в виде тени. Как тень, он органически вписался в постсоветское пространство. У нас не только теневая экономика, теневой бизнес, но и теневой национальный лидер. Когда Ленин выйдет из этой тени, предстанет как самая роковая из наших фигур, это будет знаком выздоровления, возрождения.

Сталин — имя России? Список-диагноз

В 2008 г. телеканал «Россия» объявил конкурс «Имя Россия» — выборы наиболее значимых деятелей, представляющих Россию на всем протяжении ее истории. В ходе голосования интернет-пользователей, телезрителей и радиослушателей с большим отрывом стал побеждать Сталин, его имя, а значит, и дело.¹

Самое жуткое впечатление производит верхняя часть списка. Тираны и серийные сверхубийцы: Сталин, Ленин, Иван Грозный. И певцы, надорвавшие свой голос и жизнь, Высоцкий и Есенин. А между ними — единственный царь, Николай II, чьей слабостью или злосчастьем весь этот больной, саморазрушительный век обрушился на Россию. Я ничего не имею против поэзии Есенина и Высоцкого, многое в них люблю, но нельзя же не видеть, что эти самоубийственные лирики, в качестве знаковых фигур, иллюстрируют болезнь России, глубину ее надрыва и отчаяния. Как ни трудно в этом признаться, но Ленин и Сталин, с одной стороны, и Есенин и Высоцкий — с другой, это имя одной болезни, одного биполярного синдрома. Это мания одних и депрессия других, это громогласные расстрельные приказы,

---

¹ <http://lenta.ru/news/2008/07/08/yosja/>

энтузиазм воинственных толп — и тоска личной жизнеутраты. И то, что эти имена теперь во главе списка, говорит лишь о том, что болезнь не преодолена, что безумие палачей и надрыв жертв все еще правят подсознанием, да и сознанием страны.

Знаменательно, что из первых шести имен пять представляют последний, самый страшный и болезненный век России, а за все предыдущее тысячелетие отобран тот единственный, кто душевную болезнь этого века в наибольшей степени предвосхитил, — Иван Грозный. От двух самых здоровых, жизнотворных, созидательных веков России: XVIII-го и XIX-го — в верхнюю часть списка пока что не попал никто. Даже Петр I, Ломоносов, Пушкин оказались позади, а уж Рублев, Тургенев и даже Дм. Донской и Юрий Долгорукий — и вовсе в охвостье.

Из дальнейшей части списка вырисовывается автопортрет здорового, вменяемого общества, со своими святыми, творцами, героями, учеными. Сергей Радонежский, Пушкин, Гагарин, Королев... Но как отрезать верхнюю часть? Или хотя бы задвинуть ее поглубже, вогнуть в плечи?

Вообще вопрос поставлен странно: кто оставил наибольший след в истории России? Почему тогда не Чингисхан или Батый? — они ведь, по масштабам веков, наследили не меньше Ленина-Сталина. Нужно же отличать героя от герострата. Можно было бы разделить вопрос: кто оставил самый положительный, созидательный — и самый отрицательный, разрушительный след в истории России? И при попадании в обе колонки — взаимовычет.

Отдельная печаль: ни одного философа, мыслителя в этом многопечальном списке. Получается, что Карамзин, Герцен, Вл. Соловьев, Розанов, Бердяев, Флоренский, Лотман, Аверинцев — все прошли как сон пустой. Мысль не укрепилась в истории России, как и ее история — в современной мысли.

8 июля 2008

P. S. Вскоре разразился скандал, и под предлогом допущенных накруток результаты обнулили — и начали считать по новой. В результате «именем России» был назначен святой и князь Александр Невский, в лице которого церковь накрепко обнялась с государством.

Буревестничество

С середины 2000-х гг. в России стало складываться новое мировоззрение, которое лучше охарактеризовать не в политических, а в поэтических терминах, поскольку оно привносит в политику кипение творческих страстей. Можно назвать это явление *буревестничеством*, по имени горьковского персонажа, который воспарял над мещанским бытом и призывал бурю на обывателей: робких чаек, глупых пингвинов, гагар, всех, кому недоступно наслаждение битвой жизни. «Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает...» Учитывая, что Буревестник — это псевдоним демона, о чем не преминул поведать тогда еще откровенный Горький, можно назвать это умонастроение демонизмом. Или, если уж нужен политический термин, *демонократией* (всего один слог отделяет от «демократии», но это слог «но»!).

Не случайно в лидерах этих умонастроений — писатели: А. Проханов, Э. Лимонов... А примыкают к нему с разных флангов столь непохожие люди, как евразиец А. Дугин и недавно скончавшийся в Израиле литературовед А. Голдштейн. Для них главный критерий политической жизни: величие, яркость, красочность, поэтому их можно отнести к платоно-вагнеровской, а у нас — блоковско-маяковской

традиции политико-эстетической мысли. Государство — это совершенное произведение искусство, в котором граждане играют роль послушного материала, мягкой глины, лепимой руками творца-вождя, сверххудожника дела, чьи поступки — «размером в шар земной». Главное — просиять и сгореть. Постсоветское буреветничество вдохновляется многими мотивами предсоветского и раннесоветского (Горький, Маяковский, Багрицкий, Н. Островский...).

Одержимость всякого рода масштабами: историческими, эстетическими, политическими, географическими, космическими... Любовь к панорамам и взволнованным стихиям: бушующему морю, вулканической лаве, оглушающему грому и ослепляющей молнии. Зачарованность великим и возвышенным, героическим и трагическим, судьбоносным и стихийным в их наглядных проявлениях. Это жизнь под знаком супер...

Это роднит Проханова, Лимонова, Дугина и, как ни странно, Д. Быкова. Это роднило Горького, Блока, Маяковского и, как ни странно, Пастернака 1930-х гг. Эстетика важнее морали. Или, тоньше, сама эстетика несет в себе мораль, и абсолютное зло, благодаря своему, превосходному (в гегелевском смысле) масштабу, становится благотворным, т. е. морально оправданным. Великолепие воспринимается как великодушие, сила как правда. Буреветничество — это наслаждение коллизиями, катаклизмами, катастрофами, революциями, всеми красочными и кровавыми пиршествами истории, в которых проявляется величие героев и жертв.

Политически это умонастроение переходит в титанократию, убеждение, что власть и государство должны быть титанических масштабов, должны править миром или устремляться к такому господству, и задача граждан — служить такой возвышенной и всеобъединяющей цели. Слабые, посредственные диктатуры или демократии ведут к моральному вырождению населения, упадку духа и духу упадка, культу золотого тельца. Конечно, титанизм не предопределяет форм правления, теоретически возможна и титаническая демократия, например, США. Но поскольку демократия требует разделения власти между многими ее ветвями и субъектами, а значит, и их относительного ослабления, то чаще всего титанократия тяготеет к форме тоталитарных или авторитарных режимов. Буревестничество — это романтика революции, великих потрясений и жертв, могучих вождей, единящихся масс, самоотверженных героев, оптимистических трагедий...

В конкретных послесоветских условиях идеалом буревестничества становится СССР, как великая сверхдержава, смело шедшая в будущее, поставившая себе на службу огромные человеческие и материальные ресурсы. Обратная сторона этого титанизма — бесконечное нагромождение жертв, подавление личности, преследование талантов и инакомыслящих, разорение природных ресурсов, — может в той или иной степени осуждаться, но при подведении общего баланса СССР оказывается в политическом и даже моральном выигрыше. Абсолютное зло благотворно хотя бы тем, что объединяет людей в борьбе против

себя. Диктатура объявляется создателем культуры, а чем больше преследовались и уничтожались писатели и ученые, тем больше это служило величию литературы и науки. Здесь звучат многие мотивы раннего евразийства, с его культом сильного государства как «симфонической личности». Буревестничество — это моральный максимализм, легко переходящий в аморальность, поскольку величие масштаба превышает полярности добра и зла.

2011

Пошлость обличения пошлости

В России принято много говорить о пошлости и непрерывно ее разоблачать. Набоков настаивал на непереводаемости самого понятия «poshlost'», его неискоренимой русскости. Откуда же в России такое засилье пошлости, что великие русские писатели: от Гоголя до Чехова, от Горького до Зощенко, от Ю. Трифонова до Т. Толстой — непрерывно с нею борются, а победить никак не могут? Последним в ряду пошлоборцев высказался Дмитрий Быков в замечательном «Письме историку»:

«... Существовать в России в наши дни — увы, несправимая оплошность: чего ни пой, куда ни поверни, с кем ни сойдись — все это будет пошлость, единой деградации процесс, хвалила власть тебя или карала. ... Ругать коммунистический ГУЛАГ, хвалить коммунистическую прошлость, показывая Западу кулак... какая пошлость, млядь, какая пошлость!..»

Можно добавить, что и осуждать пошлость — тоже пошлость, уже в квадрате, поскольку само употребление этого слова подразумевает вполне стандартное «интеллигентное» и «брезгливое» к ней отношение. Поэтому прав был Чехов, выставляя пошляками именно борцов с пошлостью, таких, как сухая и правильная Лида Волчанинова из «Дома с мезонином».

Отчего же в России пошлость ходит по кругу и тот, кто упорнее всех обличает ее, оказывается пошел вдвойне? В быковском стихотворении дан ключ к определению пошлости: «вкус уныл, а пафос беспределен!» Особенность российского общественного дискурса — его пафосность, повышенная эмоциональность и категорическая оценочность. Изучая язык советской эпохи, можно прийти к выводу, что лексические значения слов неразрывно срastaются с экспрессивными и оценочными. Слова «пролетарий» и «материализм» возбуждали энтузиазм и горячую веру, а «буржуазный» или «идеализм» — презрение и вражду. Слова становятся сигналами для определенных действий и отношений. Вот это и есть пошлость: запрограммированность поведения, отсутствие личного подхода и самостоятельной рефлексии. Такое чрезмерное развитие второй сигнальной системы академик Иван Павлов считал характерным для своих соотечественников: «Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует. <...>Русская мысль совершенно не применяет критики метода, т. е. нисколько не проверяет смысла слов, не идет за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность» («Об уме вообще, о русском уме в частности»).

Пошлость — это прокламация некоей сверхистины, это глубокомыслие, глубокочувствие, глубоководушие на мелких местах. По словам В. Набокова, «пошлость — это не только явная, неприкрытая бездарность, но главным образом ложная, поддельная значительность, поддельная красота, поддельный ум, поддельная привлекательность». Самый типич-

ный знак пошлости — восклицательный знак. Нигде в мире не употребляют столько восклицательных знаков, как в России. В английском языке он, между прочим, почти полностью вышел из употребления (да и появился впервые на пишущих машинках лишь в 1970-е гг.). В британском английском «!» используется в основном как знак иронии и сарказма, чтобы избытком пафоса подчеркнуть прямо противоположный смысл.

Почти вся российская публицистика — это сплошной восклицательный знак, заменяющий рефлексию и аналитику. И не только публицистика — это стиль общественной жизни, в которой восклицание внедрено в каждый публичный жест. Пошлость всегда патетична и даже по-своему вдохновенна.

Должно ли нас удивлять соседство вдохновения и пошлости? Примеры можно найти в поэзии революционной эпохи, даже у Маяковского и Есенина, не говоря уж о глашатаях и красных, типа Троцкого и Луначарского («железный обруч насилия и произвола», «в сердцах трудовых народов живет непреодолимое стремление»). Пошлость — это претензия на «сверх», это преувеличение «всего хорошего»: красоты, ума, добра, чувства, величия. Это эстетство, умничание, морализм, сентиментальность, мессианство. Это «лебедь горделиво выгибает свою изящную шею» или «клянемся свергнуть гнет кровавого деспотизма». Но и вдохновение — тоже «сверх», состояние чрезвычайности, когда слова и мысли выходят из под контроля разума, когда опьяняешься высоким и прекрасным: тут, выражаясь словами блоковской

«Незнакомки», один шаг от «in vino veritas» до «очей синих и бездонных». Вот почему вдохновение чревато пошлостью даже больше, чем смиренный здравый смысл. Пошлость бывает плоская — и величественная; пресная — и пьяная. Демьян Бедный впадал в пошлость — ну а Есенин разве нет?

И вот этого вдохновения, большей частью пьяного, очень много в общественной жизни России. Примечательно, что сам Д. Быков, борясь с пошлостью, настаивает, что в России невозможна ни культурная середина, ни средний класс — только полное величие или полное ничтожество:

«Россия — единственная страна в мире, которая может быть либо великой, либо никакой. Швейцария может, Франция может, даже Китай может заниматься мелкими делами. <...> Россия — страна не для средних людей. Даже среднего класса у нас нет. В России вообще нет ничего среднего. Средний человек в России не выживает. В России выживает либо подонок, равного которому нельзя отыскать, настоящий злодей, — либо гений» («Как добиться успеха»).

Понятен терапевтический смысл таких увещеваний: дескать, у нас потому все так убого, что мы еще не прорвались к тому величию, на которое только мы одни во всем мире и способны (хорошо бы скорректировать это утверждение с первым философским письмом П. Чаадаева). Но такой максимализм, такая претензия на наибольшее и есть источник пошлости, столь ненавистной Д. Быкову. Все срединное, умеренное, согласно этой логике, — пошлость. Либо великое, либо никакое! Либо гений, либо злодей!

Но это стремление непременно к великому, чтобы ни в чем не было среднего, а только удаль и прорыв, — и есть суть пошлости. Российская пошлость всегда претендует на подлинно революционный размах. Типична фигура «нового русского», которому мало умеренно-буржуазных форм самоутверждения, ему хочется «зажигать». В этом смысле он родной брат российской революции, которая раздувала «мировой пожар в крови». Горький обличал пошлость и скромное благоразумие и воспевал бурю и буревестничество, не понимая, что «гордый, черный демон бури» — это и есть квинтэссенция пошлости.

В Америке и в Англии, где я прожил четверть века, я практически никогда не сталкивался с явлением пошлости. Там в этот смысловой регистр почти ничего не попадает, хотя люди точно так же, как в России, рождаются, учатся, женятся, работают, отдыхают, стареют, умирают. И все это воспринимается как естественная участь, достойная человека, чем бы он ни занимался, домашним хозяйством, медициной, торговлей или философией. Есть презумпция достоинства в оценке людей, как есть презумпция невинности в правосудии. В России такой презумпции нет, поэтому приходится каждое письмо начинать «уважаемый» и заканчивать «с уважением», чтобы невзначай не обидеть адресата.

Запад живет по Аристотелю, по принципу золотой середины. Порок — в крайностях, а добродетель — посередине. Россия же живет, грубо говоря, по Платону, с его двоимирием вечных идей и их бранных копий. Россия чувствительна только к крайностям и потому

все среднее здесь обесценивается. Значение придается только абсолютному добру и абсолютному злу, а поскольку абсолютное добро недостижимо, то легко представить, на каком из двух полюсов мы чаще всего оказываемся. Россия — это место, где образуется само свойство пошлости, поскольку срединное подвергается такому гонению с обеих сторон. Если не удалось стать праведником, то уж лучше быть последним прохвостом, чем обывателем, это по крайней мере, честнее. Нижняя бездна, верхняя бездна — лишь бы не середина. В российской жизни есть пошлейшая претензия на что-то необычное, великое, вселенское, что, как правило, не поддается никакой реализации, да и заведомо не рассчитано на это, зато выражает себя сплошь восклицательными знаками или многозначительными многоточиями.

Классически это выражено у А. Блока, в его обращении к ненавистному обывателю:

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пушкой я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Здесь представлены сразу два типа пошлости. Первая, очевидная, — пошлость, которая обличается по-этом: обывательское довольство... Допускаю, что большинство людей, встреченных мною в США и в Ан-

глии, довольны своими женами и конституциями — но это ничуть не делает их обывателями. Они много работают, совершенствуются в своих профессиях, воспитывают детей, помогают бедным, несут ответственность за состояние общества. Ни малейшего налета пошлости не чувствуется в их жизни, при том, что они не рвутся в верхние бездны и не падают в нижние.

Вторая пошлость, уже не чуждая самому Блоку, — это обличение пошлости. Конечно, с восклицательным знаком. «А вот у поэта — всемирный запой, И мало ему конституций!» По мне так «всемирный запой» — это пошлость не меньшая, а БОльшая, чем довольство женой и конституцией. Гораздо более притязательная — а потому опасная и разрушительная. А вслед за отвержением середины идет прямое взаимообъятие двух бездн, нижней и верхней, их трогательное единение: да, «как пес», да, «втоптала» — зато «Бог» и «целовала!» Это и есть пошлость, возведенная в степень антипошлости, пошлость воинственная, величественная, как бы романтическая, поднятая на ходули и с этой высоты взирающая на срединно-пошлый мир.

Поэтому я бы призвал к крайней осторожности в употреблении слова «пошлость». Было бы полезно на какое-то время вообще вывести его из культурного словаря. Как писал И. Бродский, благо тому языку, на который нельзя перевести А. Платонова. И благо тем языкам, на которые не переводится слово «пошлость». В русском оно стало средством борьбы с той самой «золотой серединой», в которой российская жизнь больше всего нуждается.

Масштаб и вектор. О тотальгии

Всякая сверхдержава — это тоска по сверхтотальности, по мировому господству. Но и для многих граждан бывшей сверхдержавы тотальность и — это все еще весьма притягательный, ностальгический образ полноты бытия. Отсюда быстро нарастающее общественное умонастроение, которое можно назвать «тотальгией».

Тотальгия (скорнение слов «тотальность» и «ностальгия», от греч. *algos* — страдание, боль) — тоска по целостности, по тотальности, по тоталитарному строю, в том числе по советскому прошлому. Производные: тотальгический, тотальгировать (предаваться тотальгии).

Тотальгия — это чувство многостороннее. Тотальгия бывает идейной, зрительной, вкусовой и даже обонятельной и осязательной. Тотальгия может разыграться при виде орденоносной газеты, когда соскребаешь старые обои на даче, либо когда ешь тушенку или любительскую колбасу, с их неповторимым вкусом советского деликатеса.

Тотальгия — это тоска по единению с народом.

Хотеть, в отличие от хлыща
В его существованье кратком,
Труда со всеми сообща

И заодно с правопорядком.

(«Столетье с лишним — не вчера...», 1931).

Такова раннесоветская поэтическая формула тотальгии у Бориса Пастернака. Тогда, в начале 1930-х гг., тотальгия еще была обращена в коммунистическое будущее, как мечта интеллигентного одиночки о слиянии с новой породой людей. Нынешняя, постсоветская тотальгия в основном обращена в брежневский застой, или «засрай» («застойный рай»). Но со временем все более заметны формы уже не возвратной, но наступательной тотальгии, тоски по тоталитарному будущему: неофашизм, неонацизм, евразийщина...

Многие выходцы из советской эпохи, даже антисоветчики, разделяют чувство тотальгии. Ведь это не чье-то чужое прошлое, а наше собственное: юность, надежда, тревога, даже и страх, который тоже украшает жизнь, когда смотришь на него обернувшись назад, из другого времени. И вот уже весь народ поет тотальгические «песни о главном».

Тотальгией очень многое объясняется в нашем времени: властная вертикаль, полуторапартийность, ось «вождь-народ»... Трудно отделить в этой тотальгии утопию от пародии, а мемуар от пиара. Новейшая тотальгия неожиданно захватила даже здравомыслящего и живоумного Дмитрия Быкова. Как и многие, я восхищаюсь его многогранностью, неистощимостью, блеском стиха и прозы. Да и по существу бываю с ним согласен процентов на 90%. Но как только речь заходит об СССР, поражает странное слепое пятно в этом светлом и блестящем уме.

«... Советский Союз утонул, империя пала. Можно относиться к этой эпохе сколь угодно критично, но мы видим, что погубившие ее вещи обернулись гораздо большей бедой. Очень многие идеи, которые советский проект предложил России, для любой другой страны могли бы оказаться спасительны и целительны, но у нас благие начала были сожраны первыми. /.../ Критика СССР с той точки зрения, что там невозможно было купить колбасу или мужские носки, — величайшая пошлость. Я предпочел бы жить в стране, где есть цель, смысл, идеалы. Для меня это ценнее, чем хорошие носки. Да, Советский Союз был изрядной дырой во многих отношениях, но в эту дыру сквозило будущее.»¹

Да разве дело в колбасе? Критиковать тех, кто критикует СССР за нехватку колбасы, тоже пошло. Дело в том, что мы жили в колбе, из которой выпаривали все человеческое, оставляя в сухом остатке порох для завоевания мира. Да, при нехватке колбасы были в избытке Идеалы. Но какие? Нравственно то, что служит делу партии. Всеобщее доносительство. Классовая борьба. Раскулачивание. Большой террор. Интеллигенция — говно нации. Партия — ум, честь и совесть эпохи. Полпотия в грандиозном масштабе. Десятки миллионов ограбленных, замученных, расстрелянных.

---

¹ «Аргументы и Факты», <http://www.spb.aif.ru/society/article/43473> Правда, это только запись беседы. Но можно послушать и саму беседу и убедиться: именно это Быков и говорил. Видео: <http://shabaev.ru/raznoe/video-20-let-posle-raspada-sssr-imperiya-zla-rossiya.html#more-4258>. Да и вообще это одна из любимых тем писателя: превосходство СССР над нынешней Россией.

Быков считает, что нынешняя Россия унаследовала от СССР самое худшее, а лучшим пренебрегла. «Самое отвратительное, что было в Советском Союзе, наоборот, оказалось чрезвычайно живуче». Но самыми отвратительными в СССР были Архипелаг Гулаг и железный занавес. Неволя в квадрате: тюрьмы по всей стране и вся страна как тюрьма. В России 2000-х этого все-таки нет.

«Благие начала были сожраны первыми». Самое благое в СССР, по Быкову, — это расцвет культуры и литературы, великие просветительски-творческие достижения советской власти. Но ведь лучшие писатели были погублены физически или духовно: подавлены, уничтожены, сосланы, принуждены к молчанию. И это не отдельная «ошибка», не перегиб правильной линии, это суть самого идеала. «Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса» (Ленин, «Партийная организация и партийная литература»).

Представим себе судьбу самого Д. Быкова, родись он на несколько десятков лет раньше, не на исходе, а при начале Советии. Ни один из его романов не был бы напечатан, разве что рассказы, фрагменты: такова была судьба А. Платонова и многих других. А попробовал бы издать за границей — судьба Синявского и Даниеля. За сатирические стихи и публицистику отбывал бы срок в Мордовии, лет 15, не меньше. Даже за чтение таких «поэтогражданских»

стихов в кругу близких друзей разделил бы судьбу Мандельштама. Лирические стихи — раз в два-три года в «Юности» как прицеп к патриотическим стихам-«паровозам». И при этом — ни одного выезда за границу. Никаких встреч с читателями. Никаких радио- и телеэфиров. Так зачем же все хвалить такой режим, который, вернись он хоть на один день, сразу уничтожил бы своего хвалителя? Зачем это риторическое самоубийство?

«Да, советская власть натворила отвратительных дел, но при этом всегда говорила очень правильные слова, и эти правильные слова успели воспитать несколько неплохих поколений. Я долгое время для себя решал вопрос, почему это так, и пришел к выводу, что важен не вектор, а масштаб. Советская диктатура была первоклассной, а нынешняя свобода является второсортной, это очень посредственная свобода.» (Д. Быков, там же)

Нет, воспитывают не сами по себе правильные слова, а именно расхождение правильных слов и отвратительных дел. И ничего кроме апатии, цинизма, лицемерия, злобы, изуверства, предательства, человеконенавистничества такое расхождение воспитать не может. А хвалить советскую диктатуру за то, что она была первоклассной, — это такое сальто мортале первоклассного ума, что, кажется, он и вправду мортализирует до «полной гибели всерьез». Любование красочным злодейством в его вселенском масштабе... Неужели не ясно, что самая посредственная свобода неизмеримо лучше самой первоклассной диктатуры, потому что позволяет человеку выжить и сохранить достоинство и милосердие?

Вообще абсурдна сама формулировка: великое зло лучше, чем маленькое добро; великая несвобода лучше, чем маленькая свобода; самый адский ад лучше, чем не вполне райский рай. Это не просто экстремизм, но еще и морально вывернутый наизнанку. Лучше море зла, чем капля добра. Это не просто парадоксализм подпольного человека, сказавшего, что лучше миру погибнуть, а мне чай пить. Там был всего лишь эгоцентризм: своя чашка ближе к телу. Но у Быкова не эгоцентризм, а идеализм, по-своему бескорыстный, даже жертвенный: лучше человечеству закатать себя в фундамент величавой диктатуры, чем по чайной ложке вяло упиваться посредственной свободой.

Такой *надпольный*, почти небесный идеализм идет гораздо дальше подпольного парадоксализма. Подпольный человек вовсе не ищет уничтожения мира, он просто соблюдает свою свободную прихоть, свой маленький чайный интерес. А провозгласить великое злодеяние морально превосходящим скромное добро, косвенно предположить, что Сталин и Гитлер достойнее какого-нибудь нераскрепощенного обывателя, который не перекраивает грядущее Земли, а всего лишь возделывает свою грядку, — это такое обязывающее заявление, что даже в рамках «тотальгии» ему тесновато. Это экзальтирующий суперменский катастрофизм, причем уже ПОСЛЕ того, как он испытал себя в тоталитарной истории 20 в. и оставил после себя только кровь и пепел.

По ироническому совпадению, беседа Д. Быкова «20 лет после распада СССР» состоялась 11 сентября 2011 г., в десятую годовщину Великого Теракта

в Нью-Йорке. Наблюдатели не могли не оценить профессионализм этого самолетно-небоскрежного перфоманса, его предельную экономность, элегантность и эффективность, которая дала немецкому композитору Карлхайнцу Штокгаузену, лидеру мирового музыкального авангарда, повод эпатажно воскликнуть:

«То, что там произошло, — величайшее произведение искусства. Эти люди одним актом смогли сделать то, о чем мы в музыке даже не можем мечтать. Они тренировались, как сумасшедшие, лет десять, фанатично, ради только одного концерта, и умерли. Это самое великое произведение искусства во всем космосе. Я бы не смог этого сделать. Против этого мы, композиторы, — полный ноль»².

Такая эстетизация ужаса, конечно, может вызывать только ужас перед самой эстетикой. Немцу Штокгаузену было о чем тотальгировать. В анналах его отечества — тоже «первоклассная диктатура». За свое эстетское высказывание великий маэстро был подвергнут остракизму, его концерты в Гамбурге отменены, и его репутации нанесен непоправимый ущерб. Действительно, эта чудовищная по цинизму оценка позволяет за грандиозным масштабом свершения разглядеть вектор абсолютного зла, а главное, их взаимосвязь.

Вообще зло почти всегда масштабнее добра, потому что первое имперсонально, а второе — адресно,

---

² Из выступления 16 сентября 2001 года в Гамбурге, на пресс-конференции перед открытием музыкального фестиваля. См. <http://www.gazeta.ru/2001/09/19/deduskastary.shtml>

обращено к конкретным личностям. Что в истории добра было масштабнее, чем миссия Иисуса Христа? Но ведь и она, главным образом, воплощалась в исцелении, воскресении, спасении отдельных людей: Лазаря, дочери Иаира, расслабленного, самаритянки... Такая точечность, целенаправленность, ограниченность масштаба вписана в саму природу добра как действия личностного и различающего. Зато зло разит сразу многих, без разбору: войны, революции, диктатуры, катастрофы, природные катаклизмы... Нет такого стихийного явления, равносильного цунами или землетрясению, которое было бы со знаком плюс, т. е. вызывало бы массовое ликование и сопровождалось всеобщим счастьем. Зло полноводно, вулканично, ураганно, легко разворачивается в величественную панораму, живописуется, эстетизируется. Не только тоталитаризм есть зло, но в самом зле есть свойство тотальности. Поэтому по своему масштабу добро, как правило, проигрывает злу. И если во главу всех ценностей поставить масштаб, то понятно, какой вектор получится на выходе — отрицательный.

Но вернемся к нашей родной тотальгии. «Я долгое время для себя решал вопрос...» Значит, у Быкова это не случайная оговорка, а плод длительных раздумий. Но как такой веселый, светлый, просветительский ум мог прийти к столь тотальгическим выводам?

Мне кажется, ключ — в любимом герое и как бы «alter ego» Д. Быкова — в Борисе Пастернаке. Он ведь был одним из первых поэтов, от души восславивших Сталина — как художника («Мне по душе строптивый норов Артиста в силе...»):

А в те же дни на расстоянии
За древней каменной стеной
живет не человек, — деянье:
Поступок ростом с шар земной.
«Художник», 1936

Вот он, планетарный масштаб, столь угодный артисту, соразмерный ему как Фаусту и фантасту. Эстетическая тотальгия — это платоно-вагнеровская утопия о государстве как совершенном произведении искусства, мечта художника слова о художнике дела. И пусть это всеблагое государство, воздвигнутое гением поступка, не потерпит свободного гения слова, изгонит или задушит поэта как своего соперника, — он рад принять и это. И «весь я рад сойти на нет В революционной воле» («Весеннею порою льда...», 1931).

А теперь процитирую самого Д. Быкова, который в своем «Пастернаке» как бы предсказал собственную тотальгию:

«Самое же горькое заключается в том, что для Пастернака — и для любого крупного дарования — главным критерием оценки события или деятеля является масштаб. Масштабное зло можно ненавидеть, но уважать, — мелкое и компромиссное добро чаще всего удостоивается презрения».³

Быкову горько за Пастернака. Мне — за Быкова. Но есть и разница. Пастернак эстетизировал диктатора, пока его исторический масштаб еще был

---

³ Дмитрий Быков. «Борис Пастернак», М., ЖЗЛ, 2005, С. 521–522.

Независимая газета, Ex Libris, 27.10. 2011
http://exlibris.ng.ru/kafedra/2011-10-27/4_vektor.html

очевиднее, чем моральный вектор. Первокласная диктатура только строилась, и еще можно было жить «в надежде славы и добра», уповать на сохранение масштаба при повороте вектора: от красочного зла — к красочному добру.

Столетье с лишним — не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни. /.../

Но лишь сейчас сказать пора,
Величем дня сравнение разня:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Итак, вперед, не трепеща
И утешаясь параллелью...
(«Столетье с лишним — не вчера...», 1931).

Но сейчас, восемьдесят лет спустя, параллель не утешает, перед нами уже не начало славных дней, а их бесславный конец. Можно бестрепетно ринуться вперед, и в этом обаяние риска, но ринуться бестрепетно назад, — это уже инерция заколдованности и губельной обреченности. Тогда «в эту дыру сквозило будущее», а сейчас — прошлое. Такова разница поступательной и возвратной тотальгии.

Лучшее, что было в истории тоталитарной державы, — это именно перемена масштаба, переход от первокласной диктатуры к посредственной. От Сталина к Брежневу. И далее к Путину. Да здравствует посредственность! Если страна обречена на диктатуру, то пусть как можно более посредственную. Если

убивает, то пусть не миллионами, а единицами, в надежде, что дальнейший рост посредственности сведет число жертв к нулю. Если вектор власти по-прежнему направлен ко злу, то спасение — не в укрупнении, а в предельном измельчении масштаба.

Конец советского строя со всей наглядностью прояснил то, что еще не было ясно в его начале. Пастернак, современник восходящей утопии, имел хотя бы эстетическое право на моральную ошибку. У нынешних тотальгистов такого права уже нет.

27 октября 2011

**«Итак, хвала тебе, Чума...»
Как отделить больного от болезни?¹**

Своей статьей «Чума и чумка. Об удобстве антисоветской риторики и благотворности абсолютного зла» Быков повысил ставки в игре — с той силой, которую он сам назвал «абсолютным злом» и обыграть которую невозможно. Кто только не пытался: Фауст, Вальсингам с его гимном чуме, Карамазов с его поэмой о Великом Инквизиторе... Из русских писателей — Горький и Маяковский, персонажи биографических книг Быкова. Порою кажется, что эти персонажи стали переселяться в автора, подсказывая ему «буревестническую» интонацию статьи: обличение «дряни» («уютец в болотце», «скромное суши по выходным») и прославление всяческого «громадья», даже тоталитарного.

К огромному моему сожалению — потому что я люблю лирику, сатиру, биографическую прозу Быкова, — его статья, за вычетом нескольких формальных оговорок, оправдывает тоталитаризм и, по контрасту с нынешней «посредственной диктатурой», даже

---

¹ Продолжение полемики, начавшейся после того, как Дмитрий Быков напечатал в «Новой газете»(№ 123) свой отклик «Чума и чумка» на статью М. Эпштейна «Масштаб и вектор» («НГ-эклибрис» от 27 октября),

содержит неявный, скорее всего, невольный призыв к нему.

Центральный тезис Быкова:

«Первосортная диктатура потому и плодит великие поколения, что абсолютное зло действительно благотворно в нравственном отношении: оно вызывает желание бороться, желание бескомпромиссное, отважное и страстное. ... Полноценная диктатура, даже и вырождаясь, воспитала несколько поколений людей, для которых милосердие, свобода, правда не были пустым звуком».

Вовсе не диктатура воспитала эти поколения, а сопротивление диктатуре, которое исходит из нравственного закона в человеческом сердце. Нельзя ставить борьбу со злом в заслугу самому злу. Так можно приписать не только Брежневу заслуги Солженицына и Сахарова, но и Гитлеру заслуги людей, одержавших победу над фашизмом. Почему бы не восславить само добро в его противоположности злу, зачем подводить их под одну категорию «первосортной диктатуры», уравнивая вклады злодеев и их жертв в величие эпохи?

Такая позиция, может быть, и приемлема для историка, удаленного на тысячи лет от предметов своего изучения. Но ведь Быков пишет по-живому и для живых. Для него СССР — не отдаленная история, а ориентир для современников. Быков оговаривается: «Ни о каком «моральном превосходстве» [тоталитаризма] у меня речи нет — я в моральных категориях историю не оцениваю, это ничем не лучше этических претензий к закону всемирного тяготения». Это двойная

неправда, неправда вообще и неправда о самом Быкове. История — все-таки не космос, она творится людьми и для людей и подлежит моральной оценке, а тем более близкая нам история, в формировании которой мы еще участвуем. И собственная статья Быкова переполнена моралью и морализаторством. «Благотворность абсолютного зла» — ключевая фраза, вынесенная в подзаголовок его статьи, — разве это не моральное суждение? Беда не в том, что Быков морализирует, а в том, что такая мораль переписывает добро на баланс зла, т. е. совершает самую страшную из всех возможных моральных подмен.

Быков пишет: «Тарковский, Высоцкий, Шукшин, Ромм, Сахаров, шестидесятники, советское инакомыслие — это порождения и части советского проекта...» Модное ныне слово «проект» здесь особенно выразительно. Можно ли сильнее оскорбить всех вышеупомянутых? А заодно, кстати, и советских *проектантов*, которым виделось совсем другое: не Сахаров и Солженицын, не Бродский и Тарковский, а Дзержинские, Чапаевы, Павлики Морозовы, Фадеевы... Если же дело не заладилось, если возникли такие непослушные, как Солженицын и Сахаров, то заслуга в этом не «советского проекта», а Господа Бога и матушки-природы, которые не оставили своими дарами даже детей страны Советов. Зачем же отнимать у Бога Богово и отдавать цезарю, который ни сном, ни духом не повинен в том, что у него выросли такие своенравные подданные? Миллионы перерезал, все поле зачистил и подровнял, а вот несколько ростков не приметил, они-то и расплодились.

Конечно, Солженицын и Сахаров выросли из советской почвы, а из какой другой им было расти? Но человека создают не обстоятельства, а сопротивление им. И определять человека по совокупности обстоятельств, т. е. возводить исторический детерминизм в моральную догматику, «благотворность абсолютного зла», — значит отрицать в человеке то, что делает его человеком.

По Быкову, «тоталитаризм сыграл большую роль в формировании достойной оппозиционной интеллигенции». Эта сентенция отнимает достоинство у борцов и жертв и приписывает источник их активности тому режиму, с которым они сражались. Здесь тоталитарна даже грамматика, поскольку тоталитаризм оказывается субъектом тех действий, которые совершала оппозиционная интеллигенция. Оказывается, не интеллигенция нашла в себе силы и мужество бороться с тоталитаризмом, а тоталитаризм ее построил в ряды и повел против себя. Не подавлял и не уничтожал оппозицию, а «формировал»! Быков как будто почетную грамоту выдает тоталитаризму, и в том же казенном стиле: «Сыграл большую роль...»

Статья Быкова — грамматическая, логическая и моральная переоценка всех ценностей в пользу их разрушителей. Это героизация зла, и чтобы придать ему веса, Быков бросает на его весы жизни его бесчисленных жертв. «Солженицын, Шаламов, Булгаков, Платонов, Гроссман — отражение советской культуры ровно в той степени, в какой «Доктор Фаустус» — следствие фашистской эпохи в германской истории».

«Отражение», «следствие»... Неужели писатель, столь чуткий к слову, не чувствует, как сама его лексика работает на то самое абсолютное зло, которому он якобы не симпатизирует? Солженицын и Шаламов — отражение сталинщины, Т. Манн — следствие гитлеровщины... Зло оказывается первично, а добро вторично, как «отражение» или «следствие» зла.

Воздавать благодарность Советскому Союзу за то, что он породил Сахарова и Солженицына, — это весьма саркастическая дань их памяти. Но тогда, может быть, стоит восхвалить и нынешний режим, потому что без него не было бы таких блестящих гражданских стихов, как у Быкова! Может быть, пора переключиться на оды и восславить тандем, который вдохновляет его на сатиру?

Что такое «советское»? Быков прекрасно понимает, что когда мы говорим «советская власть», «советская идеология», «советское государство», «советский образ жизни», наконец, «советский человек», то имеется в виду модель власти и человека, сконструированная Лениным, Сталиным и их преемниками. Разве не слышна разница в самом звучании: «советский нарком Ворошилов» и «советский поэт Мандельштам»? Первое звучит на ликующем выдохе, как песня, последнее — издевательски или угрожающе.

«... Пусть Эпштейн и его единомышленники спорят не со мной, а с Томасом Манном: «У Гитлера было одно особое качество: он упрощал чувства, вызывая непоколебимое «нет», ясную и смертельную ненависть. Годы борьбы против него были в нравственном отношении благотворной эпохой» («История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа»)).

Я понимаю, что Быкову уютнее за спиной Т. Манна, но спорить приходится все-таки с самим Быковым. Потому что Манн не приписывает Гитлеру заслуги тех, кто боролся против него, — это их собственные заслуги. Годы борьбы можно назвать благотворной эпохой, поскольку сама борьба благотворна. Но сказать, что «благотворно абсолютное зло», значит не просто исказить, но и вывернуть наизнанку мысль Т. Манна, да и всякий моральный смысл. Переписывать на убийц заслуги их жертв и противников — значит обкрадывать мертвых.

А теперь о самой «светлой» стороне первоклассной диктатуры. Быков пишет: «То же, что в СССР действительно заслуживало восхищения, — подавление пещерного национализма и мракобесия, торжество той самой просветительской идеи, столь любезной М. Эпштейну, да и мне...» Разве кампания против космополитизма — это подавление «пещерного национализма», а не его проявление? А репрессии против целых народов? А лысенковщина? марровщина? запрет генетики и кибернетики, как якобы буржуазных лженаук? Это разве не мракобесие, отбросившее советскую науку, причем на самых перспективных направлениях, в пещерный век, в лучшем случае, во времена инквизиции? А необходимость приспособлять любую научную идею, от биологии до поэтики, к прописям классиков марксизма о классовой борьбе, — это не мракобесие? А невозможность ознакомиться на родном, да и никаком языке с сочинениями лучших мыслителей и писателей 20 века: Ницше, Фрейд, Юнг, Гуссерль, Хайдеггер,

Витгенштейн, Сартр, Камю, Маркузе — в этот список попадает практически весь 20 в., да и «реакционная» часть 19-го. Как истребляли целые сословия, так были истреблены целые направления и дисциплины: психоанализ, сюрреализм, экзистенциализм, прагматизм, феноменология, неотомизм, теология, политология, сексология, этология, весь художественный модернизм. «Архискверного» (по ленинской оценке) Достоевского практически не печатали все сталинские десятилетия. Серебряный век: Белый, Сологуб, В. Иванов, Мережковский, Бердяев, Розанов — был под запретом, как эпоха «торжествующей реакции и религиозного обскурантизма». Зато гнали миллионными тиражами Софронова и Грибачева. Народ был насильственно лишен своих и всемирных духовных сокровищ, лишен Библии, Корана, Талмуда, всех священных книг. Это не мракобесие? Даже либеральнейшая по тем временам позднебрежневская Библиотека всемирной литературы включала в свои 200 томов соцреалистов Бехера, Айни, Пуйманову, Упита, Садовяну (каждому по тому!), но не впустила Джойса, Пруста, Кафку, Борхеса, Набокова. А что уж говорить о гуманитарных науках, лишенных доступа к новейшим знаниям практически во всех областях и предназначенных только опять и опять подтверждать убогие мысли середины 19 в. о базисе и надстройке. Кому-то удавалось сказать больше, кому-то красноречивее промолчать, но свободное общение и состязание с культурой западных стран было невозможно, это был бег в мешках. Увы, почти весь 20-й век промчался мимо России, и то, что должно было

постепенно усваиваться несколькими поколениями, было поспешно проглочено за несколько лет гласности и вызвало ощущение несварения и тошноты, как при переедании.

Я понимаю, что под нынешним мракобесием Быков имеет в виду другое: то, что церковь курит фимиам государству, присваивает себе его имущество и вообще успешно врастает в государственные структуры, становясь их частью, «олигархией духовного капитала», «религархией». Увы, почитание властей — давняя и не самая светлая традиция в жизни российской церкви. И все же мрак мраку рознь. Вот если бы под храмами устроили пыточные подвалы, куда сгоняли бы всех атеистов, иноверцев, агностиков, скептиков, сектантов и там, под рублевской «Троицей», подвергали бы их суду «троек», а затем приговаривали бы к расстрелу или ссылке, — вот тогда можно было бы сказать, что постсоветское мракобесие сравнялось с советским.

По Быкову, «антисоветское сегодня — вообще тренд». Это неправда. Если антисоветское когда-то и было трендом, то в горбачевские и ельцинские годы, а в путинские трендом стало просоветское, причем в растущем масштабе, поскольку выборы без выбора, «вертикаль власти», «суверенная» и «управляемая» демократия, возврат в «евразийское» пространство, контроль над масс-медиа и прочие новации режима — это явно попытка возродить «большой политический стиль», так сказать, СССР для бедных. Так что защита советского как нельзя лучше вписывается именно в тренды путинской эпохи. Несмотря на все

удивительное творческое мужество и независимость, в своем отношении к СССР Быков вполне конформен и лоялен.

Вместе с тем Быков отмечает: «Для меня антисоветское — естественная и, может быть, лучшая часть советского, тем более что и всё лучшее в советской культуре существовало на грани дозволенного.»

Но если антисоветское есть лучшее в СССР, то и нужно трактовать историю СССР антисоветски, т. е. как историю катастрофы, деградации политики и морали, а не как поучение современникам: дескать, «богатыри, не вы». Не стоит возвышать советское посредством включения в него антисоветского.

Для защиты СССР Быков проводит удивительную параллель с Францией:

«Во-первых, никакого «Советского Союза» как монолитного понятия не существует. СССР сталинских, хрущевских, брежневских времен — разные государства. Признаваясь в любви к Франции, мы не имеем в виду постыдный вишистский или кровавый робеспьеровский периоды; не следует на признание в любви или интересе к Франции кричать: «Вы реабилитируете гильотину!» или: «Вы — петеновский коллаборационист!»»

Если уж говорить о Франции как целом, то в параллель ей нужно ставить Россию, а не СССР. СССР — один из периодов в жизни России, который вполне можно уподобить робеспьеровским и вишистским периодам в истории Франции, хотя в России он и задержался гораздо дольше. Если можно любить Францию и ненавидеть робеспьеризм и вишизм, то можно любить Россию, а советский коммунизм недолюбли-

вать и даже ненавидеть. Такова была позиция Бунина, Набокова, М. Булгакова, А. Солженицына, да и многих других величайших свидетелей той эпохи. Точно так же, как можно любить Германию — и ненавидеть Третий рейх.

Скажу страшную и уличительную для себя вещь: я люблю даже то, что называлось СССР. Приведу кусочек из своего эссе «СССР: опыт эпитафии», написанного 26 декабря 1991: «Эсесесер. Сколько оттенков серости рокочат и переливаются в этом слове!... Зато страна эта теперь переселилась в меня. Во мне живет. Напевает вполголоса дивные песни. «По военной дороге... Только ветер гудит в проводах... Где закаты в дыму...»»

Если у вас родители алкоголики, вы можете их любить — и при этом ненавидеть алкоголизм. Можно и даже нужно любить грешника — и при этом ненавидеть грех.

Я ненавижу «первосортную диктатуру» и не считаю ее хоть в чем-то благотворной для страны. Я думаю, что, избери страна другой исторический путь, она бы не оскудела дарованиями, а те, что уже были: Блок, Маяковский, Есенин, Мандельштам, Ахматова... — проявили бы себя более полно, незадушенно. Но я люблю эту страну, я сострадаю ей, потому что она сама губила себя, а зло не приносит радости и счастья. Даже бесам можно сочувствовать, потому что они страдают.

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,

Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

И мне эта страна надрывает сердце. Но я не готов считать бесов посланниками света.

Тогда встает следующий вопрос: можно ли отделить грешника от греха? Больного от болезни? Быков считает, что нельзя, я же полагаю, что в этом и состоит *общая* задача исторического исследования и моральной оценки: отделить человеческое, доброе, теплое в грешнике от самого греха, а грех отбросить и осудить, показать, как он извращал человеческую природу.

Основной вопрос нашей полемики с Быковым: как соотносится то хорошее, что было в СССР, с абсолютным злом тоталитарного государства. Быков считает, что доброе и великое возникло благодаря тоталитаризму, а я считаю, что вопреки ему или независимо от него. Тоталитаризм, как опаснейшая болезнь, действительно, захватил жизненно важные органы. Но можно ли все-таки разделить больного и болезнь? Я считаю, что можно и должно. Этот процесс и называется исцелением, и в истории России он еще не закончен. Чтобы он мог продвигаться дальше, нужно болезнь назвать болезнью, а не особой формой здоровья. И не подыскивать для нее моральных оправданий, которые только загонят ее глубже и сделают неизлечимой.

Конечно, болезнь началась не в СССР, а намного раньше, с Орды, опричнины, крепостничества, с азиатской замкнутости московской Руси и просвещенного

деспотизма России петровской. Но СССР — самый тяжелый рецидив этой прогрессирующей болезни. Очевидно, что «путинизация» России, попытка ее частичной (ре) советизации, — это движение по тому же вектору: усиление мощи государства за счет свободы его граждан. И если у Быкова вызывает такое отвращение тускловатая копия, сделанная под копирку, то странно, что его восхищает яркий оригинал. Может быть, стоит взять за основу другую модель и поставить мощь государства в зависимость от растущей свободы и достоинства граждан?

Откуда же у Быкова эта тоска по мощному тоталитарному государству, которое силой своих великих идей будет вытаскивать людей из болота посредственности? Я полагаю, что тотальгия — знак деградации современного общества, и статья Быкова, увы, не лекарство, а симптом болезни. Это знак внутренней пустоты, когда лучшего, вдохновенного ждешь уже не от себя, не от Бога в себе, а от государства и его вождей. Пусть государство железной диктатурой нас подтянет, мобилизует, внесет стройность в наши ряды, а без него мы ленивы, ничтожны, расслаблены. Пусть оно изобразит из себя настоящего злодея и поможет нам стать добрыми.

Если для Быкова это не эпатаж, если он всерьез верит в способность Абсолютного Зла решать нравственные проблемы измельчавшего «планктонного» общества, то нужно признать, что он, как и герой его будущей биографической книги, наступает на горло собственной песне. Точнее, сама песня приобретает другой смысл. Осмеяние пошлой, половинчатой,

коррупционной власти, которая к настоящему добру неспособна, а к настоящему злу прибегать боится (конечно, из трусости), — не есть ли это издевка потенциального певца «первоклассной диктатуры» над диктатурой второсортной и посредственной? Трудно и обидно представить Быкова в роли «нового Маяковского», но у идей есть своя логика, порой независимая даже от воли их выразителей.

Недвусмысленно намекать нынешней власти, кивая на СССР, что она могла бы стать помасштабнее, что именно полноценная диктатура может оздоровить разрастившееся население, — это не только ослабляет критический эффект быковских стихов, но и наделяет их прямо противоположным смыслом. Из «Гражданина поэта» можно сделать вывод, что Быков хочет больше свободы и прав, настоящих выборов и парламента. А из «Чумы и чумки» вытекает, что вся блестящая быковская сатира на современную Россию — отправная точка для ностальгического обращения к прежней, советской. Чумка — это пошло и смешно, а вот была когда-то настоящая, неслабая чума! «Вы, нынешние, — нутка!» Получается, что вся слабость нынешняя — это подстег к величию былому.

С одной мыслью Быкова я совершенно согласен: *«великой диктатуре противостоит в истории не мелкое зло — это противопоставление ложное и чисто количественное, — а настоящая свобода»*. Но столь же верно и то, что мелкому злу противостоит в истории не великая диктатура, а настоящая свобода. Зачем же посредственной диктатуре противопоставлять первоклассную? Не лучше ли обратиться к опыту

первоклассной свободы? Можно было бы вспомнить царство Александра II, Освободителя, один из редких случаев в русской истории, когда масштаб перемен совпал с положительным вектором. Освобождение крестьян, новое судопроизводство, самоуправление, земства, образовательная реформа, ограничение цензуры, расцвет литературы... Почему Быков кивает на СССР, а не на пореформенную Россию? Или абсолютное зло сталинской диктатуры кажется ему по-гегелевски «первокласснее», чем относительное добро освободительных реформ?

Ужас в том, что у многих читателей Быкова уже сложилось стойкое убеждение, что своим процветанием культура обязана только деспотизму, а наступают свободные или относительно свободные времена — и культура чахнет. В ЖЖ целая ветвь комментариев к нашей дискуссии получила название «Диктатура как демиург культуры». Многие дискуссионты, развивая тезис Быкова, прямо заявляют, что без великой диктатуры не может быть великой культуры.

«Если бы Достоевский не был приговорен к смертной казни и не отсидел бы на каторге, был бы у русского народа и у мира Достоевский?... Грубо говоря, что предпочесть: ГУЛАГ и великого Солженицына, или лучше без ГУЛАГА, но и без Солженицына? Нет диктатуры — нет великой культуры??? Вот в чем вопрос!» (lgdanko, ЖЖ)

Что же нам теперь — больше каторг настроить, чтобы развести больше Достоевских? Миллионами прогонять зеков через Гулаг, чтобы вдруг да родить

Солженицына? Не лучше ли руководствоваться опытом тех культур, где гении не под пытками являлись в мир, а в достоинстве мирной и плодovитой жизни. Шекспиру, Бальзаку, Диккенсу, Фолкнеру, Набокову не нужна была каторга, чтобы исполнить свое творческое предназначение. По-настоящему творческой личности слабое государство не мешает, наоборот, позволяет выпрямиться во весь рост. Уж на что слабое и смешное было Веймарское герцогство, а вот ведь, выпестовало гигантов: и Гете, и Шиллера, и Виланда, и Гердера... Да не оно выпестовало, а они сами себя, — государство же им ни в чем не помешало, только помогло своим мягкосердечием и невмешательством в вопросы творческого метода. Карликовая страна не помешала Гете написать мирообъемлющего «Фауста» и постичь тайны зла и демонического соблазна, общаясь повседневно с добродушным герцогом Карлом-Августом и ничуть не нуждаясь для подпитки своего вдохновения ни в жестоких тиранах, ни в борьбе с ними. Нет, боюсь, что роль могучего государства в судьбе поэтов бывает чаще отрицательной. Лучшие эпохи, наиболее насыщенные гениями, — именно эпохи без тирании.

Это подтверждает даже Россия с ее ограниченным опытом политической свободы. Именно после александровских реформ, на бродильных дрожжах свободы русская культура достигла тех мировых высот, на которые она больше никогда не поднималась: Л. Толстой, Достоевский, Тургенев, Лесков, Островский, Вл. Соловьев, К. Леонтьев, Чайковский, «Могучая кучка», «Передвижники»... Серебряный век

с его культурно-религиозным ренессансом тоже отличался сравнительно мягким политическим климатом. А за двадцать лет полновластной диктатуры Сталина не вышло практически ни одной великой, да и просто творчески озаренной и свободной книги (если не считать «Теркина», рожденного вольным духом войны). Как только началась оттепель — так опять пошли таланты: Бродский, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, Высоцкий, Трифонов, Аксенов, Битов... Да и сейчас, в послесоветское время — разве можно променять его культурное изобилие на нищенство сталинских лет? Так что гениальность и демократия, творческое величие и политические свободы не противоречат, а предполагают друг друга.

Есть много читателей, чье доверие Быков заслужил своим талантом и бесстрашием, и я не хочу, чтобы кредитом их доверия была оплачена его апология абсолютного зла.

11 ноября 2011

Поп-религия

«Поп-религия» — сочетание несколько странное, особенно для русского уха, которое привычно ловит в приставке «поп» не только международный смысл «популярности», но и фамильярное обозначение священника, а также еще более фамильярное обозначение известной части тела. Так уж фатально сошлись в русском языке эти далекие понятия, словно подтверждая мнение Белинского о прирожденной наклонности народа к атеизму¹ или идею Бахтина о взаимообращении лица и зада в народной карнавальной культуре. Не распутывая этого словесного узла, прибавим к нему еще и третье значение: «поп» как знак активной, воинствующей популярности, которая заранее рассчитана на восприятие массового общества, в том же смысле, как «поп-музыка» или «поп-арт».

И вот в этом-то тройном смысле, помноженном еще на многозначность слова «религия», мы и стоим сейчас перед возможным феноменом российского будущего. Поп-религия, или производство религии на потребу масс, — это вполне вероятный выход из общества массового атеизма.

---

¹ В своем знаменитом письме к Гоголю (1847) Белинский ссылается на кличку «поп» как на одно из свидетельств безбожия русского народа.

Все знают, что капитализм сам по себе успешно работает, но еще никто не проложил к нему надежных путей из экономики развитого социализма. Результатом промежуточного состояния между капитализмом и социализмом является массовая спекуляция.

Точно так же известно, что религия сама по себе есть источник высочайших духовных свершений человечества. Но еще никто не знает, какие плоды даст религиозное сознание, посаженное на почву массового атеизма. История не знает таких прецедентов — ведь в Восточной Европе религия и при коммунизме все-таки сохраняла свое живое значение, а в Китае атеизм не был таким уж резким разрывом с древней духовной традицией, вообще чуждой теизму. Россия в этом смысле уникальное явление, и похоже на то, что религиозное сознание, накладываясь на атеистическую основу, также создает условия для спекуляции, когда духовные ценности легко размениваются на житейские и обратно. Вера начинает выносить свои сокровища из храма и, благо за долгие десятилетия образовался их дефицит, пускает в легкий, прибыльный товарооборот.

В этом смысле атеизм был честнее и неподкупнее: он не пускался в торги с «боженькой», а прямо объявлял его смердящим трупом. Духовное отвергалось, а не подменялось текущими интересами — и тем сохраняло свою особость для души, возможность выбора: «или-или». Но какой же выбор, если тот самый владыка и пастырь, который готовит твою душу к предстоянию на Страшном Суде, расхаживает по вагонам рекламно-коммерческого поезда и,

размахивая кадилом, освящает скамейки, на которых вскоре плотно воссядут заправилы московского бизнеса? Или сам беспрерывно заседает на презентациях новых товарных бирж, акционерных обществ, политических ассоциаций, литературных журналов и кинофестивалей. Без священника не обходится съезд воинов-интернационалистов, учреждение фонда милосердия, слет казаков-разбойников и большое спортивное мероприятие. По большей части эти Божьи слуги загадочно молчат, не вмешиваясь в происходящее, но придавая ему своим присутствием оттенок высшего значения и благодати. Именно само по себе сидение-заседание и становится для этих священнослужителей многозначительным делом и новейшим таинством, поскольку нет у них слов и сведений, чтобы заниматься делами экономистов или кинематографистов. Просто сидят, уже как освятители самого обряда заседания. Разве это не поп-религия, в самом буквальном и многогранном значении слова?

И тут вспоминается, что настоящая эпоха Антихриста, по многим приметам и пророчествам, еще вовсе не пришла с советской властью, а только через нее готовилась. Ибо Антихрист не будет прямо враждовать со Христом, как это делали Ленин-Сталин, а будет именно говорить от имени Христа. Самое страшное — вовсе не открытая вражда с Богом, ибо такой прецедент уже имелся в истории, в самом ее начале, за что противник Бога и был назван дьяволом, то есть раскольщиком и клеветником. Гораздо страшнее, чем вражда с Богом, — подмена Бога, которая готовится на конец истории. «... В храме

Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Посл. к Фес., 2:4). Тогда не отрекаться будут от религии и не бороться с ней, а именно насаждать ее, в обязательном и повсеместном порядке, как теперь священников непременно сажают на советы праведных и нечестивых, демократов и черносотенцев, промышленников и спекулянтов. Так что без Бога нельзя будет ни присесть, ни вздохнуть, ни обжудить, ни ограбить, ни убить.

Вспомним в «Идиоте» Достоевского честного, набожного крестьянина, который позарился на серебряные часы своего товарища — чем-то полонили его душу. И вот, со вздохом и молитвой, возведя глаза к небу, он перекрестился, проговорил про себя «Господи, прости ради Христа» — да и зарезал приятеля. «Уж до того верует, что и людей режет по молитве», хохочет Рогожин на этот рассказ князя Мышкина.² Была, значит, и раньше в народной вере, за которую трепетал Достоевский, такая опасность смешения, что к темному делу подступают с верой и брата режут чуть ли не по молитве. Как и сам Рогожин несколько страниц спустя, обменявшись крестами с Мышкиным и подведя названного брата под матушкино благословение, в тот же день из-за угла поднимает на него нож.

Недаром и массовый атеизм вырос, как уникальное явление, на той же самой почве «веры отцов», куда он теперь обратно быстро укореняется. «Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче, чем

---

² Ф. М. Достоевский, Полн. собр. соч. в 30 тт., т. 8, Л., Наука, 1973, С. 183.

всем остальным во всем мире!» — устами Мышкина говорит Достоевский.³ И ему вторит Розанов: «Переход в социализм, и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно “в баню сходили и окатились новой водой”».⁴ Но если воспитанному почти в тысячелетней вере россиянину было так легко сделаться атеистом, то не легче ли нашему современнику, воспитанному всего лишь в семидесятилетнем атеизме, сделаться верующим?

Беда в том, что превращение это сначала легко делалось в одну сторону, а теперь еще легче делается в другую. И уже возникает сомнение: а не две ли это стороны одной монеты, такая религия и такой атеизм, коль скоро они так просто взаимооборачиваются? И не сравнятся ли они вовсе, так что в стершейся от привычного хождения монете нельзя уже будет отличить орла от решки, как в насквозь протершейся ткани уже нельзя отличить верха от изнанки? Это и будет господствующая поп-религия, где все три значения слова «поп» сойдутся, увь, «неслиянно и нераздельно».

Наблюдая религиозное возрождение атеистического общества, спросим себя, не идет ли на смену прямодушному безбожию лукавая набожность, которой уже и незачем тратить силы на борьбу с верой, ибо гораздо легче и выгоднее подменять ее собою. Неверие будет выглядеть в точности как вера, потому

---

³ Там же, С. 452.

⁴ «Апокалипсис нашего времени», в кн. В. В. Розанов. Уединенное, М., Изд. политической литературы, 1990, С. 395.

Михаил ЭПШТЕЙН. От совка к бобку

что оно станет размахивать кадиллом, класть глубокие поклоны, осенять себя крестом. И как страшный, но блаженный исторический сон будет вспоминаться советский атеизм 1920–1930-х годов, который еще яростно восставал на веру и тем самым помогал ей оставаться тем, чем она и призвана быть.

1992

Каинов грех. О святобесии

... И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. /.../
И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.
(Бытие, 4:3–5, 8).

Обычно под «каиновым грехом» понимается братоубийство. Случайно ли, что первый убийца убил именно брата? Это напоминание о том, что убивая кого бы то ни было, мы убиваем своего брата, поскольку все мы дети единого отца. Но история Каина напоминает нам и о том, что первое убийство было совершено из самых высоких, религиозных побуждений. Именно религиозное рвение может обернуться самым страшным грехом. Это убийство не из жадности, не в борьбе за власть или женщину, т. е. по самым простым и «низким» мотивам. Каина мучит неутоленная духовная жажда, он ищет благословения свыше. Он возревновал брата к Отцу небесному, который принял жертвы от Авеля, но не принял от Каина. Испытание святостью, святобесие — вот источник каинова греха. Кто святее перед лицом Господа? Кто из братьев вернее служит Отцу?

Адам и Ева ослушались Бога, это первое зло, а второе зло, происходящее от их сына Каина, — это насилие над Божьей волей. Святобесие — желание больше, чем другие, угодить Богу, вера в то, что моя вера истиннее других, что я лучше служу Богу и за это заслуживаю наград от Него. Это не просто гордыня, а гордыня веры, ее надмевание над чужой верой: самое страшное зло после грехопадения Адама и Евы. Как взаимосвязаны грех первородный и «первоубийственный»? Срывание запретного плода познания добра и зла приводит затем к насилию во имя добра. Вера, которая гордится своим превосходством над другими верами и ревнует к ним Бога, — вот каинов грех.

Каин — прародитель многих персонажей и в Библии, и за ее пределом. Каин — это прото-Иов, который вопиет к Господу: я был праведен, я принес тебе жертву, почему же ты не воздал мне по заслугам, почему не снизошел к моей жертве? Иов зовет Господа на суд, а Каин вершит самосуд над братом, т. е. берет на себя роль Бога.

Впоследствии эта коллизия воспроизводится в пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери». Почему сальерианские жертвы труду и музыке не востребованы Богом, алтарь не курится, огонь не нисходит на него? Остается возопить: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Это — Каинов вопль. Сальери отравил Моцарта, «брата» своего по музе, по музыке, повинувшись той же логике: на его дар не призрел Господь. «О небо!/ Где ж правота, когда священный дар, /Когда бессмертный гений — не в награду/ Любви

горящей, самоотверженья, Трудов, усердия, молений послан — А озаряет голову безумца, / Гуляки праздного?..»

Каин был первым, кто насилием решил «поправить» Бога. Адам и Ева соблазнились надеждой на всецелое знание: «вы будете, как боги, знающие добро и зло». Они хотели сравняться с Богом во всезнании, бессмертии и всемогуществе. Каинов грех происходит от адамова, как и сам Каин от Адама: если мы как боги, значит, приобретаем право и на чужую жизнь. Я святее, я правее перед лицом Господа.

Отсюда и теократия, «боговластие» — взять на себя роль Бога, управлять от его имени, определять участь других (вокруг первочеловека Адама-Евы еще не было «других»). Каинизм — это начало теократии, которая берется вершить судьбы человечества, полагая, что Господь сам не справляется. Каин, как Иов, возмущен несправедливостью Бога; как Сальери, ревнует о дарах Божьих; и, наконец, как Великий Инквизитор, берет дело Бога в свои руки. Ты не принес нам счастья, ты не пожелал проявить всемогущества, мы сделаем это за тебя. Это говорится Христу, но еще раньше Каин в сердце своем говорит это Богу. Дьявол святее Бога, Инквизитор святее Христа. Ревнование о своей святости, самосвятие, самоверие, превознесение своей веры над другими...

Церковь учит верующих смирению. Но должна ли эта добродетель распространяться на саму церковь? Должны ли церкви смиренно признавать свое несовершенство не только перед Богом, но и перед другими церквями? Не разбежится ли от них паства,

если, например, одна церковь признает свое недостоинство перед другой, той, которая не услужала покорно мирским властям?

Зачем тогда оставаться в церкви, которая сама признает свое несовершенство? Но в этом и была бы ее сила. «... Сила Моя совершается в немощи». К такой церкви, не только призывающей к смирению, но самой смиряющейся перед Богом и признающей свои грехи, пришли бы те, кто составляет соль земли. Такая церковь, которая каялась бы соборно, именно как церковь, а не только в отдельных своих приходах, была бы истинно христианской. Как заметил Г. С. Померанц, «духовная жизнь требует радостного признания превосходства в другом и никакого желания бороться за первенство». И тогда силой взаимного смирения совершилось бы воссоединение церквей, разделенных религиозной гордыней и самопревознесением. «Кающаяся церковь», «раскаянная церковь», т. е. изгоняющая Каина из своего сердца, открыла бы для верующих новые пути к спасению.

2013

От атеизма к теократии

У Достоевского в главе о Великом Инквизиторе есть пророчество, до которого мы только сейчас дорастаем, чтобы его осмыслить. И соотнести с новейшей реальностью, с той государственной ролью, которую начинает брать на себя церковь — а государство охотно ее в этом поощряет.

По логике Инквизитора, есть три стадии в истории христианства. Сначала оно распространяется и завоевывает народы. Потом начинается против него великий бунт — во имя науки, материализма и атеизма, во имя сытости и власти. Великий Инквизитор обращается к безмолвному Христу:

«Знаешь ли Ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. “Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!” — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя...»

Эту вторую стадию мы уже прошли в XX-ом веке: разрушение христианской церкви и стремление воздвигнуть на ее месте усилиями безбожников новую

вавилонскую башню, штурмовать небо с земли: коммунизм, материализм, атеизм. Вспомним хотя бы проект возведения грандиозного Дворца Советов высотой почти в полкилометра на месте взорванного в 1931 г. Храма Христа Спасителя... Эта вавилонская башня, как известно, осталась не достроенной, утопия разваливалась по мере своего насильственного воплощения.

А дальше начинается самое интересное, свидетельствами чего нам приходится быть сегодня. Та самая церковь, гонимая, почти уничтоженная, возрождается — и уже притязает на построение своего земного царства, на полноту мирской власти:

«... Но все же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: “Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали”. И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое.»

Значит, именно церковь, возглавляемая Великим Инквизитором, достроит ту башню, которую не сумели возвести атеисты и коммунисты. По Достоевскому, открытое низвержение Бога — это лишь пролог к гораздо более утонченному искусству Его подмены, когда Вавилонская башня будет строиться на фундаменте самой церкви, ее вождами и предстоятелями. Атеизм — это бунт против религии, а теократия — это

использование религии, земная власть «от имени и по поручению» Бога, когда на смену откровенному богоборчеству приходит лживое благочестие и богочитание. То самое фарисейство, с которым враждовал Христос, теперь возрастает на почве самого церковно-государственного христианства.

Если в более ранних сочинениях Достоевского, «Записках из подполья»(1864) и «Бесах»(1871), «хрустальный дворец будущего» выступает как мечта убежденных атеистов и революционеров, типа Чернышевского, то в «Братьях Карамазовых» Достоевский глубже проникает в тайну грядущего Антихриста: он придет из христианской среды, из логики развития христианской церкви и христианского государства и будет пасти народ от имени Христа. Поразительно, что в самой легенде о Великом Инквизиторе это теократическое завершение истории отнесено к периоду, следующему за крахом социалистических идей. Теократия придет на смену атеизму. Сначала победят революционеры-безбожники, но они не сумеют накормить народ, — вот тогда-то и настанет царство Великого Инквизитора. Вавилонская башня достроится до конца, когда гонимые христиане выйдут из своих катакомб и получают от народа полную власть строить царство Божие на земле.

Ведь и в самом деле, народ, измученный революционным неистовством, пришел к тем, которые семь десятилетий были гонимы, к священникам и духовным пастырям, вызвал их из катакомб и из дальних стран рассеяния, и воззвал: накормите нас, примем и духовную пищу от вас, если дадите нам пищу земную.

Вот с этого момента, когда начнут насыщаться, обогащаться, строить не только храмы, но и хоромы во имя Христа, — и начнется, по Достоевскому, настоящее царство Антихриста, а безбожное государство социалистов было к нему только преддверием. Атеизм строит царство насилия, откровенное в своей ненависти к Богу, но это еще не царство лжи и подмены, которое будет воздвигнуто именно как вселенская церковь, пасущая народы святым именем Божиим — «во имя Твое, и солжем, что во имя Твое».

Если Сатана был первым бунтарем против Бога, то Антихрист выступит как Его лжеподобие. Новая стратегия Богопротивника, отнесенная на конец времен, — не восстание, а примирение и уподобление Богу. «... В храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фессал., 2:4). Властолюбие, корыстолюбие, стяжательство, жестокость, инквизиторство — и все это под прикрытием елейного благочестия.

Тогда становится ясен и смысл атеистического беснования народов: не просто обман, а обман ради пущего обмана. Вот где Сатана, — скажут люди, опомнившись от революционного буйства, — это он хулил имя Божье, а мы пойдем к тем, кто славит Его. И тем вернее, проклиная свое прежнее безбожие, они доверятся тому, кто говорит теперь от имени Бога.

2013

Свет и клир

В России часто путают атеизм и секуляризм, хотя между этими понятиями нет не только тождества, но и жесткой связи. Атеизм — это неверие в Бога, отрицание его существования. Атеизм противоположен теизму, а в широком смысле — религии как таковой. Секуляризм предполагает отделение церкви от государства, утверждение свободы совести и самостоятельной ценности образования, культуры, морали, политики. Секуляризм противоположен фундаментализму и клерикализму.

Можно верить в Бога — и при этом быть секуляристом, т. е. признавать необходимость светского государства, самоценность культуры и науки, не связанных религиозными догмами. Такими христианами-секуляристами были Николай Бердяев, Георгий Федотов, Сергей Аверинцев, Дмитрий Лихачев, священник Александр Мень. В Турции и Средней Азии влиятельно движение Хизмет (последователи Фетхуллаха Гюлена) — умеренный, светский ислам, ориентированный на науку, просвещение и диалог с другими религиями.

Точно так же можно быть *атеистом*, неверующим — и при этом *секуляристом*, т. е. с уважением относиться к религии и церкви и признавать их право

на независимость от государства, его политики и идеологии. Такими в России были Андрей Сахаров, Юрий Лотман, Булат Окуджава. Среди западных атеистов-секуляристов — Бертран Рассел, Курт Воннегут, Френсис Крик, Филип Андерсон, Эдвард Уилсон и другие известные ученые, писатели, мыслители. Такая позиция в западном обществе часто именуется «светским гуманизмом» и предполагает уважение к человеческой личности, сочетание социальной и духовной свободы с моральной ответственностью — без апелляции к сверхъестественным источникам жизни и духа.

Антисекуляризм, или в широком смысле фундаментализм, также возможен в двух вариантах. *Религиозный фундаментализм* — это исламизм во многих странах Ближнего Востока, это нетерпимость к другим религиям и к светскому образованию, к гражданской и гендерной эмансипации. В России это позиция тех клерикальных кругов, которые выступают за вмешательство церкви в политику, право, законодательство, культуру, образование.

Пример *атеистического фундаментализма*, или антисекуляризма — это политика советского государства, направленная на уничтожение церкви либо полную ее зависимость от правящей «материалистической» идеологии. Это борьба за полное искоренение религии, включая разрушение храмов и физическое истребление духовенства. Ленин и Сталин были, конечно, атеистами, но вовсе не секуляристами, поскольку идея разделения светских и духовных властей была им совершенно чужда, они хотели истребить Богово или полностью подчинить его кесареву.

Таким образом, исходя из известного евангельского изречения «отдавайте кесарево кесарю, а Богово Богу» (Матфей, 22: 15–21), можно выделить четыре позиции:

1. *Религиозный секуляризм*, сочетающий веру в Бога с признанием светских ценностей, независимости государства от церкви: Богу — только Богово, но не кесарево.

2. *Атеистический секуляризм*, сочетающий неверие в Бога с признанием религиозных ценностей, независимости церкви от государства: кесарю — только кесарево, но не Богово.

3. *Религиозный фундаментализм*, сочетающий веру в Бога с требованием подчинить государство церкви: Богу — и Богово, и кесарево.

4. *Атеистический фундаментализм*, сочетающий неверие в Бога с требованием подчинить церковь государству: кесарю — и кесарево, и Богово.

К сожалению, в истории России наибольшее воплощение получили оба варианта фундаментализма, клерикальный и атеистический, тогда как попытки секуляризации неизменно терпели крах, хотя ее пытались инициировать и Петр I, и Февральская революция 1917 г., и горбачевская перестройка. Однако государство от церкви так и не отделилось: оно то укрепляло ее, то разрушало, но промежуточная, нейтральная, собственная секулярная зона взаимного уважения и независимости светской и духовной власти так и не образовалась.

Поэтому первые две позиции заслуживают особого признания и укрепления в российском граждан-

ском обществе. Верующие и неверующие могут найти единство в поддержании светского характера государства, которое ничего не диктует и не навязывает церкви, но и само не становится ее политическим инструментом. Как ни странно, между секулярными верующими и атеистами может быть больше общности и взаимопонимания, чем между верующими секулярного и антисекулярного толка. Секуляризм сам по себе есть духовная ценность, выраженная предельно кратко в вышеупомянутом евангельском принципе разграничения Бога и кесарева.

Если в Европе Нового времени общество постепенно становилось все более светским, причем имманентно, не под давлением чужой цивилизации, значит, внутри самой христианской религии есть место для секулярного. Это явствует из самого Евангелия, — например, из представления о том, что не человек для субботы, а суббота для человека; из обличения фарисеев и книжников, соблюдающих религиозные обряды, но внутренне мертвых, самодовольных, лишенных любви к ближнему. Сама христианство в ходе Ренессанса и Реформации начинает допускать некоторую свободу от господствующей религии, возможность расхождения между личной и церковной верой, свободу веры или неверия. Как замечает теолог Пауль Тиллих, «священное открыто также и для секуляризации».

К сожалению, те, кто выступает за отделение церкви от государства, за свободу совести и прочие секулярные ценности, редко отдают себе отчет в религиозных истоках собственного секуляризма.

Секулярность родилась на почве религии, причем именно христианской, поскольку в ней Бог становится человеком. А значит, все естественное и человеческое достойно признания, как самостоятельная ценность. Познание и творчество, наука и искусство должны развиваться на собственной основе, подчиняясь законам истины и красоты, а не церковным догматам. Секуляризация исторически возникла в христианской Европе именно как форма углубления религиозных прав и свобод человека, поэтому она не стремится полностью вытеснить религию из жизни общества.

Секулярность должна быть нейтральной по отношению к религиозному, иначе она приобретет антирелигиозный, а значит, и антисекулярный, саморазрушительный характер. Но и церковь, которая стремится подчинить себе общественную и культурную жизнь, ограничивает свободу искусства и науки, солидаризируется с авторитарными режимами, поддерживает силовые институты в государстве, — подрывает свои основания и прокладывает дорогу новому антицерковному фундаментализму.

В России взаимоотношения религии и культуры определялись историческими трудностями секуляризации на христианском Востоке. Как известно, Россия не испытала Ренессанса и Реформации и примкнула к движению европейской секуляризации на позднем ее этапе, только в эпоху Просвещения, в XVIII веке. Причем во многом это происходило подражательно, как усвоение внешних форм западной культуры, но не ее глубинного христианского ядра, которое

проявлялось даже в рационализме и вольнодумстве. Стоит прислушаться к мысли В. Белинского из его письма Н. Гоголю (1847), пусть и высказанной слишком категорично:

«... Смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа, плоть от плоти его и кость от костей его, нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные».

Не будем превозносить Вольтера над всеми патриархами и архиереями, но очевидно, что падение феодально-монархических режимов, борьба против классового и гендерного неравенства, утверждение прав личности и свободы совести — это вклад секуляризации в историю христианской веры, на которой она, собственно, и была первоначально основана. Эта органическая связь христианства и гуманизма, христианства и индивидуализма, Божеского и человеческого, запечатленная в европейской культуре Нового времени, осталась во многом чуждой российской цивилизации.

Итак, секуляризация зарождается не сама по себе, как некое «надлежащее» состояние человечества, а лишь в ходе долгого религиозного развития и только на почве определенных вероисповеданий. Отсюда такие сложности становления светского общества в мусульманских странах и на христианском Востоке, где человеческое в Богочеловеке воспринимается с тру-

дом, подчиняется «надчеловеческому», которое в свою очередь отождествляется с бесчеловечным. Отсюда и новейшая тенденция к сближению православия с исламом на основе фундаменталистских установок, ограничивающих политические и религиозные свободы, сдерживающих развитие гражданского общества, тяготеющих к обрядоверию и ксенофобии... Возникло даже понятие «правослаимие», подчеркивающее общность этих двух религиозных формаций в их противостоянии «секулярному Западу».

По этой логике, у православия больше общего с исламом, чем с католичеством или протестантизмом. Что же общего? Антилиберализм, противостояние светской цивилизации с ее «индивидуализмом» и «рационализмом», стремление церковных иерархов взять под контроль образование и духовную жизнь общества, активно вмешиваться в дела государства, срастаясь с политической, законодательной, военной иерархией и строя свою *религархию*, в перспективе перерастающую в *теократию*. Сколь ни выглядит абсурдным — с догматической и исторической точек зрения — религиозный союз православия и ислама против западных ветвей христианства, очевидно, что такая *правослаимная* идеология пользуется спросом и имеет свои геополитические, «евразийские» цели.

Вспоминается «Перелетный кабак» Г. К. Честертона:

«Пэмп: ... он говорил, что пришло время слить христианство и ислам воедино.

— И назвать хрислам, — упрямо сказал Дэлрой».

Однако «хрислам» вряд ли подходит для обозначения евразийской утопии, поскольку ее идеологи агрессивно противопоставляют восточное православие западному христианству. Получается именно «правосламие» как оплот ортодоксально–мусульманского фундаментализма против христианского гуманизма и либерализма. При этом теряется главное, что отличает христианство от ислама: человеческая личность Христа, нераздельно слитая в нем с божественной природой.

Но если даже такая религия, как ислам, при всех своих фундаменталистских тенденциях, способна к секуляризации (как свидетельствует, в частности, опыт Турции), то можно ли надеяться и на совместимость православия и секулярности? На возникновение *православного гуманизма*? Словосочетание редкое, но явление это прослеживается в духовной и даже церковной жизни православия XX века. Оно освящено именами митрополита Антония Сурожского, архимандрита Софрония (Сахарова), протопресвитера Александра Шмемана, священника Александра Меня, филолога и теолога Сергея Аверинцева... Хочется надеяться, что секуляризация в России осуществится встречными усилиями как верующих, так и неверующих, синергетикой обновленной церкви и созревающего гражданского общества.

2013

Христианство на Западе

Западное общество создано христианством. Если христианство отмирает там как особая религия, то именно потому, что оно вошло в плоть и кровь общества, стало практикой. Это проявляется прежде всего в отношении к слабым, чужим, исповедующим другую веру, принадлежащим к другим традициям и ориентациям. Сравните, как в разных странах относятся к инвалидам, сиротам. Больных и пришлых на Западе не чуждаются, их лечат, воспитывают, ухаживают за ними, берут к себе в дом, посвящают им жизнь. В больницах и хосписах столько тепла, заботы, участия к страдающим и умирающим. Во всех общественных учреждениях, публичных пространствах — особые приспособления, облегчающие жизнь инвалидам. Главное — чтобы все чувствовали себя людьми, чтобы не было отверженных и обреченных. Это и есть практическое христианство. Сущность его не в обрядах, а в том, чтобы любить ближнего как себя, чтобы не унижать других потому что они другие. Все — дети Божьи, а значит, и братья во Христе.

Обрядоверие, в сочетании с гордыней, столь распространенное в России, — дескать, мы истинные христиане, а все остальные нехристи, — это антихри-

стианство, то самое фарисейство, с которым боролся Иисус. В России, увы, часто не понимают Запад, считают, например, что права, предоставленные гомосексуалистам, — это вызов христианству. Нет, мотивы здесь именно христианские, они не в том, чтобы «поощрить распущенность», а в том, чтобы признать и в этих «нетрадиционалах» — людей, наделенных равными правами, защищенных от унижения. Это и есть христианство. Христос защищал женщину, совершившую прелюбодеяние, общался с самаритянами, водил компанию с малопочтенными людьми, предпочитая их ученым, правильным и праведным фарисеям. Главное в христианстве — умение принять другого, почувствовать его как себя.

Когда я приехал в США в 1990 г., то в первые годы скептически относился к «политкорректности». Но постепенно осознал и почувствовал, что в ней есть правда приятия других, тех, кто слабее, тех, кто в меньшинстве и нуждается в защите. Подчас это право, сведенное в юридическую плоскость, приобретает гротескные черты, подменяя этику законом. Но в основе политкорректности — христианское чувство сострадания и готовность приносить жертвы тем, кто слабее тебя. Конечно, на Западе, как во всяком земном обществе, есть и эгоизм, и материализм, и преступность, но в отличие от России, где государство способствует проявлению этих пороков, западное общество реально борется с ними, это внутренне христианизированное общество, где признаются права личности и верховенство духовной свободы. И это проявляется в нынешнем отношении

к беженцам, к странникам и иностранцам, ко всем отверженным. И даже к врагам — «благословляйте приклинающих вас». Христианство на Западе может отвергаться как институция, церковь, но глубинное ядро Запада, по моему ощущению — по крайней мере, в Америке и Англии, где я прожил четверть века — остается христианским.

Вот почему несмотря на множество неприятностей и даже прямых угроз, обусловленных наплывом беженцев, Запад все-таки настроен их принимать, хотя, казалось бы, какое нам дело? Вы молодые здоровые мужчины — сражайтесь сами за свою страну! Или ищите убежища у своих единоверцев в богатых арабских странах. Но Запад принимает даже тех, кто враждебен Западу и хочет его уничтожить или подчинить чужим религиозным догмам. И если Запад умрет, то так же, как Христос на кресте, благословляя тех, кто его распинает.

Но Запад не умирает, вопреки тому, что сейчас, как и сто лет назад, во времена Первой мировой войны и книги О. Шпенглера, стало модно говорить о «закате Запада». Кто только его не хоронил! Но Запад не погиб ни от мировых войн, ни от революционных движений XVIII — XX вв. Марксисты и коммунисты были, конечно, пострашнее нынешних «постмодернистов», якобы ответственных за «ослабление» Запада. Сила Запада — именно в его открытости, которую не стоит принимать за слабость. Запад открыт как тезисам, так и антитезисам, в результате чего образуется могучий синтез. А в одномерных системах, где громогласно звучит лишь тезис: атеистически-

Михаил ЭПШТЕЙН. От совка к бобку

революционный или религиозно-фундаменталистский, — все быстро цементируется, а затем рушится, потому что Земля живая и никаким цементом ее не возьмешь.

Декабрь 2015

III. ОТ СОВКА К БОБКУ

Ни слова об Украине. Заметки августа 2008 г.

То, что происходит сейчас, в марте 2014 г., с Россией, — это такая боль, что трудно выговорить. А пять с лишним лет назад эта боль еще как-то выговаривалась. Вот мои дневниковые заметки августа 2008 г., когда умер Солженицын и сразу же началась война с Грузией. Здесь ни слова об Украине. И всё — о ней.

4 авг. 2008 г. Умер Солженицын. Первое чувство — что теперь страна обрушится. Государство, как и село, не стоит без праведника. И дело не в политическом влиянии Солженицына (нулевом), а в том, что он, как личность, скреплял страну, одушевлял, собирал в единое лицо. Не президенты или премьеры, а именно он. И это не мистика...

Солженицына похоронили 6-го августа. А в ночь с 7-го на 8-ое грянули кавказские события. Разрешились они, казалось бы, в пользу России, даже с геополитической прибавкой в виде двух маленьких республик. Ничуть она не обрушилась. А между тем...

Ни одна страна не заинтересована больше России в территориальной целостности: складывалась из этнически разных территорий, которые при малейшем удобном случае готовы заявить о своем суверенитете.

Теперь этот удобный случай им подарен. Между государствами, как и между людьми, действует золотое правило: не делай другому того, чего не желаешь себе. Когда одна страна подрывает принцип территориальной целостности другой, то обрекает себя на такой же подрыв. Соединенным Штатам, признавшим Косово, это не грозит, поскольку Косово от них далеко и Штаты не имеют территориально–этнического деления. А вот России этот принцип стоило бы блюсти неукоснительно, поскольку речь идет о территориях, прилегающих к ее собственным границам и подающих нагляднейший пример ее субъектам. Вот уже и ингушетская оппозиция заявила о праве республики на выход из России, и освободительные движения в Татарии и Башкирии тоже приводят этот аргумент: почему Абхазии и Осетии выходить из Грузии можно, а нам из России нельзя?

27 авг. Очень тяжелое чувство. Кажется, Россия себя загнала в тупик. Проглотила крошечные грузинские территории — а рвать ее будет всем северным Кавказом, мусульманскими республиками, Дальним Востоком, Сибирью. Кажется, что и впрямь со смертью Солженицына держава начинает сыпаться, причем под патриотические возгласы. Ее деление будет происходить по правилам ее умножения.

28 авг. 2008. Слово «Россия» сейчас у меня выговаривается с трудом. Больно. Даже читая курс по Достоевскому, поймал себя на том, что «Россия» звучит иначе, чем раньше. Как «Северная Корея» или «Куба», т. е. либо с сарказмом и гневом, которого во мне нет, либо с болью, которую хочется запрячь

поглубже, — а значит, пореже это слово произносить. Для меня это лирика, а не политика.

Особенно тяжело, что Россия как бы вернулась в свое прошлое, в СССР. До сих пор ее имя звучало в какой-то мере непорочно. Благодаря Горбачеву и Ельцину ей удалось отмежеваться от Советского Союза и его преступлений и предстать жертвой мирового коммунизма, который она сама же и низвергла. Двадцать лет, 1988–2008, имя России звучало гордо — если и небезупречно, то в моральном смысле все-таки неукоризненно. И вдруг враз зазвучало так, что приличному человеку остается то ли скривиться или нахмуриться, то ли выразить соболезнование или насмешку... то ли промолчать. Символически — да и геополитически — она взяла на себя теперь все счета, по которым, казалось, уже сполна заплатил, распавшись, СССР. А теперь в очередь на распад встала сама Россия, подписав себе приговор, — тот закон, по которому ее будут раскраивать. Всем вдруг стало ясно, что распад СССР — полумера. И теперь в повестку мирового сообщества на ближайшие 20–30 лет может войти развал России. К этому приложат руку все: и Китай, и Япония, и мусульманские страны, и Восточная Европа, и Украина, и Скандинавия, и Балтика, и российские же кавказские и поволжские республики. Все это тяжело и страшно и, дай Бог, не выпадет на долю нашего поколения, но боюсь, уже следующему придется расплачиваться за пиры отцов, за поход на Поти.

Казалось бы, ошибка ничтожная в сравнении с «подвигами» США в Ираке, с сотнями тысяч по-

гибших. Но репутацию страны, как английский газон, нужно выращивать непрерывно на протяжении столетий. Америка за 230 лет нарастила себе такой символический капитал, что даже постыдные войны в Сербии и Ираке не промотали его окончательно. Тем более, что собственный народ американская власть не убивает и не обворовывает и выборы проводит честно. А у страны, которая в 1991 г. начала даже не с нуля, а с минуса, с огромных моральных долгов СССР, просто не накопился моральный капитал, который она могла бы потратить даже на вылазку в Гори и Потти. У нее в кармане дыра, и засунув руку в этот карман, она его еще больше разодрала. Ей бы заняться своим обустройством, хотя бы в Подмоскovie, которое еще лежит в пореволюционной разрухе, почти все поместья и дворцы догнивают. Ей бы накормить народ в провинции. Ей бы сохранить свое вымирающее население. Построить дороги и т. д. и т. п. А она к миллионам своим квадратных километров хочет добавить еще несколько сотен. Неужели ничего другого не умеет? И «воевать» кавказские племена ей понятнее и привычнее, чем развивать нанотехнологии и богатеть умом и трудом, а не дарами природы?

Конечно, США несут вину за слом международного права. Но нынешняя Россия фактически делает все, чтобы Америку обелить, жалко ее копируя, а себя подставляя. Переводя стрелку с Америки на себя. В результате та опять становится светочем миру. Боюсь, что не России с ее коммунистическим прошлым и криминальным настоящим учить Америку между-

народному праву. Все-таки выборы в Америке не чета российским, и есть надежда на исправление внешнего курса изнутри, есть резерв честности и свободы.

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Поэтому нам глупо сейчас набычиваться... Вот это досаднее всего: гибнуть за пустяк, за радость почваниться над крошечной Грузией и набить деньгами карманы осетинских министров.

29 августа 2008 г.:

«Согласно данным ВЦИОМ, можно констатировать ухудшение отношения россиян к грузинам после событий в Южной Осетии. Об этом заявил 51% опрошенных. 41% респондентов отметили, что их отношение к грузинскому народу осталось прежним, а у 2% оно даже улучшилось. В отношении россиян есть возрастная закономерность: больше всего изменивших свое мнение о грузинах россиян среди молодежи. В возрастной категории 18–24 лет отношение к жителям Грузии ухудшилось у 54% опрошенных, в возрасте 25–34 и 45–59 лет — у 48%, в возрасте 35–44 лет и от 60 лет и старше — у 52%».

А от насколько улучшилось отношение россиян к осетинам или абхазам, статистика не сообщает. Зато грузин теперь можно ненавидеть с полным основанием. Кажется, что население только и ищет повода для ненависти — к кому угодно: грузинам, украинцам, полякам, американцам, черным, желтым. Душевное состояние замешано на фобиях, и все, что их разжигает и укрепляет, вызывает приступ национального восторга. А кого любят? Ни одной настоящей филии, сплошь фобии. Даже себя и своих по-настоящему

не любят, боятся, а встретив за границей, стараются обходить. Вот это страшно — такая всененавистливость, которая разжигалась, конечно, еще в 20 в. («классовая борьба», «враги народа»).

В России никак не могут понять, чем так возмущается Запад. Ну опустили маленькую Грузию — так не до смерти же. И кому она нужна, Грузия, со своим боржомом? А Россия большая, у нее всего много: нефти, газа, леса, земли, с ней выгодно дружить. Так чего же Запад уперся и встал на сторону Грузии? Власти не устают повторять, что ждут от Запада здорового прагматизма. Прямо-таки новое российское заклинание: «прагматизм» (как когда-то «коммунизм»). Давайте торговать. От России много всего можно получить, зачем вам какая-то фруктовая республичка? И совершенно не понимают — ни вожди, ни население — что у Запада есть моральные принципы, которые выше прагматизма. Помочь слабому, защитить от сильного громилы, поддержать свободно выбранную власть. Хотя прагматика может и брать свое, но между нею и идеалом складывается компромисс, выбирается нечто среднее.

А Россия от чистого «идеализма», т. е. идеологии советской эпохи, метнулась к чистому прагматизму и не может понять, как это Запад, который учил ее торговать, предпочитает теперь быть в торговом убытке, потерять дружбу сильной державы, — встать на сторону слабого и бедного. Такой типовой российский бинаризм: идеализмом мы объелись, будем теперь циниками. Запад все время ищет среднего пути, потому что понимает, что у политики есть два

крыла: экономика и мораль, и потеряв одно, легко разбиться о голую выгоду и все потерять. Россия же искренне не понимает: вы что, нашу нефть хотите на их боржоми променять? Не может поверить. И тогда усматривает другой мотив: козни против России, самоцельную ненависть Запада и всего мира к ней. Ненависть понять легче всего — и ответить на нее ненавистью.

Напоследок вернемся к Солженицыну. Вот что писал он сорок лет назад:

«Перестав пригребать державною рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе, — обратим свое национальное и государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока, чья пустынность уже нетерпима становится для соседей по нынешней плотности земной жизни. <...> Это будет означать, что Россия предпримет решительный выбор САМООГРАНИЧЕНИЯ, выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не во вне; всё развитие своё — национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан, направит к расцвету внутреннему, а не внешнему.

Это не значит, что мы закроемся в себе уже навек. То и не соответствовало бы общительному русскому характеру. Когда мы выздоровеем и устроим свой дом, мы несомненно еще сумеем и захотим помочь народам бедным и отсталым. Но — не по политической выгоды: не для того, чтоб они жили по-нашему или служили нам.»¹

---

¹ А. Солженицын. «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», сб. «Из-под глыб», 1974.

Таким был Солженицын в 1970-е. Конечно, трудно предсказать, как он воспринял бы новый геополитический порыв России уже в постсоветское время. Неужели благословил бы, отбросив тень на все свое великое прошлое? Но тогда понятна становится и воля промысла, уберегшая его от этого шага на самом пороге, за несколько дней до грузинских событий.

Крым и «скрытымным». Где обрывается Россия?

Кто только в последнее время не вспоминал об «Острове Крыме» В. Аксенова и его загадочном взгляде в будущее! Но были и более ранние поэтические предчувствия рокового значения Крыма в российской истории: форпост в пространстве отсылает к эпилогу во времени.

Осип Мандельштам

О крымских мотивах у О. Мандельштама можно написать целую книгу. Сегодня вспоминаются удивительные строки, посвященные М. Цветаевой:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
— Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы.

.....
.....

Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

То, что кладбищенская земля напоминает о Крыме, настолько очевидно, что Мандельштам даже

выбросил первые две строки следующего четверостишия, оставшиеся в черновике:

Я через овиди степные¹
Тянулся в каменистый Крым,
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

Казалось бы, что общего между Крымом и кладбищем, где гуляли Марина и Осип, в той самой Александровской слободе, где за триста с лишним лет до того Иван Грозный убил своего сына? Предчувствие смерти. Причем безутешное, неотвратимое, ибо в чудо воскресения они не верят. Вероятно, Мандельштам потому и заменил две строки рядами точек, что они нагляднее любых слов демонстрируют ту черноту и глухоту, в которую обрывается страна.

Но какой это обрыв? В пространстве? Или во времени?

Написано стихотворение в июне 1916 г., т. е. задолго до конца гражданской войны, когда Россия, действительно, «оборвалась» в Крыму. Последние белые части — врангелевские — покинули Россию, отплывая из Крыма, а с ними сто тысяч беженцев из коммунистической России (включая И. А. Бунина). Там оборвалась досоветская история. А где и когда оборвется постсоветская?

Андрей Вознесенский

Еще одно невольное пророчество — «Скрытым-ным» А. Вознесенского 1970 г. Речь идет о темном,

---

¹ «Овиди» — степные кругозоры, горизонты.

таинственном, судьбоносном, что выражается глоссолалией «скрытымным», созданной языковым воображением поэта. Приведу стихотворение целиком.

«Скрытымным» — это пляшут омичи?
скрип темниц? или крик о помощи?
или у Судьбы есть псевдоним,
темная ухмылочка — скрытымным?
Скрытымным — то, что между нами.
То, что было раньше, вскрыв, темним.
«Ты-мы-ыы...» — с закрытыми глазами
в счастье стонет женщина: скрытымным.
Скрытымным — языков праматерь.
Глупо верить разуму, глупо спорить с ним.
Планы прогнозируем по сопромату,
но часто не учитываем скрытымным.
«Как вы поживаете?» — «Скрытымным...»
Из-за «скрытымными» закрыли Крым.
Скрытымным — это не силлабика.
Лермонтов поэтому непереводим.
Лучшая Марина зарыта в Елабуге.
Где ее могила? — скрытымным...
А пока пляшите, пьяны в дым:
«Шагадам, магадам, скрытымным!»
Но не забывайте — рухнул Рим,
не поняв приветствия: «Скрытымным».

Прежде всего, поражает отсылка к тому же стихотворению Мандельштама о кладбище, где он гулял с Мариной и которое напоминало им о Крыме. Теперь Марина сама в могиле, причем затерянной — двойная загадка, обозначенная все тем же тарабарским «скрытымным».

На все длинное слово — одна воющая, рыдающая гласная «ы», трижды повторенная. Что еще скрыто в этом слове, какие корни-смыслы в нем спрессованы? Скрыт, мыт, тьмы, сырым, крысы, смык, рыск, рык, тартар, тыртыр. Страшные слова, за которыми таится смерть, подземелье, мрак, загробье, скрежет зубовой и тьма крошечная, мыт, снимаемый с мертвых, отправляемых в тартар...

Среди этих составляющих выделяется и «крым», который тематизируется в строке:

Из-за «скрытымными» закрыли Крым.

Если понимать под «скрытымным» нечто неясное, пугающее, псевдоним самой судьбы с ее темной ухмылкой, то в этой строке судьба ухмыляется дважды. То, что случилось с Россией в минувшем году, — это именно «скрытымным», и это именно Крым. Дважды вещее созвучие. Мало кто уже помнит, из-за чего тогда закрыли Крым, какое местное бедствие отразилось у Вознесенского. Скорее всего, имеется в виду эпидемия холеры в августе 1970 года. Но то, что Крым «закрыли» — отсоединили и от материка, и от всего мира — в 2014 г., уже читается в этом стихотворении, написанном за 44 года до того, как его смыслу предстояло сбыться в полную меру.

Но не забывайте — рухнул Рим,
не поняв приветствия: «Скрытымным».

Рим, как известно, пал от нашествия варваров. Для Вознесенского скрытымным — это угроза Риму, который не понял извне надвигающегося варварства,

а потому погиб. Но не относится ли эта угроза и к Третьему Риму? Только варварство надвигается на него не извне, а изнутри, и точно так же превещает гибель. Это скрытымным, эта тьма, вдруг накрывшая страну и несущая в себе рычащее тюркское «крым», и есть предупреждение, посланное в стихах Вознесенского от первого Рима к Третьему.

Послесловие из К. Кавафиса

Хочется закончить это размышление о двух поэтических предчувствиях стихами Константиноса Кавафиса «В ожидании варваров». Последние строфы:

— Чем объяснить внезапное смятение
и лиц растерянность? И то, что улицы
и площади внезапно обезлюдели,
что население по домам попряталось?

— Тем, что смеркается уже, а варвары не прибыли,
и что с границы вестники сообщают:
больше нет на свете варваров.

— Но как нам быть, как жить теперь без варваров?
Они казались нам подобьем выхода.²

Ответом на этот вопрос: как жить без варваров? — мог бы стать опыт нашего времени. Если варваров очень ждут, но они не приходят, поскольку страну окружают мирные народы, — тогда они рождаются

---

² Перевод Геннадия Шмакова под редакцией Иосифа Бродского, 1988. Другие варианты перевода: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/8/kava4.html>

Михаил ЭПШТЕЙН. От совка к бобку

в ней самой. Еще более разрушительные, потому что свои, из своей плоти и крови, знающие нас изнутри, а вместе с тем — страшные, как безумие близкого человека. Страна, не дождавшаяся иноплеменных варваров, но напряженно их ждущая, может погибнуть от собственных.

Март 2014

2014 год в предсказании Ф. Достоевского

Политология души

Похоже, что 2014 году суждено стать переломным в истории России. Постсоветская эпоха, начавшаяся в 1991-м, подошла к концу, а для новой еще нет названия, и непонятно, применимы ли к ней какие-либо социально-политические термины. Самая большая по территории и сверхвооруженная, но лишенная союзников и ясной идеологии страна дерзнула бросить вызов всему миру и «выломиться» из системы международного права. Вызов чисто эмоциональный и экзистенциальный. Против всех, вопреки всему...

Конечно, тому есть и прагматические причины: коррупция, бандитизм, преступления, страх разоблачений, «война все спишет»... Но одним этим нельзя объяснить энтузиазм страны в решимости гордо и одиноко противостоять всем заведенным порядкам цивилизации. Как будто радуется сама возможность отбросить все правила, «навязанные Западом», и пожить наконец по собственной воле, как «суверены». Никакой закон нам не писан: ни ООН, ни международная система договоров, ни нами же ранее взятые обязательства. Мы сами хозяева своей тайги. Политологи бьются в попытках объяснить эту

резкую, иррациональную смену курса. Хорошо бы перечитать Достоевского, в «Записках из подполья» уже все предсказано:

«Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!»

Вот и началась она, эпоха «глупой воли», эпоха вызова всему ради одной-единственной, «наивыгодной» выгоды: пожить наконец по своему капризу, пусть самому дурацкому и ни с чем несообразному. И чем вреднее для себя, тем пронзительнее сладость вызова. Это все экзистенция играет, горячит кровь и мутит разум. Тут нужно смотреть не в социально-политический, а в философский и психологический словарь. Что такое экзистенция? Это голое существование, не подкрепленное никаким законом, обоснованием, сущностью, — вопреки всему. Это полная противоположность декартову рационализму: «Мыслью, следовательно, существую». По-нашему — ровно наоборот: «Существую, следовательно, долой разум». И даже резче: «Сумасшествую, значит, существую».

«Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже

до сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту».

Вот отчего трудно подыскать рациональные объяснения новейшему выверту российской истории, всем этим «вдруг» и «вопреки». Нужна экзистенциальная политология, для которой нет научной базы, — да и возможна ли она? Откуда эта злоба, доходящая до белого каления и направленная на весь мир, на все то, что не «наше»?

Мирозлобие

Прежде всего не следует путать мирозлобие и мизантропию. Мизантроп, или человеконенавистник — нелюдим, избегает общества, не слишком высокого мнения о людях, в том числе о самом себе; это недоброе, но пассивное, страдальческое отношение к миру, осознание его пороков и слабостей. Мирозлобие — это, напротив, эмоционально агрессивное отношение к миру, злорадство по поводу его бед и несчастий. Мирозлобец испытывает обиду и желание отмщения, и подпольный человек Достоевского — один из первых и ярчайших представителей этого типа.

Послушав телеведущего, который грозит превратить Америку в радиоактивную пыль, и геополитика, который призывает российскую армию оккупировать Европу и установить над ней власть русского царя, можно прийти к выводу, что есть в мире нечто более опасное, чем даже фашизм или коммунизм.

Эта идеология относится к фашизму, примерно как ядерное оружие к обычному. Речь идет о панфобии — тотальной ненависти: не к классам, нациям или расам, а к миру как таковому. Это жажда абсолютной гегемонии над миром и стремление диктовать ему свою волю — или уничтожить его. Это безумная, иррациональная идея всевластия одной банды, приставившей к виску всего человечества ядерное дуло.

Константин Леонтьев в свое время изрек: «Россия родит Антихриста». Раньше думалось, что ему привиделся коммунизм и эта опасность уже позади. Но возможно, коммунизм был только прологом к той отчаянной панфобии, которая, по словам одного из ее лидеров, планирует «эсхатологический захват планетарной власти. Хитрый и жестокий захват». В катехизисе Евразийского союза молодежи записано: «Мы имперостроители новейшего типа и не согласны на меньшее, чем власть над миром. Поскольку мы — господа земли, мы дети и внуки господ земли. Нам поклонялись народы и страны»... Выбор прост: если человечество не согласится стать кастовым и «евразийским», то лучше ему сгореть в ядерном огне. Раньше казалось, что это книжные, романтические бредни. Между тем главный теоретик евразийства, профессор Академии Генштаба, уже давно наставляет в этом духе своих «студентов». Так что ядерное оружие и воспаленная мысль безумца могут соединиться и впрямь превратить мир в радиоактивную пыль.

Связь экзистенции и злобы глубоко прослежена у Достоевского. Вот как начинаются «Записки из подполья»: «Я человек больной... Я злой человек.

Непривлекательный я человек. Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать... Я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки если я не лечусь, так это со злости».

Подпольный человек не хочет лечиться, потому что любое осмысленное, рациональное, созидательное действие вызывает в нем отвращение, приступ ярости и обиды. Если речь идет о больном общественном организме, то он отвергает всякое лечение, потому что злоба его направлена и на само здоровье. Бороться за возвращение к жизни, за здоровую экономику, здоровое государство, умный парламент, свободные выборы — это признать свое поражение. Уж если я умираю, значит, сама смерть права. «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Подпольный человек прекрасно понимает, что и сам он, со своим чайником и чашкой, провалится вслед за миром, — и все-таки предпочтет чаепитие миропасению.

Деньги в огонь

В 2014 году был короткий промежуток между праздничным закрытием Олимпиады (23 февраля) и объявлением референдума по Крыму (27 февраля). Всего за четыре дня сместилась ось российской истории. Об этом вдруг заговорили мои студенты в курсе по Достоевскому. «Удивительно! — сказал Марк. — Столько денег вложено в Олимпиаду. Столько лет

готовились показать себя миру. Всего добились. И вдруг — одним махом спустить весь моральный и политический капитал, на который могли бы жить еще долгие годы. Всех напугать, оттолкнуть от себя».

Мне почудилось, что из этих мыслей можно извлечь педагогическую пользу. Я спросил: «Вам это ничего не напоминает у Достоевского?»

Марк быстро сообразил: «Настасью Филипповну! Бросает сто тысяч рублей в огонь. Ради чего? Это гордость у нее такая. Ничего ей не жалко. Кураж превыше всего».

Тут вступила и студентка Анна: «Это как Грушенька. Так хороша, так наряжена — залюбуешься! А она говорит, что в один миг все сбросит, нищенкой будет по улицам бродить. Это истерика, как и у Настасьи?»

Я задумался. Большинство экспертов сходится во мнении, что, приобретя Крым, Россия теряет несравненно большее. Теряет Украину. Теряет инвестиции, доверие, экономическую стабильность. Теряет свое место в мировом сообществе. Потенциально теряет и себя, создавая прецедент, по которому от нее будут отпадать территории, жаждущие суверенитета. Ради чего такой невыгодный обмен?

А может быть, дело вовсе не в приобретении Крыма, а в грандиозности своеволия, которое измеряется грандиозностью потери? Для чего Настасья Филипповна бросает в огонь целое состояние? Для чего отказывается от всего своего великосветского круга, от князя Мышкина с его возвышенной любовью и полутора миллионами? Неужели ради дикого Рогожина? Не нужен ей Рогожин — ей нужно себя

показать, отринуть все условности, переступить все границы. Не приобрести нужно, а потерять — широчайшим жестом швырнуть в лицо миру все достигнутое, включая олимпийскую славу, гори она синим пламенем... Нет, экономистам и политологам здесь не разобраться, здесь нужен Достоевский.

Истребление середины

В отечественной истории уже был такой экзистенциальный вызов, брошенный всему миру и законам цивилизации. Но тогда эта фантазия, раздраженная «даже до сумасшествия», облекалась в формы псевдорациональные и наукообразные: материалистический базис, борьба классов, социалистическая революция, диктатура пролетариата... Потребовались десятилетия, чтобы обнаружилась фантазмагоричность всего этого проекта, за которым стояла всего лишь упрямая воля к власти: жить не как все, отбросить к черту диктатуру здравого смысла и экономическую целесообразность и поставить на их место диктатуру своеволия. Но галлюцинация этих законов «исторического и диалектического материализма» была столь правдоподобна, что сумела увлечь едва ли не половину человечества на путь построения «научно обоснованного» коммунизма. Тогда еще верилось в идеалы интернационализма, братства, свободы, равенства — и приносились им великие жертвы. Но становилось все яснее, что движут этим великим историческим переломом не идеалы, а злоба и ненависть одних, страх и малодушие других. Чуткий свидетель эпохи Михаил Пришвин писал в своем Дневнике 1930 г.:

«24 января. Иной совестливый человек ныне содрогается от мысли, которая навязывается ему теперь повседневно: что самое невероятное преступление, ложь, обманы самые наглые, систематическое насилие над личностью человека — все это может не только оставаться безнаказанным, но даже быть неплохим рычагом истории, будущего».

Ненависть как рычаг истории... Причем, по наблюдению Пришвина, самую лютую ненависть вызывают именно те, кто с рациональной точки зрения наиболее полезен для развития общества.

«6 февраля. Кулаки. Долго не понимал значения ожесточенной травли “кулаков” и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила все их достояние. Теперь только ясно понял причину злости: все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени».

Поставим на место кулаков «креативный класс» — и получим точную картину той иррациональной ненависти, которая разжигается пропагандой против нынешних «середняков». Не любят в России середины. Богатых и сильных поневоле боятся и уважают, с бедных и слабых и взять нечего... Извечная ненависть поляризованного общества к любому центризму.

Но есть и колоссальное различие. Тогда эта магма всенародной злобы направлялась по специально проложенным для нее идеологическим руслам. Имитировалось научное мировоззрение, «передовые

От совка к бобку

идеалы»— и злоба разжигалась во имя высших целей освобождения трудового человечества и создания царства изобилия. Сейчас по большому счету уже и не нужны никакие мотивации — достаточно чистых эмоций. Злоба очищается от всяких рациональных примесей и направляется на самый близкий, братский народ. Это, действительно, радикальный эксперимент по возгонке злобы: она приобретает новый вкус — сладострастия, упоения самим состоянием ненависти.

От совка к бобку

В известном рассказе Достоевского загулявший в подпитии герой бродит по кладбищу и слышит разговоры мертвецов. Сознание покидает их не сразу, а постепенно, в течение нескольких недель или месяцев, отведенных им для осмысления своей жизни, для раскаяния. Но для них это счастливый миг полного раскрепощения от всех уз морали.

«Черт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться... Всё это там вверху было связано гнилыми веревками. Долой веревки, и проживем эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!

— Обнажимся, обнажимся! — закричали во все голоса».

Над кладбищем поднимается густой смрад — не телесный, потому что процесс гниения перешел уже на сами души. И вот посреди «праздника мертвецов»

и раздается странное, невнятное по смыслу слово «бобок».

«Не то чтобы голоса, а так как будто кто подле: “Бобок, бобок, бобок!” Какой такой бобок?»

Точный смысл этого слова остается непонятным на протяжении всего рассказа, хотя он так и называется — «Бобок». Это даже не слово, а «словцо», какое-то бормотание, междометие — звук умирающей, но еще теплящейся души.

«Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё еще вдруг пробормочет одно словцо, конечно, бессмысленное, про какой-то бобок: “Бобок, бобок”...»

Вот это слово «бобок» и может послужить обозначением наступившей эпохи и восполнить пробел в социально-политической терминологии. Вся та публицистика, геополитика, законотворчество, которые обрушиваются на страну, вызывая приступы энтузиазма, — это, по сути, тот же «бобок». Лопающийся пузырь последнего вздоха отходящего исторического организма.

«Бобок» — стиль времени, как декаданс конца XIX века или авангард 1910–1920-х гг. Это клич последнего бесстыдства, когда уже все дозволено, потому что смерть все спишет. О фонетике и семантике этого загадочного слова можно написать целый трактат. У Хлебникова похожее звучание связано с очертанием губ: «Бобэоби пелись губы». У повторных сочетаний «б» с открытыми гласными «а» и «о» — значение угрозы, насилия, смерти, пустоты. Здесь отзывается злой Бабай, которым пугают детей,

и глагол «бабахать». У Мандельштама звучит столь же неопределимый, но выразительный глагол: «Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,/Он один лишь бабачит и тычет» («Мы живем, под собою не чуя страны...»). У И. Бродского есть загадочное стихотворение «Похороны Бобо», истолкованное самим автором: «Бобо — это абсолютное ничто».

Достоевский гордился тем, что ввел в русский язык глагол «стушеваться», т. е. незаметно исчезнуть. Но «бобок» — сегодня более важное для России слово, это знак громкого исчезновения, раскатистый предсмертный выдох.

Страна замерла, все внутри нее продолжается лишь по инерции, а глубинно она предельно напряжена и ожесточена на рубежах. «... Страна со всех сторон окружена неприятелем» (Д. Медведев). Это непревзойденный в истории рекорд: всего за несколько месяцев самой большой на свете стране удалось окружить себя врагом — такова проекция тотальной ненависти. То, что производится сегодня в знак солидарности со «злойбой года», — и есть тот самый бобок. Бобок-пропаганда, бобок-публицистика, бобок-литература, бобок-метафизика... У бобка много профессиональных обличий и манер. Политик-бобок хочет отобрать у соседнего народа принадлежащую ему землю как «оккупированную» и тем самым отправить миллионы людей на небо, вслед за первой «Небесной сотней». Профессор-бобок выражается еще прямее, чеканит формулу: «Убивать, убивать и убивать. Больше разговоров никаких не должно быть. Как профессор я так считаю».

Путь, пройденный за четверть века, можно очертить так: от совка — к бобку. Разница немаловажна. Совок был существом наглым и хамоватым, но и лопоухим, лоховатым. Его уши еще были полны отголосками добрых увещеваний и посулов равенства, братства и великого будущего. Некие исторические, философские, моральные абстракции отдавались в его подсознании и придавали ему толику добродушия и расслабленности даже в острой борьбе за жизненные интересы. Он не был готов так безоговорочно «отжимать» у чужих и «сливать» своих. Он был более спокойным и уравновешенным и вплоть до 2014 года считал, что у жизни еще может быть второе начало.

Бобок лишен этих иллюзий и исторической перспективы. У него осталось только одно право, о котором в «Бесах» Петр Верховенский говорит Ставрогину: «В сущности, наше учение есть отрицание чести, и откровенным правом на бесчестие всего легче русского человека за собою увлечь можно». Ставрогин отвечает: «Право на бесчестие — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется». И бобок этим правом пользуется самозабвенно. Незабываема сцена парада пленных в Донецке. Истошный мужской крик из толпы: «На колени поставьте! На колени!» За понурыми пленными следуют поливальные машины. Репортер приходит в восторг: «Показательно! Bravo! Bravo! За ними даже дорогу моют, чтобы эта грязь не оставалась на нашей земле». Страна поднимается с колен, только если кого-то ставит на колени.

Совок в простоте душевной полагал, что вселенная должна по-матерински его любить и опекать,

восхищаться даже его хамством как выражением ребячливой резвости и непосредственности. Бобок — разочарованный совок, который вдруг осознал свое сиротство. Вселенная никогда не даст ему той любви, на которую он имеет право. Бобок — агрессивно-депрессивный совок, который ничего хорошего не ждет от мира. А потому готов первым нанести сокрушительный удар — и, разлагаясь в могиле, грозит «бокалипсисом»...

Гласные и согласные

Конечно, в эпоху бобка далеко не все бобки. Если применить термины фонетики не только к языку, но и к обществу, то оно делится на три разряда: звонкие и глухие согласные — и гласные. Звонкие всегда и во всем согласны с властью, громче всех кричат «ура» и побуждают к этому остальных. Они подают свой голос в поддержку всего, что уже господствует и с чем они, безусловно, от души согласны. Это «агрессивно-послушное большинство» (Ю. Афанасьев, 1989). «Глухие согласные» — те, которые поддерживают власть своим молчанием, равнодушием, терпением. Это депрессивно-послушное большинство.

Наконец, есть гласные. И в языке, и в обществе их всегда меньше, чем согласных. В них свободное дыхание мысли и слова не наталкивается на внутренние зажимы и преграды. В эпоху совка их называли диссидентами, олицетворением которых были А. Сахаров, А. Солженицын, А. Синявский, М. Ростропович... Эти С. С. С. Р. — и сотни соли-

дарных с ними людей — придали иное звучание тому, что именовалось «СССР». Это люди мягкой души и непреклонного духа. Сегодня их называют «пятой колонной», но они меньше всего склонны выстраиваться в колонну. Они — писатели, музыканты, художники, журналисты, историки, политики, волонтеры — и к тому же граждане. Вряд ли их можно назвать «инакомыслящими», поскольку они не противостоят какой-то системе мысли, идеологии, идеократии. Они противостоят безмыслию, поэтому их можно просто считать мыслящими. И действуют они очень по-русски, бросая абсурдный вызов эпохе абсурда: в одиночку — против огромного большинства. Трудно поверить, что они победят. Но давно сказано первым христианским экзистенциалистом Тертуллианом: «Верую, потому что абсурдно».

Цвет времени

Во дни тягостных раздумий
о судьбах моей родины...

И. С. Тургенев

Такой черной ночи, как март 2014 г., не припомнится в жизни нашего поколения. Пожалуй, только вторжение в Афганистан (1979) и приход к власти шефа КГБ Андропова (1982) вызывали сходный, хотя и не столь резкий обвал настроений. Вот моя дневниковая запись 1980 г.:

«В 1970-е годы думалось о России: сладкий сон, туман, рассеянье, забытьё. И вдруг, на рубеже 1980-х, с Афганистана — прорезалось во времени что-то острое и страшное, как будто алая краска 1930-х годов проступила сквозь слой пудры и румян на старческом лице. Причем и развал, и немочь — все осталось, но через них-то и объявилась новая сила, жалкая, но опасная».

Кажется, и к нынешнему моменту можно отнести это внезапное побагровение цвета времени. Все более вялая эпоха нулевых, продолжавшая мельчать и пошлеть в 2010-х, вдруг, на третьем путинском сроке, как и на последнем брежневском, забила фонтаном с кровавой подсветкой.

Тогда, на рубеже 1970–80х, это не было внезапным изменением природы режима, поэтому воспринималось как более темный оттенок все того же серого. Потом, к концу 1980х, настали золотые и розовые времена, когда возникли надежды на окончательный слом железного занавеса и вхождение России в мировую цивилизацию. Тогда в России впервые были изданы Евангелие и Фрейд, Чаадаев и Бердяев, Джойс и Набоков, Солженицын и Бродский... Лучшие мысли всех веков одновременно вошли в сознание общества. Свобода, личность, честь, вера, духовная жизнь, гражданское общество, социальное творчество, открытость миру, единые судьбы человечества — все это вдруг со страниц книг («самиздата», «тамиздата» и «тогдаиздата») за год-два перекочевало в бытие, в повседневность...

И вот теперь кажется, что вся эта работа была напрасной, а значит, потерян и смысл жизни целого поколения. Ради чего растили все эти плоды цивилизации и свободы? Чтобы все закончилось лозунгами «танки на Киев»? Чтобы увенчать бандитов славой патриотов? Чтобы Россия отгородилась стеной от Запада, от духовной колыбели своей цивилизации? Для чего Сахаров и Солженицын, Синявский и Вознесенский, Окуджава и Высоцкий, Бродский и Аксенов? Да и язык, вопреки тургеневской надежде, перестал быть «великим, могучим, правдивым и свободным». Он изолгался, став языком господских окриков и рабских восторгов, в лучшем случае, языком пересмешек и подхихикиваний.

От совка к бобку

Март 2014 г. как-то резко и сразу обесмыслил жизнь целого поколения. Может быть, эти смыслы, перекрытые и почти уничтоженные, все-таки сумеют какими-то окольными путями передаться следующему поколению, ровесникам века?

Март 2014

Не спрашивай, по кому стреляют

«Звезда», старейший питерский журнал, за свой долгий век — 90 лет — прошел через множество испытаний, включая Постановление ЦК 1946 об Ахматовой и Зощенко («пошляке и подонке литературы»). Но выжил. А сейчас — под угрозой закрытия, потому как все средства уходят на Крым и Донбасс. Журнал обходится бюджету в 7 миллионов рублей ежегодно (140 тыс. долларов), включая подготовку, печать, рассылку, аренду помещения, зарплаты сотрудникам. Конечно, сумма огромная — семь миллионов рублей — это целых семь выстрелов осколочно-фугасным снарядом!... А на бюджет «Звезды» за четыре с половиной года можно даже произвести пуск одной зенитной ракеты комплекса С-300, такой же, какая сбила над Донбассом пассажирский Боинг...¹

Вот и задумаемся: а какую мишень поражают эти выстрелы? Само собой, украинцев, защищающих свою землю. Иностранцев пассажиров, которых угораздило пролетать над этой несчастной землей. Но есть еще и невидимые мишени, расположенные за спиной стреляющих. Каждый выстрел попадает в детский сад, в школу, в больницу, в поликлинику,

---

¹ Некоторые факты взяты из блога Полины Вахтиной в Фейсбуке.

в библиотеку, подлежащие закрытию или «оптимизации». В людей, лишаящихся работы. В научно-исследовательские институты и в Академию наук. Из-за бюджетных сокращений отменяется строительство театра в Архангельске, культурных центров в Калуге и Мурманске...

В день рождения Путина, чтобы доставить радость виновнику торжества, одним залпом уничтожили целый город Барнаул. 7 октября 2015 г. с Каспийской флотилии было выпущено по Сирии 26 крылатых ракет — с особым, праздничным размахом и удалством. Если пересчитать в ценах, по которым Россия продает ракеты, например, Индии, то это годовой бюджет Барнаула с населением в 700 тысяч человек. Такова цена одного залпа. По всей России ведется прицельная стрельба.

Теперь очередной осколочно-фугасный снаряд метит в журнал «Звезда». В тысячи читателей. И в меня, одного из авторов.

Стреляют по всем нам...

Май, октябрь 2015

Мёртвая рука

Из документального фильма «Крым. Путь на Родину»¹ следует, что ровно год назад мир был близок к ядерной катастрофе — да и сейчас, по сути, остается на той же грани. Если бы взятие Крыма встретило какое-то внешнее сопротивление, то носитель ядерного чемоданчика не преминул бы нажать кнопку. Сильное заявление президента: территориальная принадлежность маленького полуострова уравнивается с судьбой всего человечества. Очевидно, это заявление обращено не только в прошлое, но и в будущее, т. е. порог применения ядерного оружия теперь снижен максимально, до локальных конфликтов. Редкий случай, когда одна ремарка обозначает целую веху в истории. Если бы существовала общемировая система оповещения об уровнях ядерной угрозы, сегодня можно было бы переключить ее на предпоследний — оранжевый (США) или красный (Франция).

Приходит на память, конечно, Карибский кризис 1962 г. Тогда я был слишком мал, чтобы его осознать. Зато мне запомнился другой, который почему-то выпал из общеизвестной исторической летописи,

---

¹ Первый канал, 15 марта 2015.

однако остался в моих заметках ноября 1983 г. Что произошло тогда? 23 ноября, после начала размещения американских ракет в Европе, представители СССР покидают переговоры по ограничению вооружений, проходившие в Женеве. 24 ноября генсек Юрий Андропов (которому оставалось жить всего два с половиной месяца) объявляет об увеличении числа ракет, нацеленных на США.²

Вот моя запись — Москва, 26 ноября 1983 г.:

«... Пала еще одна преграда, отделяющая человечество от самоубийства. Переговоры окончены, оружие с обеих сторон выдвигается на передний край, и ничто уже не сдерживает их решимости уничтожить друг друга, а следовательно, и себя, и весь мир. Свершится ли самоубийство — никогда не может быть определено заранее, но сама возможность его и готовность к нему означает конец огромного этапа человеческой истории, по сути — истории как таковой. То, что происходило раньше, так или иначе помещалось внутри истории, теперешние обстоятельства выводят за ее пределы. Даже если мы останемся жить, то будет уже не жизнь, данная человечеству от Бога или природы, а выбранная самим человечеством и вобравшая ту полноту смысла, какую

---

² Этому предшествовало резкое обострение отношений СССР и США после прихода к власти бывшего шефа КГБ Юрия Андропова. В марте 1983 г. Рональд Рейган назвал Советский Союз «империей зла», а 1 сентября, словно для подтверждения этой характеристики, советским истребителем был сбит южнокорейский самолет, погибло 269 пассажиров и экипаж. Рейган назвал это «преступлением против человечества, которое никогда не должно быть забыто», «актом варварства и нечеловеческой жестокости».

заключает в себе сознательный отказ от смерти. До сих пор мы жили словно дети, имея жизнь как безвозмездно дарованное благо, которого никто у нас не отнимет. Конечно, существовала трагедия индивидуальной смерти, но человек, мысль которого всегда совершается в категориях целого, имел перед собой перспективу бытия человечества, в котором и его ограниченная жизнь приобретала долгий и устойчивый смысл: то, ради чего он жил — дети, книги, страна, род человеческий, — останется после него. Теперь всё это оказывается столько же бранным, как и сам человек: никто и ничто, способное сохранить память, не переживет его. Все человечество как бы сократилось до размеров человека, который держит в руках собственную жизнь.

Не исключено, что такое состояние предсмертной готовности продлится достаточно долго, чтобы человечество привыкло к нему и, пройдя искус самоубийцы, научилось крепко держать жизнь в своих руках. Но это вынуждает по-новому ставить и решать все проблемы, соотносящие жизнь с ее смыслом. Человечеству придется выработать новую этику, метафизику, религию, которая позволила бы ему существовать, распоряжаясь орудием собственной гибели. Теперь начинается эпоха испытания человечества на зрелость, на способность выжить благодаря собственной воле и разуму, а не опекающим внешним силам природы.

Ядерное оружие привело к тому, что если раньше смерть владела человеком, то теперь человек владеет собственной смертью. Человечество подносит к виску револьвер. Нажмет или не нажмет на курок? Если нажмет, то мы сейчас переживем последний миг, когда вся предыдущая жизнь, вся мировая история проходит перед нами, словно в сознании умирающего. Если

не нажмет, значит, в мозгу человечества выработалась новая мысль, которая оправдывает необходимость последующего существования. Ближайшие годы или, может быть, месяцы в жизни человечества — как секунды в жизни человека, размышляющего с револьвером в руке: “быть или не быть?”».

Это запись, перечитанная сегодня, вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, она утешает и обнадеживает. Кто бы мог предполагать, в тогдашнем сгущении мрака, что через два года мир станет другим, а через восемь лет «империя зла» в тогдашнем своем объеме и могуществе прекратит существование...

Но возникает и другая мысль. В СССР был разработан комплекс автоматического управления массивным ядерным ударом, который называется «Мертвая рука». Даже после поражения страны эта система способна нанести ответный удар по противнику и гарантировать его ядерное уничтожение. Этой способностью России поразить врага насмерть после собственной гибели похвалялся Дмитрий Киселев. И в данном случае ему стоит поверить. У нынешнего режима, в отличие от советского, нет ни малейшего шанса на победу в мировой войне, если он захочет ее развязать. Нет идей, перспектив, экономических ресурсов. Нет никакого будущего, кроме прошлого, причем такого отдаленного, что ему не выжить в XXI веке.

Победить он не может, но уничтожить мир — вполне. Ради чего? Ради пацанского куража? Показать всем, насколько мы крутые? Превратить все челове-

чество в заложника нашего бесстыдного воровства и бандитизма, за которые при мирной передаче власти придется отвечать?

Или здесь есть нечто более глубокое, уходящее корнями в такую бездну, что может закружиться голова? В фильме Ф. Бондарчука «Сталинград», гламурно-официозном и малоталантливом, есть одна пронзительная фраза, как будто выплывшая с другого уровня глубины. Немецкий капитан в исполнении Томаса Кречмана замечает: с вами, русскими, невозможно нормально воевать, потому что вы сражаетесь не ради победы, а *ради мести*. Стреляете в спину и не соблюдаете правил.

Это заставляет задуматься о смысле нынешних военных приготовлений, и прежде всего, о главном козыре режима — ядерном оружии. Если шанса на победу нет, то остается месть как главная цель. Моральное различие в том, что воля к победе диктуется верой, надеждой, любовью, а месть — только ненавистью. В эпоху Второй мировой войны было ясно, во имя чего стоит умирать, хотя и тогда ненависть к врагам все-таки преобладала над любовью к социалистическому отечеству. Что же говорить о нашем времени! Во имени какой любви ведется эта война? К донецким и луганским? К кооперативу «Озеро» и его учредителю? Или единственная цель этой войны — месть более свободным, предприимчивым, удачливым, тем, у кого есть история, право, наука, техника, прорывы в будущее? И месть «братской Украине», которая хочет стать частью этой истории?

Порою кажется, что политические термины, такие, как «фашизм», «тоталитаризм», «либерализм», «демократия», взятые из лексикона других стран и эпох, уже прокручиваются вхолостую применительно к послекрымской России. Для описания нынешней ситуации более подходят термины из области психологии, метафизики или даже просто физики. Речь может идти об энтропии, о хаосе, о законах термодинамики, об общей теории систем. А еще точнее — о том, о чем писали Гоголь в «Мертвых душах», Чаадаев в «Философических письмах» (которые подписывал «Некрополь», имея в виду Москву), Чехов в «Человеке в футляре» и в «Унтере Пришибееве», Платонов в «Котловане» и «Чевенгуре» (где есть образ «мертвого брата», соприсущего человеку). Общее у всех этих произведений — представление о России как о царстве смерти, где немногие, оставшиеся в живых, отчаянно пытаются спасти себя и ближних...

Напрашивается термин *танатализация* (от *thanatos*, греческий бог, олицетворяющий смерть) — усиление инстинкта смерти в обществе, его преобладание над инстинктом любви (эросом). Танатализация общества проявляется в его милитаризации, культе силы и оружия, умножении всяких запретов, росте цензуры, в страхе перед всем живым, ярким, самостоятельным, в ненависти к свободе и стремлении все уравнивать и стабилизировать.³

---

³ Недаром одним из самых заметных неологизмов-жаргонизмов еще в конце 2010-х гг. стало «стабилизец».

От совка к бобку

Говорят, что мертвые хватают живых; и чем ближе они к могиле, тем сильнее хватка. «Мертвая рука» — это не только система автоматического ядерного удара, это антиистория, это сила, которая тащит живых в царство мертвых. Умиравшая империя, уходя, готова громко хлопнуть крышкой гроба.

Март 2015

IV. НАРОД И ДУША

О народном двоедушии

На что рассчитывает российская власть: на доверчивость народа или на его подлость?

Кажется, на доверчивость, потому что всеми средствами пропаганды создает образ врага: гейропа, пиндостан и их подпевалы, укрофашисты. Россия остается чуть ли не единственной страной, защищающей высокую мораль и идеалы против разлившегося Запада.

Но власть делает ставку и на подлость, потому что грозит всему миру ядерным испепелением, отнимает территорию у братского народа, подрывает систему международного права, злорадствует над иноземными бедами, травит соотечественников-вольнодумцев и очевидно для всех лжет, лжет, лжет, разжигает злость против всех «ино-» и «инако-». И при этом пользуется возрастающей поддержкой народа.

Как совместить романтическую приподнятость пропаганды — и ее неистовую злобность?

Если вдуматься, подлость и стремление к идеалу не обязательно противоречат друг другу. Есть такие идеалы, которые особенно легко оправдывают подлость и даже подталкивают к ней. Таковы были

коммунистические идеалы равенства и братства, которые не мешали миллионам людей уничтожать своих товарищей и братьев во имя тех же высоких идей. И нельзя сказать, что люди не понимали того, что они делают. Доносительство, предательство, мстительность, грабеж чужой собственности были включены в кодекс государственно одобренного поведения, возведены в социальную норму. Люди верили в высокие идеалы — и вместе с тем не гнушались совершать мелкие подлости, а уж крупные тем более. Чем крупнее подлость, тем легче было ее идейно обосновать. Убить одного человека — это преступление, а сотни и тысячи — это социальная справедливость и историческое возмездие.

Идеалы создаются ценностным разделением: добро — зло, красота — безобразие, истина — ложь, высокое — низкое... Но есть еще одно деление, которое по сути перечеркивает все остальные: свое — чужое. Идеалы родовые, племенные, национальные, а также этнически-религиозные резко делят мир на своих — и чужих; по отношению к последним возможно любое злодейство, выступающее как доблесть и добродетель. Патриотизм — идеологическая мастерская таких идеалов, которые легко совместимы с аморализмом во всем, что не касается собственно «своих».

Часто идейность и подлость соотносятся как цели (благие) и средства (любые). Если есть *благоглупость*, т. е. глупость с благими намерениями, то почему бы не быть и *благоподлостью*? Можно ли убивать, предавать, кощунствовать с благими намерениями? Очевидно, можно, и диапазон примеров очень широк:

от Великого Инквизитора у Ф. Достоевского до Павлика Морозова в советской агитграфии. Великий Инквизитор во имя блага людей, их сытости и довольства, отнимает у них тяжелый, мучительный дар свободы. Павлик Морозов, как и тысячи «настоящих советских людей», повинуюсь внушенным ему представлениям об общественном благе, доносит властям на своего отца. Подлость принимается или выдается за нечто благотворное. «подлость во спасение» (как бывает «ложь во спасение»). На благоподлости была построена — вполне гласно, официально — вся мораль той эпохи. Сам Ленин учил: «для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата... Для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров».¹ Это означает на практике, как у Э. Багрицкого: «Но если он скажет: “Солги”, — солги. / Но если он скажет: “Убей”, — убей» («ТВС», 1929).

Помимо благоподлости, сознательно связывающей высочайшие цели с низкопробными средствами, есть и более распространенный тип двойственного поведения, который такой связи даже и не требует. В «Идиоте» Достоевского рассказывается о двух крестьянах-товарищах. Одному приглянулись серебряные часы другого, и он решил их присвоить, а чтобы не расстраивать приятеля кражей, попросту его убить. Но душа его при этом жаждала высокого, и он от всего сердца помолился Богу, заранее попросил у него про-

---

¹ «Задачи союзов молодежи» (1920).

щения, а затем, исполнившись истинно христианского духа, топором порешил товарища и часы взял себе. Как совместить эту молитву и убийство? Набожный убийца действует сразу по обоим побуждениям, даже не пытаясь их как-то соотнести. «Уж до того верует, что и людей режет по молитве», — хохочет Рогожин в ответ на эту историю, рассказанную Мышкиным. Классический пример двоедушия: человек следует двум несовместимым принципам, даже не задумываясь о том, что здесь может быть проблема выбора.

Одним из первых эту поразительную черту народного двоедушия подметил А. Пушкин. В повести «Дубровский» Архип-кузнец поджигает барское поместье, ничуть не жалея гибнущих там людей, — и вместе с тем, с опасностью для жизни, влезает на горящие балки и спасает кошку.

«Стекла трещали, сыпались, пылающие бревны стали падать, раздался жалобный вопль и крики: “горим, помогите, помогите”... Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит. — Как не так, — отвечал кузнец...

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть... Мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние. — Чему смеетесь, бесенята, — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь — божия тварь погибает, а вы с дуру радуетесь — и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою...»

Нельзя не заметить пушкинской иронии по отношению к «набожному» Архипу, который людей

сжигает, а кошку спасает из огня. Архип не двуличен, не кривит душой. Он двоедушен. Срединная часть души, собственно человеческая, выпала, — или скорее еще не народилась. Это примитивный дуализм, когда человек ведом двумя импульсами, не отдавая себе отчета в их несовместимости. Там, где в душе должно быть целое, образуется расщелина.

2.

Философ Сергей Аскольдов, размышляя в 1918 г. о причинах русской революции, описывает третье, недостающее начало в народной душе как собственно человеческое:

«В составе же всякой души есть начало *святое*, специфически *человеческое* и *звериное*. Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала *святое* и *звериное*».²

Эта странная нравственная развинченность, расхлябанность души была подмечена Достоевским, точнее, его «подпольным человеком», как характернейшая черта соотечественников, не только из народа, но и образованных классов. В «Записках из подполья» противопоставляются два типа

---

² С. А. Аскольдов. Религиозный смысл русской революции (1918). В кн. Вехи. Из глубины. М., изд. «Правда», 1991, СС. 225, 230.

романтиков: европейские и русские. Европейский романтик устремлен в надзвездные выси и уже ничего другого не видит вокруг себя, душа его парит высоко. Русский же романтик спокойно может вести себя преподлейшим образом, — и на высоте его идеалов это никак не скажется. Он даже любит совмещать одно с другим, не делая никаких усилий, чтобы их опосредовать.

«Широкий человек наш романтик и первейший плут из всех наших плутов... <...> Многосторонность необыкновенная! И какая способность к самым противоречивейшим ощущениям! ... Оттого-то у нас так и много “широких натур”, которые даже при самом последнем падении никогда не теряют своего идеала; и хоть и пальцем не пошевелят для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные... Только между нами самый отъявленный подлец может быть совершенно и даже возвышенно честен в душе, в то же время насколько не переставая быть подлецом».

Можно назвать это инфантилизмом, нравственной незрелостью. З. Фрейд находил ее в личности самого Достоевского, в глубинных традициях русской «психеи»: совершать преступления — искренно каяться в них — и совершать новые. Двигаться по кругу, не восходя на ступень сознательного душевного роста:

«Кто попеременно то грешит, то раскаиваясь, ставит себе высокие нравственные цели, — того легко упрекнуть в том, что он слишком удобно для себя строит свою жизнь... Этим он напоминает варваров эпохи переселения народов, варваров, убивавших

и затем каявшихся в этом, — так что покаяние становилось техническим приемом, расчищавшим путь к новым убийствам. Так же поступал Иван Грозный; эта сделка с совестью — характерная русская черта. Достаточно бесславен и конечный итог нравственной борьбы Достоевского. ... Он вынужденно регрессирует к подчинению мирскому и духовному авторитету — к поклонению царю и христианскому Богу, к русскому мелкодушному национализму, — к чему менее значительные умы пришли с гораздо меньшими усилиями, чем он».³

Варварская мораль не исключает идеалов — племенных, патриотических, религиозных, но вместе с тем допускает любое злодейство и подлость по отношению к чужим. Это резко двуполярное деление мира на «своих» и «чужих» и есть признак варварства, которое не знает промежуточной, цивилизованной зоны, собственно человеческой. Под варварством я в данном случае имею в виду не историческую, а нравственную ступень, на которой может находиться как индивид, так и целое общество. У такого общества есть свои идеалы и свои пороки, но между ними отсутствует связующее звено, а именно работа *совести*. Одна душа, «святая», не со-ведует другой, «звериной».

Это даже нельзя назвать криводушием, когда что-то скрывают от других или от себя. Такая двойственность по-своему прямодушна — душа движется по двум прямым, которые как будто ничего не ведают друг о друге. Это «евклидова» мораль: параллельные не пересекаются.

---

³ <http://www.vehi.net/dostoevsky/freid.html>

3.

В России чем глубже пропасть между идеалом и фактом, тем больше она импонирует массе. Пропаганда лжет настолько лихо и нагло, что почти откровенно, — в расчете, что народу даже и ложь понравится, если она «наша», нам льстящая, а их «уделяющая». Такую «правильную», «патриотическую» ложь встречают даже с особым воодушевлением. «Распятый мальчик на площади» — это круто, вот молодцы! Наглость обмана и оправданное им кровопролитие как бы служат гарантией того, что лгущий — свой, до гробовой доски, поскольку он теперь повязан ложью и кровью. Боязливая ложь может уклоняться от истины на несколько градусов, ложь посмелее — на прямой угол, а совсем отважная — на 180 градусов, т. е. прямо обратна истине.

Давайте оценим степень этой отваги на самых авторитетных примерах.

«Люди в разных странах, на разных континентах должны помнить, что уверенность в собственной исключительности и попытки любыми средствами реализовать геополитические цели, пренебрегая нормами международного права, могут привести к страшным последствиям» (14. 10.2014).⁴

«Другие государства открыто заявляют о своих геополитических претензиях, не останавливаются перед открытым вмешательством во внутренние дела независимых государств» (21.1.2015).⁵

---

⁴ <http://lenta.ru/news/2014/10/14/putin2/>

⁵ <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1477994-echo/>

Кто это говорит, отстаивая интересы международного правопорядка против геополитических претензий и вмешательства во внутренние дела независимых государств? Генсек ООН? Президент США? Римский Папа? Либеральная европейская пресса? Нет, это говорит президент той самой страны, которая под его руководством присоединила к себе часть другого государства и ведет войну на его территории, нарушив международные договоры и сломав систему безопасности, которая семьдесят лет укреплялась в Европе и обеспечивала ей мир.

Как расценить мораль и психику человека, который вещает не просто ложь, но антиистину, с поворотом ровно на 180 градусов? Обвиняет других именно в том, что в этот момент делает сам на глазах у всего мира? Такое «обратность», без отклонения хотя бы на один градус, не может быть случайной и не предназначена вводить в заблуждение: она рассчитана со снайперской точностью. А цель, очевидно, простая: продемонстрировать глубочайшее презрение ко всему миру — и тем самым расположить к себе соотечественников. Чем? Да именно дерзостью и бесшабашностью лжи — как пощечиной наотмашь. Чего уж там трусить и кривить душой! Пусть западные лгут украдкой, вполсилы, делая вид, что у них еще осталась совесть. Нам терять нечего, мы идем напрямик: в бою — против врага, в лжи — против истины.

Власть бравирует обманом как удалью, подмигивая массам и встречая их поощряющий прищур. Дескать, понимаем, сами такие. Обойтись без лжи

вроде даже неприлично — люди решат, что ты их не уважаешь, если, вовлекая в подлое дело, не вызываешь при этом к их добрым чувствам. Все понимают, кто напал, кто украл, но при этом нельзя обойтись без призывов к честности и справедливости. Чем разнuzданнее действия, тем пристойнее должны быть мотивы и лозунги. Власть не станут уважать, если она просто призовет к экспансии; а вот если власть скажет, что мы защищаем мир от хунты и фашистов, но при этом подмигнет нам, как сообщникам, — значит, нас уважают, и мы в ответ ее уважаем. Если нам протрубили все уши, какие мы благородные и духовные, а одновременно толкают на разбой и дают понять, что между моралью и бытием есть зазор и иначе быть не может, в реальном мире живем, — то это нам в самое большое удовольствие, потому что мы и морально высоки, и геополитически побеждаем, а значит, в двойном выигрыше.

Конечно, нельзя одни и те же свойства приписывать всему народу. Перефразируя Ларошфуко, можно сказать, что ни один народ не отличается так от других, как временами от самого себя. У народа есть совесть, и есть люди, ее олицетворяющие. Но почти во все времена власть поощряла худшее в обществе, то, что укрепляло ее господство. Пропаганда столь груба и истерична и не стесняется подделок потому, что знает: именно это и оценят массы, которые любят лукавство и игры с Лукавым. Так уж испокон веков повелось на Руси: раскол между ритуалом и поведением. Мораль должна быть заоблачной, вербальные обряды соблюдены — и тогда всё позволено.

Подлость не столько в низком поведении, сколько в праве на полную его нестыковку со словами и даже обратность им. Вот где воистину широк человек — а попробуй его сузить, если он раскинулся на седьмой части земли, да и она ему тесна, подавай шире.

Следует отметить разницу между двоемыслием советской эпохи и двоедушием нынешней. Тогда двоемыслие принимало форму раздвоенности целей и средств. Нельзя чистенькими ручками создавать общество будущего — приходится пачкаться в грязи и крови, но мысль обращается к высокому и безупречному будущему, и мы — ведущие и знаменосцы всего человечества. Сейчас ни о будущем, ни о прогрессе, ни о человечестве, ни о каких-либо других универсалиях речь не идет, поскольку никакая мысль, даже в форме двоемыслия, не востребована. У советского человека порой еще возникал внутренний конфликт между идеалом и бытием, сейчас это сглажено, поскольку нет никакого разрыва между будущим и настоящим, между целями и средствами. Бесцельная война, без идеалов, без будущего — война как состояние проголодавшегося государственного организма, ищущего удобоваримой пищи.

И в народе все проходит под знаком *удобоверия* — когда любые внутренние конфликты решаются не драматически, не трагически («наступить на горло собственной песне»), а поиском наибольшего комфорта. Веришь в то, во что удобнее всего верить. Ведь недаром начало нынешнего века общество провело под знаком гламура, глянцевого бесконфликтности, и теперь ее уроки применяются к ситуации

прямо противоположной, не благополучно-сытой, а предельно тревожной, чреватой лишениями и жертвами. Новейшая пропаганда все равно настроена на гламур — это большой шаг вперед по сравнению даже с «оптимистической трагедией» советской эпохи. Тогда все-таки была трагедия, разрыв с прошлым, жертвы в настоящем — и вера в будущее. Сейчас нет разрыва времен, нет ни трагедии, ни оптимизма, есть некое подвешенное состояние, в котором всем хочется расслабиться и получать удовольствие. Это и есть удобоверие как стремление к максимальному душевному комфорту даже тогда, когда внешние обстоятельства не дают для этого оснований.

Для некоторых наибольший комфорт сопряжен, напротив, с полным недоверием. Но это тоже удобная позиция, так сказать, гламурной чернухи. Недавно мне написал один студент из Петербурга, проходивший стажировку в британском университете, владеющий английским и, по отзывам моих коллег, вполне развитый, мыслящий, любознательный. Он прочитал мою статью «Кризис — это суд. Над собой» и не понял, за что России себя судить. «Что же мы сделали плохого и в чём нам нужно оправдываться перед “международным сообществом”, которое даже не народ и не народы, а всего лишь узкая плёнка “элиты”, покрывшая собой весь бесконечный океан человечества и от его имени дерзающая провозглашать истины?» Я послал ему ссылки на ряд публикаций, с фактами и мнениями, отличными от официальной телепропаганды. На что он мне ответил с заметным раздражением, что не доверяет ни российской, ни западной

прессе, а поэтому предпочитает оставаться в области философии и искусства.

Вот такая грустная история, типичная для времени «кризисного гламура». Человеку удобно ни во что не верить, а пребывать над схваткой, зажмурясь и затыкая уши. Удобноеверие по сути мало чем отличается от удобоверия — это все та же позиция безразличия к истине и исторического сомнамбулизма. От двоедушия до малодушия — один только шаг.

Народ у Пушкина

Сквозь множество современных фактов проступает простая схема:

1. Правитель ограбил свой народ, разложив миллиарды по карманам друзей.

2. Правитель ведет народ на войну, чтобы сохранить награбленное и остаться у власти.

3. Правитель рассорил свой народ со всем миром и готовится дорого продать свою власть — ценой ядерной войны, а значит, и возможной гибели и своего народа, и всего человечества.

4. Народ ликует, славит правителя и желает ему править до самой смерти (своей).

И все это ради чего? Неужели только для того, чтобы всем стали, наконец, понятны строки народного поэта А. Пушкина?

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!...

... Душе противны вы, как гробы.

Для вашей глупости и злобы

Имели вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры...

(«Поэт и толпа»)

Раньше воспринималось это по-школьному, как прекраснодушная риторика, обличение «светской

черни». «Печной горшок тебе дороже» — это что, о придворной знати? Не доходило до ума и сердца. И вот наконец дошло. Так просто! И жутко. Когда громогласно раздается слово «народ», мне становится страшно за личность, за культуру...

Вообще «народ» вызывает у Пушкина, как правило, чувства горечи и презрения. Нет в русской литературе никого, более чуждого народопоклонству (пожалуй, кроме В. Набокова).

От Пушкина, конечно, не стоит ожидать абсолютной логической последовательности в обращении к понятию «народа». Порой ссылаются и на такие стихи, где «народ» звучит сочувственно и возвышенно:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Эти строки часто цитируются для демонстрации «народности» Пушкина — но вне контекста, а он-то все и решает. Стихотворение «К Н. Я. Плюсковой» (1819) восхваляет императрицу Елизавету (супругу Александра I) и обращено к ее фрейлине. Пушкин славит красоту и добродетель императрицы и утверждает, что в своей похвале он не одинок, а выступает от имени всего русского народа, который якобы восхищается Елизаветой. Иными словами, «эхо русского народа» в данном стихотворении — это по сути не более чем льстивая риторическая завитушка, комплимент царствующей особе.

Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел...
Я пел на троне добродетель

Народ и душа

С ее приветною красой.
... И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Ну а как же «народная тропа» — пушкинское завещание?

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

... И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Но в самом ли деле «быть любезным народу» означает высшую самооценку в устах Пушкина? Слово «любезен» вызывает сомнение. Державин иронически писал: «Поэзия тебе любезна, Приятна, сладостна, полезна, Как летом вкусный лимонад». Но главное, что «чувства добрые», «свободу» и «милость» Пушкин вовсе не считал смыслом и целью поэзии. «Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело. Господи Исуси! какое дело поэту до добродетели и порока?»¹

По мысли М. Гершензона, автора самых глубоких книг о мирозерцании Пушкина («Мудрость Пушкина», «Гольфстрем»), «Пушкин в 4-й строфе говорит не от своего лица, — напротив, он излагает чужое мнение — мнение о себе народа. Эта строфа —

---

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 550.

не самооценка поэта, а изложение той оценки, которую он предвидит себе».

Тогда уясняется, наконец, и смысл последней, 5-й строфы, которая представляет собой антитезу предыдущей:

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

«Откуда вдруг этот глупец?», — удивлялся В. Вересаев, наивно веровавший в «любовь Пушкина к народу». — «Загадочная, волнующая свою непонятностью строфа, совершенно не увязывающаяся со всем строем предыдущих строф».²

В том и дело, что рассуждающий так человек, восхваляющий Пушкина за его служение народу, есть глупец. Гершензон отвечает на это недоумение, проясняя свою трактовку прямой речью от лица Пушкина. «Пушкин говорит: “Знаю, что мое имя переживет меня; мои писания надолго обеспечивают мне славу. Но что будет гласить эта слава? Увы! Она будет трубным гласом разглашать в мире клевету о моем творчестве и о поэзии вообще. Потомство будет чтить память обо мне не за то подлинно-ценное, что есть в моих писаниях, и что я один знаю в них, а за их мнимую и жалкую полезность для обиходных нужд, для грубых потребностей толпы.”»³

---

² В. В. Вересаев. Загадочный Пушкин. М., 1999, С. 254.

³ Михаил Гершензон. Избранное. Т. 1. Москва-Иерусалим: Gesharim, 2000, с. 39.

Можно, конечно, примкнуть к канонической, «школьной» трактовке: Пушкин воспевал добро, свободу и милосердие и в этом видел залог своего бессмертия в памяти народной. Но что-то останавливало не только М. Гершензона. Трудно не довериться эстетическому чутью В. Набокова, и не только как писателя, но и исследователя, автора четырехтомного комментария к «Онегину» (опять-таки, лучшего во всей пушкиниане). В. Набоков пишет о «Памятнике»:

«В 1836 г. в одном из изящнейших произведений русской литературы Пушкин пародирует Державина — строфу за строфой — точно в такой же стихотворной манере. Первые четыре строфы написаны с иронической интонацией, но под маской высшего фиглярства Пушкин тайком протаскивает собственную правду. Как заметил Бурцев около тридцати лет назад в работе, которую я теперь не могу отыскать, следовало бы поставить эти строфы в кавычки. В последнем пушкинском четверостишии звучит печальный голос художника, отрекающегося от предыдущего подражания державинскому хвостовству. А последний стих, хоть и обращенный якобы к критикам, лукаво напоминает, что о своем бессмертии объявляют лишь одни глупцы».⁴

Более того, еще задолго до своего комментария к «Евгению Онегину», в своем переводе пушкинского *Exegi Monumentum* 1943 г. (вошедшего в его книгу *Three Russian poets*, 1944), Набоков даже радикализировал гершензоновскую трактовку, причем

---

⁴ Комментарий к сороковой строфе второй главы «Евгения Онегина».

не прибегая к дополнительным словам, выразив свое суждение знаками препинания. Не только 4-я строфа («И долго буду тем любезен я народу...»), но *все* строфы «Памятника», кроме последней, пятой, заключены в набоковском переводе в кавычки, указывая, что это не прямая речь Пушкина, а некий чуждый голос, грядущий «глас народа», которому поэт отвечает, уже от своего имени, в пятой строфе.

Народ в представлении Пушкина — это глупость, злоба, бесчестие, душевная окаменелость, но прежде всего — рабство.

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.
(«Свободы сеятель пустынный...»)

Точно так и выходит, как у Пушкина. На двести лет вперед предсказал. Рабство передается по наследству, «из рода в роды». Сначала пасомых стригут. Потом режут. А в ответ — гремят послушные гремушки, стада ликуют и просят еще — ярма, бичей.

Гиперсемиты и другие

Недавно, в связи с какими-то моими размышлениями о русской культуре, я получил такую отповедь в комментариях к ЖЖ: «Ох уж эти эпштейны и рабиновичи! Нет им покоя в усовершенствовании чужой жизни! Нет бы научились сначала быть действительно эпштейнами и рабиновичами!... Нам нельзя заниматься чужими делами».

Поначалу решил, что это ласковые предупреждения антисемитов — но оказывается, отповедь пришла из Израиля. Не вмешивайтесь в ИХ, российские дела. Вот и вся отличие от антисемитов. А по сути — та же самая черта оседлости, только охраняемая не извне, а изнутри. Не выпускать «своих» из местечка. Пусть Эпштейны кучкуются среди Рабиновичей и не лезут ни к Ивановым, ни к Джонсонам!

Таких людей, которые держат своих соплеменников за фалды или пейсы и не пушают, я бы назвал гиперсемитами. Это семиты, которые строят черту оседлости изнутри. Приставка «гипер», как известно, означает и усиление — и подделку. «Гипертония» — повышенное кровяное давление. «Гипертрофия» — односторонний болезненный рост. «Гиперинфляция» — быстрый рост товарных цен и денежной массы, который ведет к резкому

обесцениванию валютной единицы. Там, где *гипер*, там слишком много всего — и ничего хорошего.

Вот и *гиперсемитизм* — это такое раздувание еврейства, которое обессиливает его изнутри, превращает в местечковость, туземность, этнографию. Гиперсемиты бдительно охраняют черту оседлости и действуют, вольно или невольно, заодно с антисемитами, которые сторожат ее извне. Любой еврей, выходящий за пределы своей этничности, раньше или позже почувствует на себе этот контролирующий взгляд: назад! куда высунулся?! Они сами «осели» и других осаживают. О чем бы они ни говорили: о физике или литературе — они говорят только о евреях-физиках, евреях-писателях, ничего, кроме этничности, их не волнует, и любой разговор с ними сразу скисает, сморщивается до национального вопроса.

Сколько разговоров о национальных корнях — и кто бы хоть раз, в разговоре о почве и нации, упомянул о кронах! Представьте себе дерево, настолько искривленное, что всей тяжестью своей кроны оно устремляется обратно к корням и вырастает в них, вместо того, чтобы подниматься в небо. Вот это согнутое в дугу дерево и являет собой образ «цветущего» национализма. Он простирает руки, обнимающие свой народ, лишь для того, чтобы врасти в него ногтями и кистями.

Между тем евреям больше всего подобает гордиться своей всемирностью, как, впрочем, и русским, по мысли Достоевского: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное.

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». В этом всемирном призвании совпадают русские, евреи, русские евреи, да и все ищущие люди всех наций. Настоящая черта оседлости проходит не между русским и евреями, а между теми, кто хочет из своего этнического заповедника вырваться, — и теми, кто хочет в нем навсегда остаться. В этом смысле антисемиты и гиперсемиты — по одну сторону, а те, кого они не любят и не «пуцают», — по другую.

Такие «гипер» есть среди разных наций. Мне известны «гиперамериканцы», которые выступают не только против иммиграции и вмешательства в чужие дела, но и против изучения иностранных языков в Америке. Во всем мире уже и так говорят по-английски — зачем нам их языки! А кто хочет, пусть уезжает из Америки и там изучает. Есть гиперфранцузы, гиперкитайцы, гиперяпонцы. Это позиция не столько национализма («мы лучшие»), сколько изоляционизма («мы особые»). Нечего нам соваться в дела других народов — и пусть они к нам не суются. Можно понять реакцию такого этнического эгоцентризма против политики «пролетарского интернационализма» и «рыночного глобализма», проводившейся сверхдержавами. Но любая замкнутость ведет к загниванию, к генетическому вырождению культуры, которая в условиях замкнутости обречена на инцест, на воспроизведение близкородственных генов. Много ли творчески нового произвела Московская Русь

Михаил ЭПШТЕЙН. От совка к бобку

в условиях многовековой изоляции, прерванной только реформами Петра I? И какими открытиями обогатила человечество Северная Корея, живущая по законам чучхэ? Для рода самозамкнутость чревата биологическим инцестом, а для народа — культурным.

2012

Сеанс черной магии. Томас Манн и Russia Today

У Томаса Манна есть новелла «Марио и волшебник», которую полезно вспомнить сегодня, ибо она рассказывает, как изощренными фокусами можно гипнотически подчинить жаждущую зрелищ толпу. Новелла написана в 1929 г., когда Италия, ведомая Муссолини, уже вставала с колен, мечтая возродить мощь и славу Римской империи, а Гитлер «зажигал» в Германии, поднимая с колен немцев, оскорбленных печальными итогами Первой Мировой и Версальским миром. Т. Манн пытается понять, как действует это расчетливое душеедство на целые народы, обещая им величие и обрекая на историческую катастрофу.

Волшебника зовут Чиполла; этот бродячий фокусник появляется в итальянском курортном городке под конец сезона. «Мужчина неопределенного возраста ... с резко очерченным, осунувшимся лицом, колючими глазами, поджатым морщинистым ртом ... он был одет в элегантный, но причудливый вечерний костюм». Чиполла — горбун, но он сполна компенсирует свой комплекс неполноценности, поработав зал неотразимыми чарами. Особенно удаются ему арифметические трюки, когда он угадывает сумму чисел, называемых зрителями. Они пишутся на доске,

потом складываются в шестизначную сумму, после чего Чиполла показывает подписанный им лист бумаги с тем же самым заранее вычисленным результатом. Раздаются бурные аплодисменты — такие трюки, благодаря магии точных цифр, пользуются популярностью во все времена, и наше — не исключение. Повествователь меланхолически замечает: «... Я не знаю, что, собственно, думала публика ... но в целом было ясно, что Чиполла подбирал себе людей и весь процесс... был направлен к определенной заранее цели ...»

Потом Чиполла угадывает и произносит фразы, которые задумали зрители. Кажется, что время движется в обратном направлении, прошлое задается настоящим. Таково это волшебство: то, что думают и говорят все по наитию, наобум, оказывается подогнанным под заранее известный результат. Зал неистовствует.

Чиполла откровенно глумится над испытуемыми и унижает их; одного юношу он доводит до каталептического состояния и, положив тело затылком и ногами на спинки двух стульев, просто садится на него — выразительная метафора той каталепсии, в которую погружается целая страна, когда правитель опускается на нее своим задом. При этом Чиполла не просто иллюзионист, но патриот, ловко подстраивающий свое ремесло под правильное мировоззрение. Он не упускает случая «мимоходом пристегнуть какое-нибудь патриотическое рассуждение», сближая магию с демагогией. Он защищает честь своего отечества от иностранцев и национал-предателей. «Это

плохие шутки — провоцировать на себя клевету перед интернациональной публикой, которая не только принижает нас самих, но бросает тень на наше правительство и на нашу страну».

Но хотя маг вызывает лишь омерзение, Т. Манн не скрывает, что между ним и публикой возникает загадочная связь, что в основе иллюзии — не просто обман, но глубокая взаимная эмпатия, даже можно сказать, симпсихоз (душевный симбиоз). В чем сила волшебника? Ворожит он — или сам заморожен? Манипулятор — или сомнамбула? Читает ли он мысли зрителей — или сам их внушает? Кто-то из зрителей признается, что сперва хотел назвать одну цифру, но именно в этот миг перед ним просвистел в воздухе хлыст, — и у него слетела с губ другая, та, что оказалась заранее написанной на бумаге. Но и сам Чиполла движется ощупью, «как в трансе, направляемый и влекомый общей тайной волей всего зала».

Создается впечатление, что роли постоянно меняются, что флюиды, как переменный ток, идут в обоих направлениях. И тут Т. Манн подходит к разгадке власти этого бродячего фюрера-фигляра: он составляет одно энергетическое целое с толпой, он послушно заряжается ее волей и вместе с тем деспотически навязывает ей свою. Эти волевые импульсы образуют замкнутый круг, разорвать который практически невозможно.

«Теперь пассивной, воспринимающей, повинующейся стороной является он, собственная его воля выключена, он лишь, выполняет безмолвную, разлитую в воздухе общую волю собравшихся, тогда как до сих

пар лишь он один хотел и повелевал; но Чиполла подчеркивал, что это, по существу, одно и то же. Способность отрешиться от своего «я», стать простым орудием, уверял он, — лишь оборотная сторона способности хотеть и повелевать; это одна и та же способность, властвование и подчинение в совокупности представляют один принцип, одно нерасторжимое единство; кто умеет повиноваться, тот умеет и повелевать и наоборот, одно понятие уже заключено в другом, неразрывно с ним связано, как неразрывно связаны вождь и народ... Но зато напряжение, непомерное, изнуряющее напряжение целиком падает на его долю, руководителя и исполнителя в одном лице, в котором воля становится послушанием, а послушание — волей...»

Как ни страшно в этом признаться, из этой энергетической взаимоподпитки есть лишь два выхода: либо истощение перенапрягшейся воли мага, либо разрыв его контакта с толпой. Просвещение, доводы разума и науки могут оказаться здесь бессильными... Впрочем, сам этот феномен встречается не настолько часто, чтобы возводить его в абсолютную закономерность и исключить другое развитие событий...

Наконец, чародей переходит к кульминации выступления — вызывает на сцену официанта из кофейни, простого и мечтательного парня Марио, безответно влюбленного в девушку Сильвестру — и заставляет его поверить в то, что он, фокусник, и есть та самая Сильвестра. «Отвратительно было видеть, как обманщик охорашивался, кокетливо вертел кривыми плечами, томно закатывал глаза с набрякшими мешочками и, сладко улыбаясь, скалил выщербленные зубы». Но еще тяжелее было смотреть

на Марио, который под влиянием гипноза проявил свои затаенные чувства, свою безнадежную, «обманом осчастливленную страсть»:

«— Сильвестра! — еле слышно прошептал он, потрясенный.

— Поцелуй, меня! — потребовал горбун. — Поверь, я тебе разрешаю! Я люблю тебя. Вот сюда поцелуй, — и, оттопырив руку, локоть и мизинец, он кончиком указательного пальца показал на свою щеку почти у самого рта. И Марио наклонился и поцеловал его.

В зале наступила мертвая тишина. То была чудовищная и вместе с тем захватывающая минута — минута блаженства Марио. И в эти томительные мгновения... мы воочию увидели всю близость счастья и иллюзии... после жалкого и шутовского прикосновения губ Марио к омерзительной плоти, подставившей себя его ласке...»

Волшебник щелкнул хлыстом, и Марио очнулся. Он стоял, уставившись в пустоту, всем телом подавшись назад и прижимая то одну, то другую руку к своим «оскверненным губам»... А потом под аплодисменты зрителей бросился по лестнице вниз. Чиполла насмешливо пожал плечами, но в этот момент Марио вдруг обернулся, поднял руку, и прозвучали два коротких выстрела. «Чиполла схватился за стул... и через мгновение уже тяжело осел на стуле, голова упала на грудь, а потом и сам он рухнул вниз, да так и остался лежать — неподвижная беспорядочная куча одежды и кривых костей».

Такова власть иллюзии — и ее горькое послевкусие. Всем, зачарованно приникшим к телеэкранам и нашедшим там волшебное марево, как бы оно

ни называлось — «Новороссия», «Евразия», «Мирнаш», — стоило бы вспомнить, к какой святыне они припадают. Все, что остается от таких наваждений, — пустота перед глазами и тошнотворный вкус поцелуя.

Только двое в этой новелле не попадают под власть волшебника или выходят из-под этой власти. Поначалу это сам повествователь: по-писательски трезвый и наблюдательный, он не позволил себя обольстить. А в конце новеллы — это Марио, простой парень, который отвечает выстрелом на оскорбительный трюк. В этом и состоит надежда Т. Манна — что пронциательность художника и чувство достоинства у народа объединятся против власти мага. Необходимы духовное сопротивление и бодрость разума, но должен найтись и такой человек, как Марио, чтобы почти инстинктивно отстоять свою честь. «Страшный, роковой конец. И все же конец, приносящий избавление» — таким заклинанием художника к народу заканчивается новелла. Надежда эта сбылась в Германии и Италии. В России, как мы знаем, произошло иначе...

Булгаковский Воланд, со своим сеансом публичной магии, — это, по сути, позднейшая вариация на тему «Марио и волшебника». М. Булгаков начал работу над романом в том же 1929-м году, когда была написана новелла. Но между Воландом и Чиполла — огромная разница, отчасти определяющая и столь разные судьбы двух тоталитаризмов, советского и европейского. Булгаков романтизирует Сатану, а попутно и демонизирует мастера и его подругу, которые как бы оказываются частью его свиты и обязаны

ему избавлением от власти мелкотравчатой толпы, включающей и литературно-идеологический бомонд. Маг возвышен как сила загадочного, неизбежного и даже благодетельного зла, которое в конечном счете служит добру. Воланд — не просто трюкач, он творец комической фантазмагии, столь остроумной и блистательной, что и автор, и читатели романа оказываются на его стороне — против пошлейшей публики. Воланд обещает «научное» разоблачение фокусов — и хотя не выполняет обещанного, но по сути разоблачает — буквально — своих зрителей, превращая в ничто их бутафорские наряды. Воланд и мастер — оба художники, причем первый — Мастер с большой буквы, творец жизни, а не текстов. Булгаков сводит их, гениев поступка и слова, в заговоре против пошлой реальности и обывательской массы.

Булгаков не единственный из больших художников, свидетелей торжествующей политической магии, кто поддался ее соблазну. У Б. Пастернака тогда же выразилось сходное влечение художника к вождю, который в Кремле ворожит над судьбами всей планеты, так что каждый его поступок оказывается «ростом в шар земной»: «И этим гением поступка /Так поглощен другой, поэт, /Что тяжелеет, словно губка, /Любою из его примет. /Как в этой двухголосной фуге /Он сам ни бесконечно мал, /Он верит в знанье друг о друге /Предельно крайних двух начал». Стихотворение «Мне по душе строптивый норов...» из цикла «Художник» написано в 1935 г., как раз в середине работы Булгакова над романом (1929–1940). Это своего рода поэтическая формула

того, что Булгаков представил в романе как взаимное притяжение Воланда и мастера.

Ничего подобного нет у Т. Манна. Его волшебник — пошлая карикатура, а не загадочный и величественный Сатана, властелин варьете, разоблаченный задолго до своего нового появления у Булгакова. Манн ничуть не романтизирует волшебника, а напротив, представляет как жалкого, хотя и самонадеянного фигляра. «Шевелюра у него была безобразная... прическа старомодного директора цирка, смехотворная, но идущая к его необычному, индивидуальному стилю и носимая с такой самоуверенностью, что, несмотря на ее комичность, публика в зале хранила сдержанное молчание». Это сочетание смешного и страшного, жалкого и жуткого призвано выявить в маге химически чистое зло, без малейшей попытки придать ему очарование. «... Зал этот словно бы явился средоточием всего необычного, жутковатого, взвинченного, чем была, как нам казалось, заряжена атмосфера курорта, и человек, возвращения которого мы ждали, представлялся нам олицетворением всего этого зла...»

Такова глубокая разница в трактовке одной темы между немецким писателем — и лучшими из современных ему советских. Последние наделяют своего отечественного мага чертами исторического величия, как будто заражаясь верой страны в гения, призванного ее спасти и возглавить путь народов Земли в счастливое будущее. Видимо, даже самым закоренелым индивидуалистам не дано выйти из круга архаики, если она до такой степени господствует над обществом, отброшенным магией коллективного бес-

сознательного на века назад. Даже Надежда Мандельштам, острейший критический ум своего времени, признается в «Воспоминаниях»: «Чем сильнее централизация, тем эффектнее чудо. Мы радовались чудесам и принимали их с чистосердечием восточной, а может, даже ассирийской черни». Это чистосердечие, точнее, легкое верие не чуждо было даже проникательнейшим художникам — они тоже обольщались и боготворили. Видели «строптивый норов артиста в силе», чуяли присутствие Сатаны и запах серы, — а тем не менее поддавались его чарам. Что же говорить о других...¹

Не потому ли Россия и сегодня остается в своем XX веке, продолжая зачарованно созерцать новый акт того же сеанса гипноза и черной магии, известный окружающему миру как Russia Today?

---

¹ Я не касаюсь всех сложностей отношения Пастернака и Булгакова к магу всех времен и народов, а также эволюции их взглядов. В частности, было бы поучительно сопоставить «Доктора Живаго» (1945–55) с «Доктором Фаустусом» (1943–47), где Б. Пастернак и Т. Манн размышляют о судьбе двух национальных «магизмов» уже после того, как их исторический масштаб и соизмеримость стали очевидны благодаря Второй Мировой войне. Пастернак проводит явную параллель между недавней и древней историей: «Там было сангвиническое свинство жестоких, оснопу изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработитель. Там была хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн». Повествователь у Т. Манна, доктор философии Цейтблом («цветение времени»), подводит еще более суровый итог: «Наша тысячелетняя история дошла до абсурда, показала себя несостоятельной, давно уже шла она ложным путем, и вот сорвалась в ничто, в отчаяние, в беспремерную катастрофу, в кромешную тьму, где пляшут языки адского пламени...»

Ненависть по долгу и по любви

Кого здесь любят?

Начальников не любят. Холуев презирают. Богатых не любят. Бедных презирают. Сильных уважают, но не любят. Слабых презирают. Шибко умных не любят. Над дураками смеются. Ворами возмущаются. Честным не верят, подозревают подвох. Улыбчивым не верят, чего они скалятся? Плачущим не верят — на жалость берут! Над здоровыми и пекущимися о своем здоровье насмеваются: «здоровенькими помрут». Больным и убогим подают, но не любят: чего они сели на нашу шею!

Вопрос: кого же здесь любят? Неужели «безлюбовная страна»? (М. Цветаева).

Любят мертвых. Вот их хоронят с удовольствием. Надгробные речи, поминки, памятники, музеи. Проводы в мир иной — любимое занятие народа.

Ненависть по любви

А еще здесь любят ненавидеть. В позднюю советскую эпоху ненависть была могучим инструментом политики. Но то была ненависть по долгу, а постепенно она углубилась и теперь перешла в ненависть по любви. Это оксюморонное понятие точно передает

преобладающее состояние души таких публицистов, как А. Проханов, А. Дугин, Д. Киселев, М. Леонтьев, да и подпевающих им поэтов. Если сравнить их с позднесоветскими журналистами-международниками, такими, как В. Зорин, М. Стуруа, Г. Боровик, то разница налицо. Конечно, мир капитализма и империализма и тогда подлежал разоблачению, но в этом не было ничего личного. Наоборот, международники подчеркивали свою личную нейтральность и объективность: они в целом относились к симпатией к «трудолюбивому» американскому народу, да и в отношении к правящим кругам не допускали эмоциональных выпадов. Они работали с идеями и идиомами — «класс», «капитализм», «социализм», «эксплуатация», «неравенство», «гонка вооружений». Отдельные персоны выступали только как примеры-воплощения этого безличного царства идей, не столько даже по Марксу, сколько по Платону: «трудящиеся», «люди доброй воли», «империалисты», «поджигатели войны» и т. п. Ненависть по долгу — это ничего личного, ни со стороны субъекта, ни по отношению к объекту.

Наоборот, ненависть по любви — это пламя, бушующее в крови, это желание испепелить — эмоционально, а по возможности и реально — врагов моей родины, а значит, и моих личных врагов. При этом Обама или Псаки, Порошенко или Яценко, Ходорковский или Навальный, Макаревич или К. Собчак — не просто персонифицируют некие идеи, а становятся объектом личной ненависти. Это чувство столь же жгучее, страстное, как и любовь. Оно изыскивает все

новые подтверждения своей правоты, кристаллизуя образ ненавистного человека из деталей его внешности и поведения («обезьяна из джунглей»), даже из его имени («псакнуть»).

Всяки псаки кровавое любят меню
И России готовят майдана свинью, —
Вся надежда у псак на свинарник писак,
Вдохновлённых враньями свинеющих псак.

Юнна Мориц

По сути, такая ненависть по любви является вывоченной наизнанку любовью, столь же исступленной, как, скажем, одержимость Рогожина Настасьей Филипповной. Если спросить эту массу ненавидящих и проклинающих, что же они любят, они вряд ли смогут ответить, кроме как дежурными фразами о родине. Видимо, здесь любят именно ненавидеть, а ненависть — это тяжелый, изнуряющий труд, и у души не остается сил ни на что другое.

Ненависть — это по сути главный ресурс политического режима, который установился в России с третьим сроком Путина, но достиг кульминации с захватом Крыма. Это *психократия*, режим, который правит не посредством идеологических или экономических рычагов, а путем нагнетания определенных психических состояний в обществе: массовой истерии, паранойи, хоррора, ненависти, страха, зависти, злорадства и т. д. Причем отрицательные эмоции резко преобладают, а ликование и радость выступают в основном в форме злорадства. Разумеется, так было и при тоталитарных режимах XX в., но все-таки

и коммунизм, и фашизм были прежде всего идеократиями, т. е. правили посредством идей, овладевающих и сознанием, и подсознанием масс. Психократия играет с психическим состоянием нации, вычерпывая энергию эмоций, — другого ресурса, ни идейного, ни экономического, у государства уже не осталось.

Самоненависть

Главная трагедия России: за тысячу лет она так и не смогла себя полюбить. Той спокойной, домовитой любовью-заботой, которая и создает домашний уклад. У нее случаются припадочки любви горячечной, неистойвой, которая быстро остывает и сменяется обычной нелюбовью, страхом и раздражением. У Гоголя в «Мертвых душах» видно, насколько он не любит Россию, не любит животное, утробно всех этих Собакевичей, Ноздревых, Плюшкиных и Коробочек, Петрушек и Селифанов, всю это заскорузлую плоть, мертвость, неподвижность, похабность и разухабистость, не любит до тошноты и тоски — и вдруг, как бы в отместку себе за 300 страниц нелюбви раздражается двумя страницами любви припадочной, сумасшедшей, бесовски-одержимой. Так себя настроил, взвинтил, и видно, что и на этих-то страницах он любит не Россию, а свое вдохновение, свою якобы любовь к ней. Даже у Достоевского любовь к России — порывистая, сделанная, а вот сейчас возьму и полюблю, за все воздам, но этого порыва хватает не надолго, это как «миг последних содроганий», а вот ужас, болезнь, тоска — карамазовская,

свидригайловская, ставрогинская — тянется долго и неотступно.

Может быть, Россия слишком велика для любви, нет в ней соразмерности с человеком, который в ней обитает, она для него слишком абстрактна, «не своя». Любят Россию в основном иностранцы: для них она как-то более явственна, поскольку на удалении как бы уменьшается, становится более обозримой и осязаемой (вот и Гоголь и Достоевский любили ее в основном из прекрасного далека). Собственно, русская государственность и двигалась в значительной степени этой иностранной (немецкой, еврейской, грузинской) любовью к России, которая наталкивалась на равнодушие к ней ее коренных обитателей. Но иностранная любовь — это все-таки скорее мечтательность и требовательность, я тебя люблю такой, какой вижу, стань такой, как я хочу. Домовитости и приятия в этой любви не было — было скорее чувство возвышенного и ужасного, смесь восторга и страха.

Россия не любит в себе даже того, чем больше всего гордится, — не любит своего языка, всегда предпочитая насаждать иностранные слова на место своих (и так еще повелось с древности — старославянский, болгарский язык, наполовину вытеснивший русский, потом тюркский, немецкий, французский, сейчас английский). Она именно гордится, прокламирует свою величие, но делает это натужно, как бы спохватившись и взвинтив себя до пафоса, потому что в глубине души не любит себя и стыдится этого. А не любя себя, она не может полюбить и других, у нее

нет опыта любви, который выносишь из отношений с собой и потом распространяешь на других («полюби ближнего как самого себя»). Ее отношение к другим народам — смесь кичливости и зависимости, и чем больше она впадает в зависимость от других, тем больше им дерзит.

Витальность и агрессивность

Витальность часто путают с агрессивностью, но это явления разные, по сути противоположные. Витальность — это полнота жизненных сил, которая ищет свободного проявления. Витальный человек все время наполняет жизнь свою и близких новым содержанием, он что-то строит, доказывает, добивается до истины. Он может вступать в борьбу с другими людьми, но только в том случае, если его энергия превышает инерцию среды и хочет реализоваться как можно полнее, преодолевая внешние преграды. Но главная его борьба — с самим собой, с внутренними преградами, с собственной косностью, унынием, усталостью.

Агрессия — это, напротив, проявление внутренней пустоты. У человека не хватает внутренних побуждений и стимулов действия. Он мертв, но ему хочется быть живым. И тогда он хватается за живых и пытается перелить в себя их энергию. Он начинает их задевать, виснуть на них, потому что ему не на что опереться внутри себя. Он пытается спровоцировать конфликт или сам бесцеремонно вторгается на чужую территорию, потому что на своей ему нечего делать. Там только мусор, запустение, и у него не хватает сил, чтобы привести это в порядок. Можно даже сказать,

что у него не остается внутреннего «я». Он ощущает себя собой только когда пересекает границу и ему начинают кричать: «Ты кто такой? Куда лезешь? Что здесь делаешь?» Тогда он оживляется. Чужое ему нужно не само по себе, а потому что только так, надламывая и калеча других, он высекает из себя искорку жизни, которой нет в нем самом. Агрессия — это когда мертвый хватается живых, чтобы почувствовать вкус жизни. Агрессивность — признак слабой витальности, и поэтому, как правило, все ее завоевания недолговечны. Дело ее не живет, в нем нет плодovitого семени, нет того духа, который живет творческое начинание. Между витальным и агрессивным такая же разница, как между донором и вампиром.

То же самое относится и к странам. Витальная страна прежде всего наводит порядок в самой себе. Она строит, созидает, изобретает. Промышленность, наука, медицина, образование, религиозная и культурная жизнь, язык, финансы, общественные организации — все полнится жизнью, в каждой отрасли действуют свои энтузиасты, открыватели, приводящие мир в движение. Витальная страна сознает свою ответственность перед миром и вмешивается в международные дела, чтобы приструнить зарвавшегося хулигана, погасить скандал, угрожающий миру. Временами она действует неосторожно, не в меру ретиво, даже вопреки собственным интересам. Но ее вмешательство — признак витальности, стремление перелить энергию действия в мировое сообщество. Агрессивная страна, напротив, не может привести в порядок собственные дела, не имеет сил для

созидания, — и тогда, чтобы продлить свое историческое бытие, она начинает теснить другие страны, толкается с ними локтями, грозит, вторгается, — только бы почувствовать себя в истории, которая обходит ее внутреннее пространство.

Признак агрессивности, отличающий ее от витальности, — это быстрое падение в апатию. Поскольку организму не хватает жизненных сил и он форсирует их посредством агрессии, то столь же быстро они истощаются. Апатия — обратная сторона агрессии, и вместе они — симптом опасной болезни-к-смерти, сходной с маниакально-депрессивным психозом.

Пустоводство, или Как делать ничего?

Есть особый вид деятельности, который с трудом поддается описанию. Человек чем-то занят, над чем-то работает не покладая рук, но при этом его деятельность не оставляет никаких следов. И в этом, по большому счету, и состоит ее предназначение.

Следует различать между «ничего не делать» и «делать ничего». Этот вид деятельности большинство людей освоило лучше, чем любой другой. *Ничегоделанье*, в отличие от ничегонеделанья, — это не просто досуг, отдых, убийение времени, это активное заполнение пустотой пространства жизни. Много делается именно так, чтобы действие ни к чему не приводило, — и это создает ощущение порядка, потому что слишком целенаправленная и продуктивная деятельность противоречит духу этих мест, кажется опасной, нарушает покой и чинность.

Например, пресловутые советские очереди, в которых гробилось так много времени, — ведь даже при дефиците товаров можно было продавать их гораздо эффективнее. Но стояние в очереди было почетной обязанностью советского человека, на это уходили триллионы человеко-часов. А потом Россия стала страной охранников — рядовые этой пятимиллионной армии стоят у каждой подворотни, двери и шлагбаума,

у аптек, поликлиник, супермаркетов, редакций и прочих неопасных учреждений. Они создают ощущение ненужности — и своей, и всего того, что призваны охранять. От этих черных неподвижных людей что-то зависает и замедляется в идущих мимо.

Такую деятельность можно назвать разведением пустоты. *Пустоводство* — форма общественной деятельности по наиболее эффективному производству пустоты как главного коллективного продукта. Это вовсе не то же самое, что лень или праздность: это деятельность упорная и трудоемкая, как и все другие «водства», от домоводства до лесоводства. Это не обломовщина, а скорее базаровщина («лихорадка работы»), но результатом ее является пустота. М. Е. Салтыков-Щедрин так описывает условия, сформировавшие Иудушку Головлева:

«проведя более тридцати лет в тусклой атмосфере департамента, он приобрел все привычки и вождения закоренелого чиновника, не допускающего, чтобы хотя одна минута его жизни оставалась свободною от переливания из пустого в порожнее».

После 1917 г. в этом виде производства был достигнут мощный прогресс, пустоводство стало передовой формой коммунистического труда. В СССР господствовала идеология общей, а значит, ничьей собственности, и этот никто был хозяином жизни и ни за что не отвечал. *Делать ничего* было лучше, чем делать что-то или не делать ничего: первое — излишняя активность — воспринималось как проявление индивидуализма («что-то ему больше

всех нужно!»), а второе — как тунеядство и паразитизм. Чтобы пройти между Сциллой и Харибдой, нужно было ухитриться что-то делать — но так ловко, чтобы результатом было ничто. Вспомним «Котлован» и «Чевенгур» Платонова: «Так это не труд — это субботники! — объявил Чепурный. ... А в субботниках никакого производства имущества нету — разве я допущу? — просто себе идет добровольная порча мелкобуржуазного наследства». Растениеводство, садоводство, животноводство становились второстепенной формой деятельности по сравнению с идеологически самым правильным — пустоводством.

В постсоветской России пустоводство достигло новых высот. Американский политический экономист и социолог Николас Эберштадт связывает демографический и цивилизационный кризис страны. В книге «Демографический кризис в России мирного времени», вышедшей в 2010 году,¹ Эберштадт представил российскую ситуацию как катастрофическую. Ожидаемая продолжительность жизни 15-летнего подростка на Гаити выше, чем у россиянина. По этому показателю Россия находится даже не в третьем, а в четвертом мире. Привкус пустоты — депопуляция — ощущается на всем пространстве России. Ее население — самое разреженное в Европе, да и в мире по плотности она на 223 месте из 241. А Сибирь, т. е. три четверти России, на последнем месте в мире: 3 человека на квадратный километр (меньше, чем в Западной Сахаре и Монголии). Пустоту тут можно черпать руками и месить ногами.

---

¹ <http://www.nbr.org/publications/element.aspx?id=446>

Но она не только в физическом, но и в социальном пространстве, а также во времени. Здесь пустота не просто существует как объективная данность, как свойство географического простора, но и производится во все больших количествах. Не строят новых городов и дорог, не создают новых технологий, а только переливают буквально из пустого в порожнее, из нефтезалежей в нефтехранилища, так что труба стала главным символом постсоветской России. Парламент, институты, медиа — те же трубы, только полые, имитация, ведущая к разрастанию пустоты. Экономист Сергей Алексащенко так характеризует работу властей. «Нельзя сказать, что у нас правительство не работает. Вот, как ни начнешь там читать, и такое постановление выпустили, и такое постановление выпустили, такой законопроект, сякой законопроект. Просто кипят! Как я представил всю бюрократию когда-то, 30 тысяч одних курьеров: бумажки туда-сюда, электронную почту, закон... Вот, нельзя сказать, что люди не работают. ... Я со школы помню броуновское движение, когда все бегают-бегают-бегают-бегают, а результирующий вектор равен нулю, то есть процесс не движется».² Власти уже осознали, что опаснее всего — делать нечто реальное: тогда вся эта пустообразующая система расползется, как гнилая ткань.

Точно так же и российское образование не переходит в производство знаний, в развитие науки и техники, в человеческое благосостояние. Например, число международных патентов, выданных патентным бюро

---

² <http://echo.msk.ru/programs/personalno/1568138-echo/>

США изобретателям из России, в пересчете на количество людей с университетским образованием трудоспособного возраста, находится примерно на уровне Либерии. Интеллектуальный потенциал страны не может раскрыться. Николас Эберштадт не находит рационального объяснения этому парадоксу:

«Это некая системная особенность среды, может быть, среды экономической, может быть, политической, я не могу сказать наверняка. Что я могу сказать наверняка, так это то, что, когда россияне оказываются за пределами России, у них сразу же все становится хорошо. Покидая российскую среду, люди начинают процветать. Не знаю, что за проблема находится внутри черного ящика».³

На этот вопрос лучше, чем все экономисты, социологи и политики вместе взятые, отвечает писатель Н. В. Гоголь. В одном из набросков «Мертвых душ» он записывает:

«Идея города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие. ... Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно... Смерть поражает нетрогающийся мир».

Пустоводству есть место и на Западе, где развита система всяких демократических и бюрократических процедур, то, что можно назвать «бюродемократией». Люди собираются, чтобы обсудить какой-то общественный или административный вопрос и совместно его решить. Решить его мог бы один человек, однако,

---

³ <http://www.svoboda.org/content/article/27079761.html>

чтобы соблюсти демократическую процедуру, созывается специально назначенный для этого комитет. Каждый участник изощряется, чтобы выглядеть в глазах коллег самым ответственным, предусмотрительным, и т. д. Поэтому придумываются такие детали, которые могут потребовать дополнительного обсуждения. Например, если речь идет об учебных курсах, предлагаемых в университете на следующий год, то кто-то может предложить консультацию с другими факультетами/отделениями, чтобы обсудить возможность совместного курса, а кто-то предлагает провести опрос студентов, чтобы выявить их интересы, и т. д. По каждому новому пункту может потребоваться создание отдельного комитета, который должен будет отчитываться перед данным комитетом, т. е. происходит размножение административных заданий по ходу их выполнения. Представим корабль-верфь, который плывет — и при этом занят стротельством других кораблей, которые время от времени спускаются на воду и отправляются в самостоятельное плавание... Воздух дискуссии разогревается общественным энтузиазмом, который Щедрин назвал «административным восторгом». Но вскоре даже самым завзятым заседателям становится неуютно при мысли о предстоящих хлопотах, которые они добровольно взваливают на себя, — ибо тот, кто вносит предложение, как правило, назначается ответственным за его реализацию. И тогда к концу собрания, если его ведет благоразумный администратор, всё как-то спускается на тормозах, пузырь рассасывается, все поглядывают на часы и,

под предлогом других обязательств, мгновенно разбегаются, облегченно вздыхая.

В России все эти ритуальные формы общественного поведения оборачивается особенно усиленным пустоводством, поскольку сами формы цивилизации в основном заимствованы у Запада и таким образом оказываются вдвойне формальны. На пустоту самих этих форм накладывается пустота их имитации, «псевдоморфозы», как определил О. Шпенглер российскую послепетровскую цивилизацию. Здесь царят формы форм, идолы идолов...

Однако есть различие не только в количестве, но и в качестве. Бюродемократия, столь развитая на Западе, не столь актуальна в России. Здесь на демократические процедуры не тратят слишком много времени, все решает начальник. Однако пустота — еще более могущественная — возникает на уровне исполнения, когда принятые решения начинают проводиться в жизнь; но они настолько нежизненны и противоречат реальным интересам людей, что исполняются только для видимости. Пустота размножается множеством лиц, становится поистине всенародной. Если на Западе сложно принимать решения, то в России сложно их исполнять. Система управления «бешено буксует», т. е. при большой затрате энергии производит *ничего*, как продукт труда. Решения нейтрализуются взаимодействием энергии начальства и инерции подчиненных. Агрессия верхов умеряется депрессией низов.

2015

Соизмерим ли индивид с историей?

1.

У К. Чуковского есть знаменитая фраза: «В России надо жить долго». Имелось в виду, что тогда можно дожить и до лучших времен. Но, во-первых, продолжительность жизни в России — из самых низких в цивилизованном мире. А во-вторых, лучшие времена даже если и наступают, то быстро сменяются худшими, так что срок жизни нужно постоянно продлевать, чтобы успеть реализоваться в истории, увидеть плод своих усилий. Даже если жить в России сотни лет, например, от Батыея до Сталина, и то нет гарантии, что до чего-то хорошего доживешь. В России надо жить вечно — или вообще в ней не жить, выбрать другую страну.

Но что же делать людям, все-таки живущим в России? Тратить ли время своей единственной жизни, данной для самосознания, творчества, изобретений, на то, чтобы бороться с обществом, которое хочет жесткой власти и неизменности, и надеяться, что ты его хоть чуть-чуть образуеть, перевоспитаешь и успеешь войти в гармонию с ним? Или осознать, что сроки твоей жизни несоизмеримы с темпами здешней истории? Есть такой особый коэффициент —

со-историчность человеческой жизни: насколько ее темп соизмерим с темпами исторических процессов. Может ли человек, посеявший в почву зерно, дожждаться его созревания и плодоношения? Почва в России жесткая, мерзлая, каменистая, и большинство семян гибнет или гниют, так и не дождавшись всхода. Каждый должен сам за себя решать, тратить ли ему свою единственную жизнь на то, чтобы согласовать ее с историческими темпами своей страны, с ритмом ее дыхания.

Америка привлекает людей со всего мира именно тем, что здесь посеянное семя может принести несколько урожаев при жизни одного поколения. Если повезет, можно своими глазами увидеть, как возрастают внуки и правнуки твоих идей, открытий, инициатив, как идея пускается в тройной, четвертной оборот, как последствия ее внедрения приносят новые идеи, которые опять-таки внедряются на твоих глазах. На одну жизнь приходит несколько циклов исторических перемен, и все они имеют один вектор, направлены в будущее. В России целые поколения не успевают дожить до итога своих трудов — или обречены наблюдать их бесплодность. К тому времени, когда плоды поспеют, они окажутся уже не актуальны, как идеи реформ Александра II оказались неактуальны, когда с большевистской революцией началась эпоха второго крепостничества, а идеи диссидентов и либерал-реформаторов 1970–80х гг. оказались смытыми новой волной исторического отлива 2010х гг.

Поэтому для каждого целеустремленного россиянина встает вопрос: замкнуться ли в своей профессии

и/или семье или потратить свою жизнь на ускорение исторического прогресса в обществе, которое движется не просто медленно, но вращательно, то есть постоянно возвращается туда же, где оно было века назад, в свое прошлое. Конечно, без сотрудничества с историей, без *соисторичности*, художник или мыслитель окажется в вакууме, как *brain in a vat*, мозг в колбе. Нельзя творить индивидуально, не подключаясь к творящим силам и возможностям времени, языка, общества, обстоятельств. Какую же долю себя приносить на служение отечеству? России — больше тысячи лет, а индивидуальная жизнь раз в двадцать короче, чем жизнь нации. Поэтому соразмерным даром себя обществу была бы двадцатая часть жизни, 3–4 года, отданных на алтарь отечества. Конечно, легко возбудимые патриоты возмутятся самой постановкой вопроса. Нужно отдавать всего себя и навсегда. «Отчизне посвятим души прекрасные порывы». Но ведь и отчизна посвящает нам не больше одной двадцатой своей далеко не прекрасной истории. Будем справедливы и к ней, и к себе.

2.

Лично я не знаю ни одного человека, переехавшего на Запад, который *пожалел* бы о своей эмиграции из России, хотя допускаю, что таких немало. Но я знаю по крайней мере троих, *вернувшихся* в Россию из эмиграции: писателя, режиссера и филолога. Причем и они не жалеют о том, что в свое время эмигрировали: они приобрели тот опыт западной жизни,

на основе которого приняли последующее решение вернуться — а сейчас, насколько я знаю, обдумывают возможность вторичной эмиграции.

Эмиграцию нельзя считать изменой родине. Это все равно как считать семяизвержение изменой своему организму. В каждом организме, не только биологическом, но и культурном, есть клетки соматические (нервные, костные, мышечные и др.) и клетки половые. То, что по традиции называется эмиграцией, это, в сущности, эякуляция, выброс клеток одной культуры в лоно другой, зачатие новых организмов. Есть эрос культурных притяжений, информационных фрикций, пронзительная острота языковых и интеллектуальных переживаний в зоне контакта между культурами. В XX веке происходит, так сказать, сексуальная революция в жизни культур: вместо прежней замкнутости, однородности — бурные встречи, пересечения, смешения, оплодотворения. Т. н. эмигранты не просто «в послании», они — в соитии и зачатии, как клетки, которые одна страна выбрасывает из себя, чтобы зачать новую жизнь в лоне другой. То, что называется диаспорой, — это способ взаимопознания и взаимопроникновения разных организмов: двойная жизнь, на пороге которой мы бьемся, любовная лихорадка двух культур, судороги их счастья или, в случае неудачи, боль их несовместимости.

Конечно, страх эмиграции понятен. Но есть и другой страх — не прожить свою единственную жизнь, упустить шанс самореализации. Россия может искать себя на путях к цивилизации еще десятки или

Народ и душа

сотни лет, а у человека — другой отсчет времени. Он не может позволить себе ждать так долго, как целая страна. Этим главным страхом — страхом не стать собой — и стоит руководствоваться при выборе: ехать или остаться.

Музыка истории

Не так давно я слышал 10-ую симфонию Д. Шостаковича в исполнении оркестра Ю. Темирканова. Записал свои впечатления — и забыл. Вспомнил только сейчас — в связи с убийством Бориса Немцова...

Все происходящее в России в последний год я воспринимал сначала как политическую историю, ряд тревожных событий. Потом стал проступать метафизический подтекст: судьбы страны, Европы, человечества. И вот сейчас раскрылся третий уровень — история приобрела музыкальное наполнение, оказавшееся на мой слух созвучным 10-й симфонии (1953 г.). В этой симфонии я услышал XX век, каким его ощущаю. В литературе, хотя она и намного мне ближе, я не знаю такого воплощения времени. Может быть, если слить воедино «12» Блока, «Tristia» Мандельштама, фрагменты из «Чевенгура» Платонова и «Архипелага Гулага» Солженицына, то начинает слышаться переключка с музыкой Шостаковича.

Я бы так и назвал эту симфонию — «XX век». Или даже точнее — «История». Есть такое выражение — «воля истории». Увидеть эту волю нельзя, можно только пережить ее изнутри, ритмически, мускульно, кинестезически, как сокращение и растяжение мышц, готовящихся к удару, натиску. Эта мысль о родстве

воли и музыки не нова — ее высказывал еще А. Шопенгауэр. Она отозвалась у Р. Вагнера, а впоследствии у А. Блока: «всем сердцем, всем сознанием слушайте музыку революции». Обычно этот клич воспринимается как метафора — какая там еще музыка! Но Шостакович, действительно, услышал музыку революции и террора, исступленного времени, выходящего из берегов. «В ком сердце есть — тот должен слышать, время, Как твой корабль ко дну идет» (О. Мандельштам). В этом смысле 10-ую симфонию можно назвать глубинно исторической.

Я нигде не чувствовал так сильно, как у Шостаковича, ритм истории, ее музыкальную субстанцию. У других великих композиторов слышишь движения человеческих сердец, кипение страстей, рождение, старение и смерть, монолог могучего духа, титанические порывы, смену времен года, природные катаклизмы, множество настроений — от ликования до скорби, пульсацию космоса, волшебное преобразование мира... Но только у Шостаковича начинаешь понимать, как звучит сама история. В XX веке она обрела свою поступь, рваный, но вместе с тем настойчивый, непреклонный ритм. История — это уже не деяния отдельных личностей и не циклическая жизнь природы с ее расцветом и увяданием, а ритм каких-то невидимых процессов, вовлекающих массы людей, но при этом не поддающихся контролю.

Симфония начинается низким тянущим звуком, который звучит долго, глухо, как будто исходит из подземелья. Это самая общая тональность времени — депрессия, угнетенность. Потом из этого

контура начинают вырываться отдельные темы. Что-то журчит, тянется к небу, пробуждается к солнцу — то ли ручеек, то ли растение, то ли юность. Но в ответ раздаются отдаленные шаги, становятся все громче, все оглушительнее. Кажется, мечутся люди, слышится стрельба. Гул нарастает. Время подкрадывается к тебе с разных сторон, то замирая, то вновь озвучиваясь, перекликаясь дальними отголосками, как армия, идущая на штурм и проверяющая связь своих подразделений. Упругой походкой и дробными перебежками... Окружают, готовятся к приступу... От грохота этих шагов некуда деться, и от тонкой, нежной мелодии не остается почти ничего. Она тянется, как тончающая нить, но рвется опять и опять.

А голос времени все нарастает, и наряду с жесткими, суровыми интонациями в нем порой проskalъзывает что-то гротескное, не столько даже злая, сколько веселая издевка, — язвительные подголоски, радостные, глумливые, злорадные. Восходящие силы истории настолько уверены в своем торжестве, что могут позволить себе погримасничать, поерничать.

Непреклонность времени передается в постоянных звуковых накатах и откатах. Если бы движение шло только по нарастающей, оно перестало бы восприниматься, ушло бы из слухового диапазона. А так создается ощущение недолгого отступления времени — как будто нам удалось спрятаться, пролезть в еще одну тесную щель и забиться поглубже. Грохот стихает в отдалении. Опять пробивается мелкая капель, журчание, близкие звуки, из которых проклеваются лирические ростки, переливы

флейты. Но эта передышка лишь оттеняет новый грохот, нарастающий вдали и подступающий все ближе, — вкрадчивыми, почти нежными прыжками, какими упругий хищник приближается к своей жертве.

Литература и особенно живопись передают зрительные впечатления, образ тех или иных исторических событий. Но история — это не ряд сменяющихся картин. Ее волевой напор, внутренний ритм может выразить только музыка. Когда человек чувствует свободу или спертость своего дыхания, когда у него ускоряется или замедляется пульс, когда он ощущает вместе с другими биение общего сердца, — он вступает в область сил, творящих историю.

И вот это снова происходит сегодня. Страх, смерть, трагедия, катастрофа, беспомощность всего живого и личного... Все это бледные слова, а выразить историю может только музыка, и 10-я симфония теперь звучит во мне как реквием по человеку, которого хоронят сегодня.

3 марта 2015

Как выжить, низвергаясь в Мальмстрем?

... В ком сердце есть — тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

О. Мандельштам

У Эдгара По есть рассказ «Низвержение в Мальмстрем» – об ужасающем опыте погружения в морскую пучину. Корабль с двумя братьями на борту попал в гигантский водоворот. «Шхуна, казалось, повисла, задержанная какой-то волшебной силой, на половине своего пути в бездну, на внутренней поверхности огромной круглой воронки невероятной глубины; ее совершенно гладкие стены можно было бы принять за черное дерево, если бы они не вращались с головокружительной быстротой...» Старший брат отчаянно вцепился в рым, кольцо на краю шхуны. Младший, наблюдая, наблюдая движение разных предметов, захваченных воронкой, замечает, что чем меньше предмет и чем ближе он по форме к цилиндру, тем дольше он остается на поверхности, как бы вращаясь вместе с ней. И тогда он привязывает себя к пустому бочонку и бросается в воронку, которая, проглотив корабль с одним из братьев на борту, постепенно замедляет вращение и разглаживается, оставляя бочонок и привязанного к нему человека на своей

поверхности. Младший брат поседел от ужаса — но выжил и смог рассказать нам свою историю. О чем эта притча? Если гигантский корабль империи попадает в водоворот и идет ко дну, не стоит цепляться за него. Найдите свой бочонок и крепко привяжите себя к нему. Близкие и друзья, искусство, природа, любимое дело... С бочонком легче уцелеть в водовороте, который разносит в щепы целые цивилизации и государства. Это по сути тот же вывод, что в вольтеровском «Кандиде»: «Надо возделывать свой сад». Но во время катастроф и кораблекрушений, когда на терпеливое возделывание сада не остается времени, приходит другая спасительная метафора. Привяжите себя к бочонку.

Апрель 2014

Духовный дефолт

Падает рубль... Но не только у валюты — у любой системы знаков: у языка, литературы, у культуры в целом, есть свойство, которое можно назвать «обеспеченностью». Насколько она духовна весома? Каким историческим опытом она оплачена? Это подобно золотому обеспечению валюты. На банкноте может стоять любая цифра, хоть со ста нулями, но при этом ценность банкноты равна нулю, если она фальшивая. Или копейкам, если валюта подверглась инфляции.

В последний год ощутимо полегчала русская культура. Все произведенное в России, оттуда исходящее, помеченное ее знаком, — резко удешевилось. Не только современная культура, а вся, на всем своем историческом протяжении, от древнего язычества, от призвания варягов, от крещения Руси... Почему полегчала? Ведь в прошлом ничего не изменилось.

Прошлое не дано раз и навсегда. Если тот же самый народ, от имени которого говорили, мучаясь и вдохновляясь, Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов, Солженицын, теперь почти единодушно поддерживает воровскую клику, которая его обирает и ведет на гибель, попутно грозя гибелью всему человечеству, то ценность этого народа на весах истории и мора-

ли резко понижается. Его вклад в духовную жизнь человечества меняется соразмерно с тем, как потомки пользуются наследием предков, приумножают его или проматывают.

И вот оказывается, что Россия, населенная в основном «крымнашистами», не слишком заслуживает интереса и уважения в глазах мирового сообщества. Мало ли что там пишут и провозглашают, если страна так взбалмошно, хамски, бандитски себя ведет! Да, у них были великие люди, но теперь понятно, что они говорили не от народа, и никакой глубинной мудрости, опыта, исторической субстанции за ними нет. Невозможно ведь поверить, что за спиной Пушкина, Толстого, Менделеева, Павлова, Сахарова стоит тот самый народ, который теперь почти единодушно голосует за Путина. Призывы к добру и состраданию, любовь к прекрасному, уважение к труду, — все это лишь голоса одиночек, вопиющих в пустыне.

Геродот рассказывает исторический эпизод: на греческий политический форум сошлись представители всех государств, больших и малых. Красноречивее всех говорил посол одного из самых мелких полисов. И когда он закончил свою вдохновенную речь и был удивлен тем, что к его словам не отнеслись с должным вниманием, Фемистокл ему объяснил: «Друг, твоим речам недостает государства».

Вот так и всему, что исходит из России, ее литературе, искусству, науке, сейчас недостает народа, который обеспечивал бы — своей мудростью, опытом, поступками — то, к чему призывают его великие. Как ни горько признаться, Россия претерпевает духовный

Народ и душа

дефолт. На банкнотах значатся огромные суммы — «судьба человечества», «братство и справедливость», «многополярный мир», «небесные идеалы», — а обеспечить их нечем. Иссяк золотой запас.

Июнь 2015

Кризис — это суд. Над собой

Общество вошло в период жесточайшего кризиса — прежде всего, психологического и морального. Как его пережить и выйти из него победителем? Об этом можно узнать из самого известного романа о кризисе — «Преступления и наказания» Достоевского. Вся наша история за минувший год проходит под знаком этого неотвратимого «и». Сначала роковой вопрос: тварь ли я дрожащая перед мировым сообществом, должен ли я соблюдать моральный и юридический закон, — или право имею? Я молод, силен, могу весь мир перевернуть, а той захудалой стране ее сокровища вовсе и не к чему, ей помирать пора, распадаться на части. По совести можно себе разрешить — и отобрать у нее эту жемчужину...

И вот, спустя несколько месяцев, этого переступившего сверхчеловека, сверхдержаву начинает трясти лихорадка, пустота и холод пронизывают до костей. Наступает чувство абсолютной отторженности от мира. Даже самые близкие вдруг отделились, потому что разрыв связи с человечеством произошел в самом раскольщике, взявшемся за топор. Пока не раскается, не возьмет вину на себя, он обречен нести на себе проклятие пролитой крови.

2014 г. оказался годом страшного суда над Россией. Греческое слово «кризис» и означает «суд». Всем, кто

застигнут кризисом, приходится преодолевать его внутренне, вглядываясь в основание своего характера и культуры. Сочувствовал ли ты всеобщему порыву под разудалым лозунгом «всё — наше»? Ощущал ли ты прилив гордости при виде слабых и униженных и всплеск радости при известиях о чужих бедах? Слышал ли в своем сердце барабанный бой при кличах: «Танки на Киев», «Европу к стенке», «Победим Пиндостан», «Разгромим пятую колонну»? Надо вынуть из сердца эту занозу — убеждение, что мы лучшие, что мир перед нами в долгу и нас несправедливо обижают. Если поймем, что справедливо, а по грехам нашим еще и милосердно, тогда полегчает, — но только если не остановимся на полпути, не попытаемся опять схитрить и увернуться от кары/кармы.

Я на днях был на выставке Ансельма Кифера, у которого преобладает черная и пепельная тональность (даже в подсолнухах), а многие картины сделаны целиком из свинца. Нет более актуального художника для современной России, чем этот немец, который до сих обожжен историей своей страны (он родился в 1945). На одном из его полотен — «Пути к мировой мудрости. Битва Германна (1976) — портреты Канта, Фихте, Гете, Шиллера, Клейста, Вагнера на фоне битвы Германна, который героизировался в нацистской Германии. И они, эти великие, тоже прямо или косвенно причастны к трагедии «сверхнарода», гордого своим величием и разрешившего себе «кровь по совести».

Российское общество нуждается в новом уровне самосознания, в критике даже таких «незыблемых

основ», которые выражаются понятиями «народ», «победа», «подвиг», «земля», «Россия», «родина», «сила», «единство», «целостность», «слава»... Кажется бы, что плохого в таких словах, как «великая Россия», «русский мир» или «Россия превыше всего»? Но подставим сюда, например, Германию — и пойдем, почему для современных, вменяемых немцев невозможно так мыслить о себе в стране, вот уже семьдесят лет выздоравливающей от нацизма. А наше тоталитарное прошлое гораздо глубже, попытки же очищения от него были поверхностными и затрагивали лишь узкий слой общества. Двенадцати лет тоталитарного неистовства хватило Германии, чтобы опаматоваться, а Россия уже второй раз попадает в тот же капкан, из которого четверть века назад выбралась вроде бы невредимой, почти бескровно. Только теперь становится ясно, какие огромные задачи нам предстоят: не просто декоммунизация, но деархаизация общества.

Нынешний год — это время суда над всеми традициями и культурой. Над классиками, современниками, над нами самими. Либо обесмысливается все то, что делалось на протяжении трех веков после открытия окна в Европу, — либо стремление привить людям чувство свободы, достоинства, ответственности, сострадания должно как-то обрести историческую плоть, перейти из великих книг и литературных образов в бытие общества. Сейчас много говорят о «люстрации». Это слово — от латинского «lux», свет, и означает просветление, очищение. Нужна внутренняя, духовная люстрация, которая может

затронуть многое из того, что нами любимо, даже у Гоголя, Достоевского, Блока, Маяковского, Пастернака, в их «скифских», кичливых, воинственных и обожательных мотивах. «Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, С раскосыми и жадными очами!». Чем же тут гордиться? Придется всем нам, вслед за Пушкиным, с отвращением вглядываться в свою прошлую жизнь и горько лить слезы, пытаясь смыть печальные строки. Среди них, увы, и «Клеветникам России» самого Пушкина: «Так высылайте ж к нам, витии, Своих озлобленных сынов: Есть место им в полях России, Среди нечуждых им гробов». Увы, когда правда в слезах покидает поэта, за нею, понурясь, уходит даже его великий дар.

Ольга Седакова мне возразила: не лучше ли сначала разогнать всю политическую нечисть, а уже потом заняться и классиками и выяснить, как и в чем они, наши светочи, могли способствовать этому мраку. Какие могут быть счеты к Пушкину-Гоголю, когда нас окружают Гиркины, Дугины, Д. Кисилевы и их начальники? Но — не могу согласиться. Так и немцы могли бы думать: покончим сначала с Гитлером и его сворой, а уже потом перечитаем Фихте, Клейста, Вагнера, Ницше и в демократическом обществе их обсудим, а кое за что и осудим. Но нет, не получается. Т. Манн в «Докторе Фаустусе» (1943–46) показал музыкальные и глубоко культурные истоки того демонического вдохновения, которое потом сметало целые народы и выстраивало Освенцим. Россия сейчас падает в такую историческую бездну, что ударяется о свое метафизическое дно. Политика

перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: отчего, куда, зачем? И речь не о том, чтобы осуждать Пушкина, Гоголя, Достоевского, — они свою великую миссию выполнили и, конечно, посеяли больше добра, чем зла. Речь о том, чтобы в самих себе найти те корешки зла, которые прорастали и через них, и через всю историю и культуру страны: в себе найти и из себя же выкорчевать.

Два извечно русских вопроса: «кто виноват?» и «что делать?» — получают теперь, на суде всего народа, неожиданные, но единственно возможные ответы: «Ты сам виноват» и «Делать нечего». Выход один: раскаяться, вернуть чужое, расплатиться по всем счетам, понести заслуженное наказание. Тогда-то и начнется другая жизнь... Но, следуя финалу «Преступления и наказания», это могло бы уже составить тему нового рассказа.

Декабрь 2014

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ И БЕСПУТЬЕ

Новороссия или Новомосковия?

Сейчас много говорят о Новороссии, о расширении «русского мира» за границы России. Но похоже, что Россия ускоренно движется в обратном направлении, к «Московии». Так называли русское государство допетровской эпохи, с XV в. до конца XVII в., с его стремлением отгородиться от Запада, над которым оно превозносила себя как оплот истинной, православной веры: Москва — «третий Рим» («а четвертому не бывать»).

Вот что писал Н. Бердяев о Московском царстве:

«Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу, и по недоразумению его идеализировали свободолюбивые славянофилы. Лучше был киевский период и период татарского ига, особенно для церкви, и уж, конечно, был лучше и значительнее дуалистический, раскольничий петербургский период, в котором наиболее раскрылся творческий гений русского народа. Киевская Россия не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость (менее всего святых

было в этот период) ... Московское царство было тоталитарным по своему принципу и стилю. Это была теократия с преобладанием царства над священством» («Русская идея», 1946).

Петровские реформы взломали замкнутость московской Руси и открыли ее Западу. Именно в эту эпоху, XVIII — XIX вв., название «Россия» вытесняет «Московию». В отличие от Московии, Россия позиционировала себя как часть западной цивилизации.

В советскую эпоху, несмотря на железный занавес, Россия все еще продолжала петровский курс на «мировую цивилизацию» и даже расширила круг своих притязаний, став одной из двух сверхдержав, вершащих судьбы мира. После распада Советского Союза это пространство стало схлопываться, сначала до размеров СНГ — дружественных России славянских и азиатских республик. Но в XXI в. «русский мир» еще больше сузился, не вопреки, а именно благодаря стремлению России сохранить свое влияние на постсоветском пространстве военными мерами, отторжением территорий соседних республик.

Как ни парадоксально, именно попытка неоимпериальной экспансии может обернуться для России сжатием ее пространства до размеров, примерно совпадающих с той «Московией», какой она была до начала петровских реформ. Еще один парадокс состоит в том, что именно «питерские» опрокинули петровский вектор развития России — еще радикальнее, чем большевики, которые направляли ее в сторону наибольшей всемирности, третьего Интернационала (а четвертому не бывать). Если сразу после

распада СССР казалось, что Россия возвращается к своей дореволюционной идентичности, к петровскому проекту сближения с Западом, то в последнее время резко обозначилось дальнейшее нисхождение страны по лестнице инволюции — к исторически более ранней матрице Московии. Основное сходство — не географические очертания, а политический изоляционизм, который парадоксально сочетается с экспансионизмом.

Так что уместнее говорить о нынешнем политическом проекте власти не как о Новороссии, но как о *Новомосковии*. Борются за Новороссию, а в итоге получается Новомосковия.

Если постсоветская Россия, действительно, возвращается в допетровскую Русь, то логика инволюции может повлечь ее еще дальше — в период «феодальной раздробленности» русских земель...¹

Июль 2014

---

¹ Тем самым мы возвращаемся к ситуации, которая описана в самом начале книги, в эссе «О Россиях» (1990). Но то, что тогда представлялось возможностью поступательного движения России к ее истокам, к многообразию Россий, теперь, в результате фантомно-имперской экспансии и всемирной реакции на нее, становится перспективой не усиления, а распада.

Новейшее средневековье

Закончился ли уже XX век? Понятно, что речь идет не о календаре, но об исторической эпохе. Многие считают, что XX век завершился не 31 декабря 2000 г., а 11 сентября 2001 г., когда рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке и началась война западной цивилизации и исламистского фундаментализма. Но может быть, это слишком поспешные выводы и XXI-ый век во всей своей умопомрачающей реальности еще не наступил? Может быть, он придет сегодня или завтра?

Ведь и XX век, как считают многие, начался ровно сто лет назад, 28 июля 1914 г., вместе с Первой Мировой войной, о чем писала Ахматова в «Поэме без героя»:

И всегда в темноте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул,
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.
Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

Видимо, есть что-то вещее (не хочется говорить «зловещее») в исторических рифмах с интервалом в столетие. Вот почему в стародавнее, довоенное время, всего полгода назад, 31 декабря 1913 г., у меня вырвалось такое пожелание к Новому году — друзьям в Фэйсбуке:

«С Новым годом! И пусть события в нем пишутся белым стихом. Т.е. без рифмы к 1914 г. То же пожелание и к следующим годам, в т. ч. 2017. Пожалуйста, без рифм!»

Боюсь, однако, это пожелание не было услышано Тем или теми, от кого зависит их исполнение. Боюсь, что настоящий Двадцать Первый Век еще только на пороге — и нам мало что известно о нем, кроме того, что он обещает быть жестоким.

«Новым средневековьем» назвал грядущий XX век Николай Бердяев в своей одноименной книге 1924 г. Его приметы — коммунизм, фашизм, евразийство, идеократия, индоктринация масс, отрицание ценностей Нового времени: гуманизма, индивидуализма, рационализма и демократии.

Казалось, Новое средневековье, начавшееся в 1914 г., ушло в прошлое вместе с крушением фашизма и коммунизма и с падением железного занавеса в 1989 г., т. е. продлилось примерно 75 лет. Следующая декада, 1990-е, прошла под знаком эйфории от глобальной победы демократии и рационализма западного стиля — человечество вернулось на магистраль Нового времени.

И вот XXI в. начался со взрывного рецидива нового средневековья, теперь исходящего от исламизма и,

как становится ясно, от России, примкнувшей к этому новейшему медиевализму (medievalism хочется переписать как midevilism, поскольку Богу оно поклоняется так, что дьявол не мог бы придумать лучше). Это *Новейшее* средневековье XXI в. отличается от просто Нового средневековья XX в. тем, что оно постсекулярное, постутопическое и постфутуристическое, т. е. опирается на религиозно-национальную традицию, на традиционализм как таковой, и обращено в прошлое, а не в будущее. У него, в отличие от тоталитаризма XX в. (особенно коммунистического), нет опоры внутри западных обществ, оно может рассчитывать лишь на силовую внешнюю экспансию либо на автаркию.

Новейшее средневековье пришло на смену постмодерной эпохе, которая отделяет его от Нового и определяет разницу этих двух средневековий, разницу между фашизмом 1920–1940 гг. и шизофашизмом начала XXI века. Собственно фашизм — цельное мировоззрение, соединяющее расовую теорию, империализм, национализм, ксенофобию, великодержавность, антикапитализм, антидемократизм и антилиберализм. Шизофашизм — это расколотое мировоззрение, своего рода пародия на фашизм, но серьезная, опасная, агрессивная пародия. Это фашистская истерика, за которой скрывается вполне холодное сознание своих меркантильных расчетов. Фашизм проявляется в отчаянной ненависти к свободе, демократии, ко всему чужестранному, к людям иной идентичности, в стремлении искать врагов, подавлять все живое. Но это насильническое,

тоталитарное мировоззрение находится в шизофреническом расколе со стремлением использовать те самые блага, которые обеспечивает «враг»: недвижимость за рубежом, привилегия давать образование детям в странах «пиндостана», проводить там отпуск и т. д. Особо яркая черта шизофашизма — действовать под маской борьбы против фашизма.

Очевидно, не следует путать эти два средневековья, Новое (XX в.) и Новейшее (XXI в.) Последнее, фундаменталистское, традиционалистское, ближе к старому средневековью и, можно надеяться, быстрее уйдет в прошлое вслед за ним.

Топохрон и хронократия

Пытаясь применить бахтинское понятие хронотопа к российско-советской цивилизации, обнаруживаешь любопытную закономерность: хронос в ней вытесняется и поглощается топосом. Хронотоп переворачивается в *топохрон*, время опространствлено.

Сама история этой страны, как писал еще В. О. Ключевский, состояла в непрерывной колонизации новых земель, завоевании пространства на все четыре стороны света, а затем — как настаивал Н. Ф. Федоров, ссылаясь на распаханность и «небоеккость» русской равнины, — и на «пятую» сторону, в направлении открытого космоса. История России — это проекция ее географии, и исторические периоды отмечаются не чисто временными изменениями, а расширениями в пространстве.

«Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны до самой той поры, когда, наконец, он посредством естественного зарождения и поглощения встречных инородцев распространился по всей равнине и даже перешел за ее пределы. Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине...»¹

---

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории, часть 1, лекция 2. Сочинения в 8 тт., т. 1, М., Гос. изд. политической литературы, 1956, С. 32.

Поскольку Россия привыкла исторические вопросы решать географически, этой стране принадлежит столь большое место в пространстве, что ей не так уж легко найти свое место во времени. На протяжении последних трех веков, Россия жадно стремилась войти в историю — но лишь для того, чтобы превзойти ее, мгновенно опередить степенно шествующие историческими путями западные народы и оказаться «по ту сторону истории», в царстве остановленного мгновенья и безграничного простора. Среди народов, условно говоря, исторических и неисторических, Россия выбрала свой особый, «сверхисторический» путь: входя в историю, тут же готовиться к выходу из неё.

Время в России вытесняется пространством (физическим и метафизическим) — это архимедов закон погружения большого географического тела в историческую среду. Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней историческое время — и, наоборот, сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени. Обременяясь новым пространством, Россия впадала в исторический сон и прострацию, что и получилось в результате победных походов в Европу — 1812 и 1945 годов. И наоборот, после неудачных войн — Крымской, Японской, Первой мировой — Россия теряла частицы своей территории и тут же получала толчок исторического ускорения — реформы и революции. Неудача афганской войны выявила предел пространственного расширения коммунизма — и, подтолкнув империю к перестройке, вызвала ее развал. С отдачей Восточной Европы и республик, сбросив тучное пространство Советского

Союза и социалистического лагеря, Россия превратилась в самую динамичную (хотя и потенциально кризисную) часть мира. А как только опять погналась за расширением «русского мира», прихватила части Грузии и Украины, нацелилась на воссоздание империи, — так время в ней не только затормозилось, но и побежало назад. Произошел обратный размен: времени на пространство.

Политический словарь пестрит разнообразными «кратиями»: демократия, аристократия, плутократия, охлократия, автократия, бюрократия... Но одной «кратии» в нем явно недостает. *Хронократия* (букв. «власть времени», времяправие, времядержавие, от греч. *chronos*, время + *kratos*, власть) — диктатура времени как определяющий фактор общественной жизни. Это форма политического устройства, основанная на признании времени решающим фактором обновления структур власти и общества.

Хронократия предполагает безусловную сменяемость всех уровней и органов власти в строго отмеренные сроки. Для каждого сегмента культуры выделяется особый временной фактор, или «запас» новизны, в течение которого данное явление перестает восприниматься как легитимное и должно уступить другому. Президенты, автомобили, компьютеры, учебники, течения живописи, направления моды меняются в определенном порядке и ритме, по-разному заданном для каждой категории. Например, максимум восемь лет для президента, сезон для стиля одежды, несколько недель для фильмов в кинотеатрах... Время — фактор легитимизации

любого режима власти, даже если речь идет о властителях дум и мод. Время — хозяин, а президенты и корпорации — его слуги.

Хронократия не только совместима с демократией, но и составляет ее необходимое условие. *Хронос старше и сильнее демоса*. Тоталитарные режимы, объявляющие себя «народными демократиями», могут и в самом деле пользоваться поддержкой большинства, но им чужд принцип времявластия. «Народный вождь», «лидер нации» возвышается над временем, а не подвластен ему. Идея демократии становится смутной и противоречивой, если она не дополняется режимом хронократии. Время умнее народа и лучше застраховано от политических ошибок. Все-таки этот механизм — время — запущен не нами.

2002

Исторические пути и беспутье

Куда несешься ты? — Не дает ответа.

Н. Гоголь

Неприкаянность. Заблудившийся трамвай

XX век Россия провела под знаком революционной утопии и в значительной мере сумела навязать ее миру. Речь шла о прыжке в царство свободы, о грядущих веках коммунистического изобилия. А в XXI в. произошел разворот к утопии прошлого, причем тоже — на века, горизонта пока не видно. Окно в Европу, прорубленное Петром, уже закрывается. И если пятилетние планы было принято выполнять за три года, то по скорости движения в прошлое постсоветская Россия уже опередила Советский Союз, за один год одолев три века.

Собственно, и та Утопия, на которую страна затратила минувшее столетие, тоже быстро, уже в 1920-е — 30-е, обратилась в свою противоположность, в крепостническое государство. Теперь этот вектор движения к архаике стал уже сознательной политикой — назад, в средневековье, в столетия одиночества на отшибе от Европы и Азии. А отсюда уже недалеко и до возвращения к периоду феодальной раздробленности Руси...

Вспоминается «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева (1920 г.) — как метафора страны, заблудившейся в смене эпох:

Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Но вагон неудержимо несется в пропасть безнадежно смешавшихся времен, и вот уже в окне мелькает:

Вывеска... кровью налитые буквы
Гласят — зеленная, — знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

Похоже, что за истекшее столетие мало что изменилось и стране по-прежнему все равно куда стремиться, вперед или назад, в будущее или прошлое, лишь бы, ускоряясь туда или сюда, не жить в настоящем, в одном времени с человечеством. Ибо она умеет только выживать — на пределе сил, пребывая в том изнеможении и беспамятстве, куда, если верить платоновским «Чевенгуру» и «Котловану», завела народ предыдущая утопия.

И сегодня — все та же потребность отгородиться от настоящего, заговорить себя магическими заклинаниями, неважно какими: «коммунизм» или «наш мир». Коммунизм, несмотря на миллионы жертв, так и остался призраком, каким явился впервые в Коммунистическом манифесте («Призрак бродит по Европе», 1848). Потом этот призрак поселился

в России и напитался кровью не только ее, но и почти половины человечества. Теперь в Европу запущен новый призрак под названием «румир», гораздо более чахлый, но все равно жаждущий крови. По сути, Новороссия — еще БОЛЬШЕЙ призрак, чем коммунизм, ведь и своя-то территория, «Старороссия», остается неухоженной, невозделанной и кроме даровых недр матери-земли мало какими рукотворными богатствами может похвастаться. Как князь Всеслав в ночи «волком рыскаше», так Россия мечется по географическим и историческим просторам, от Ивана Грозного до «бесклассового общества», от древней Корсуни до светлого будущего всего человечества, — лишь бы убежать от самой себя, от гнетущей пустоты, раскрывающейся в ее сердцевине. Страна только потому и посягает на чужое, что это вывернутая форма избавления от себя. Ее гораздо больше волнует Америка, Европа, Украина, чем собственная жизнь. Только через воинственное соприкосновение с чужим она начинает ощущать себя, а внутри нее — как будто мертвенность, бесчувствие, безжизние. Разве что внутренний враг, «национал-предатель», чужой среди своих, приятно ее «оживит», став целью скорейшего уничтожения...

Если вырваться вперед не получилось, если безнадежно отстали, — рванем назад, в азиатчину, в Московскую Русь, Третий Рим, крепостное право... Определим всех на путях к «Великой Традиции». Словно история — это игровая площадка, картинг, где легко и весело рулить куда попало. Страна лихо разгоняется то в одном, то в другом направлении. Вместо того, чтобы выровняться, влиться в общее движение

цивилизации, рвется туда, куда ее развернуло тормозами и инерцией. Лишь бы убежать от самой себя...

Это и есть то ничто, которое экзистенциальные мыслители, от Кьеркегора до Бердяева, Хайдеггера и Сартра, считали глубинной основой, точнее, безосновностью бытия. Но для них ничто — это отправная точка, способность взглянуть на бытие извне, помыслить и выразить его. Для России ничто — это точка прибытия, та «вукоебина» (емкое сербское слово — «глухое место, приволье волкам»), где она, устав от усилий модернизации и по-прежнему исторически неприкаянная, хочет укрыться. Мечется по всем просторам Евразии, то в Афганистан устремится, то в Арктику, ища спасения от какой-то сосущей пустоты. Почему она так безжалостно губит свое — и зарится на чужое, в общем-то ненужное ей? Почему ни в Европе, ни в Азии, нигде, куда приходит Россия, не возникает ничего нового, творческого, радостного, никакой пользы и воодушевления, кроме все той же мертвящей, цементирующей власти и разъедающей ее, но одновременно неразлучной с ней коррупции?

Означает ли это, что мы опять вернулись к Чаадаеву?

«Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет... Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия» (1829).

Неужели этим отрывом от человечества и суждено завершиться тысячелетним приключениям русского духа? Сейчас политика перестает быть только политикой, поскольку задевает уже метафизический нерв существования страны, тот, где коренятся начальные и последние смыслы: куда, зачем? И всякий человек, причастный к России, ее культуре и языку, чувствует какой-то внутренний обвал, голос небытия, заклинаящий то голосом В. Высоцкого: «Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!.. Хотя немного еще постою на краю», — то голосом А. Белого: «Довольно: не жди, не надейся — Рассейся, мой бедный народ!.. Исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!»

Самоотречения. Гнуться не ломаясь?

Можно ли долго гнуться, не ломаясь? Есть ли мера изнашиваемости у исторического материала, который постоянно растягивается в разные стороны, испытывается на краях, погибает то в архаику, то в прогресс, то в анархию, то в диктатуру, разгибается и вновь складывается по тем же самым швам? Еще один гиб — и произойдет разрыв, обветшавшая историческая субстанция просто не выдержит таких многократных разнонаправленных деформаций.

Эта гибкость, если не сказать развинченность внутреннего стержня была свойственна и крупнейшим представителям российской культуры, которые постоянно бросались из крайности в крайность, изменяя себе, сжигая то, чему поклонялись, и поклоняясь тому, что сжигали.

Петр Чаадаев был одновременно отцом и западничества, и славянофильства: в своей «Апологии сумасшедшего» он переворачивает смысл первого «Философического письма» и превозносит как залог грядущего величия России ничтожество ее прошедшего и настоящего;

Николай Гоголь вытравляет из себя художественный дар и «кощунственный» смех и сжигает свой заветный труд, второй том «Мертвых душ».

Виссарион Белинский отрекается от своего гегельянского примирения с действительностью и готов «по-маратовски», огнем и мечом истребить одну часть человечества ради счастья другой.¹

Федор Достоевский устами одного героя тончайше глумится над своими же идеалами, провозглашенными другим, и наделяет одинаковой силой голоса «за» и «против».

Лев Толстой отрекается от своих величайших художественных творений ради крестьянской правды и опрощения.

Владимир Соловьев в своей предсмертной «Повести об Антихристе» выставляет в ироническом и демоническом виде те заветные идеи, которым посвятил свою жизнь пророка-мыслителя: всеединство, универсализм, экуменизм, теократию, объединение церквей.

---

¹ Из письма к В. П. Боткину: «Год назад я думал диаметрально противоположно тому, как думаю теперь... Я теперешний болезненно ненавижу себя прошедшего, и если бы имел силу и власть, — то горе бы тем, которые теперь — то, чем я был назад тому год» (1 марта 1841 г.) http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3900.shtml

Василий Розанов совмещает в себя юдофила и юдофоба, ревностно выступает и за левых, и за правых, борется с христианством и умирает причастником Христовых тайн.

Александр Блок, рыцарь Прекрасной Дамы и Вечной Женственности, карнавально представляет ее в образе блудницы в «Балаганчике» и «Незнакомке».

Владимир Маяковский, поэт космически-трагедийный и мистериальный, в послереволюционные годы отдает себя на службу государственной пропаганде и «наступает на горло собственной песне».

Андрей Платонов, утопист, коммунист, технофил, создает глубочайшую антиутопию социалистического общества — царства пустоты и смерти.

Даниил Андреев проповедует как религиозный идеал универсальное государство-церковь Розу Мира, которое прокладывает путь Антихристу.

Русским писателям и мыслителям был в высшей степени свойствен жест сознательный или бессознательный иронии, опрокидывающей то, что создавалось десятилетиями напряженного труда, — решительность самоотрицания. Возможен путь органического роста, когда писатель переходя из возраста в возраст, встает как бы на плечи самому себе — и поднимается все выше (перифразируя Ньютона, который говорил о своих предшественниках, — но мы и сами свои предшественники в разных возрастах). А можно себя прежнего — опрокинуть, отчего величины не складываются, а вычитаются. Вот и Россия постоянно вычитает из себя разные стадии своего прошлого, даже когда пытается вернуться к давно прошедшему.

Таков знаковый код русской культуры: он включает в себя постоянную смену плюса на минус и минуса на плюс. Недавние интернационалисты разоблачаются как космополиты, великодержавные шовинисты чествуются как патриоты. Революция в России — не рыбок вперед, не однократное событие, а шарнир, на котором постоянно все крутится. Такая крутизна, «выкрутасность», все шире и опаснее раскручивает страну во все стороны, и это безразличие масштаба к векторам есть самое печальное и саморазрушительное в ее истории. По мысли Дмитрия Быкова, в России масштаб важнее векторов. Можно согласиться, но это повод для глубокой скорби, а не воодушевления.² Самое трагическое — безвекторная масштабность, можно даже сказать, масштаб безвекторности, отчего страна и вертится по-хлыстовски на историческом беспутье. «Неподвижный странник», как ее иногда называют. Она поворачивает куда угодно, лишь бы дойти до края, убедиться в бесплодности очередного поворота и развернуться в противоположную сторону.

Гротескность социальных структур

Неизвестно, что будет нам исторически ближе в следующий момент: полет на Марс или поход на половцев, наиновейший «айпад» или ордынское «айда».

Повесть Владимира Сорокина «День опричника», как оказалось, не шарж, а хроника ближайшего

---

² См. Михаил Эпштейн. Масштаб и вектор. «Независимая газета», 27.10.2011 http://www.ng.ru/kafedra/2011-10-27/4_vektor.html

будущего, точнее, уже настоящего, в котором наспех заимствованная у Запада техника сплетается с наследием тягчайшего деспотизма. Первая фраза: «Моё мобило будит меня: Удар кнута — вскрик». Действие происходит в России 2027 года, отгороженной от остального мира Великой Русской Стеной. В стране восстановлено самодержавие, процветают ксенофобия, лубочно-квасной патриотизм и всевластие карательных органов, а единственными источниками дохода ничего не производящей страны являются продажа природного газа и поборы с транзита китайских товаров в Европу. Подборка новостей как будто взята из нынешних газет. «Дальневосточная Труба так и будет перекрыта до челобитной от японцев, китайцы расширяют поселения в Красноярске и Новосибирске, суд над менялами из Уральского казначейства продолжается, татары строят к Юбилею Государя умный дворец, мозгляки из Лекарской академии завершают работы над геном старения, Муромские гусяры дадут два концерта в Белокаменной, граф Трифон Багратионович Голицын побил свою молодую жену, в январе в Свято-Петрограде на Сенной пороть не будут, рубль к юаню укрепился еще на полкопейки».

Все это кажется гротеском, но в данном случае это не художественный прием, а причуда самой реальности, где накладываются, не перемешиваясь, отдаленные пласты времени. Повесть, вышедшая в 2006 г., намного опередила свой собственный хронологический расчет: понадобилось всего 8 лет, а не 21 год, как в книге, чтобы гротеск стал восприниматься как репортаж.

К этим переходным структурам, возникающим в процессе ускоренной *архаизации* российского общества, можно отнести удачный термин Григория Померанца: «гротескность социальных структур». Это обнаружилось еще в 1990-е гг., когда страна переживала ускоренную модернизацию: к тоталитарному телу, в котором бьется идеологически пылающее сердце, приставляется демократически мыслящая голова. Тем более гротескна эта реальность сегодня, когда в общество XXI в. встраиваются культы и фетиши допетровской Руси. Когда-нибудь в будущем, по мере «обустройства» России, гротескность, возможно, сгладится и возникнут более строгие, одномерные модели. Но было бы непростительным для исследователя упустить этот момент «вселенской смази», каламбурного смешения знаков и пренебречь гротеском как методом адекватного описания возникающей эклектической культуры: посткоммунистической, полукапиталистической, полуфеодальной, средневековой.

Мост или пропасть?

В своей «Русской идее» (1946) Бердяев выделил пять эпох русской истории: «Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия. Развитие России было катастрофическим.»

За последние десятилетия к перечисленным пяти Россиям успели прибавиться еще две: Россия

постсоветская (демократическая, капиталистическая, рыночная, либеральная, взошедшая при Горбачеве и Ельцине) и Россия... здесь разброс возможных терминов еще шире: евразийская, или фундаменталистская, или фашистская, или антизападная, или изоляционистская, или автаркия, или чучхерия (от корейского «чучхе», самобытность), или Новомосковия (отгородившаяся от Запада, подобно Руси допетровской). Если Россия постсоветская на протяжении четверти века пыталась совершить скачок модернизации, то Россия евразийская за несколько месяцев совершила прыжок на несколько веков назад, в свое доевропейское прошлое.

Одновременно это и географический кульбит: Россия повернулась лицом к Востоку. Но к какому? Еще остается в силе вопрос философа-поэта Вл. Соловьева, обращенный к родине: «Каким ты хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса иль Христа?» Несмотря на усиление церковного фундаментализма, действующего от имени Христа, ответ уже, кажется, дан — в пользу Ксеркса. Точнее, Ксеркса в обличии Христа — самая жуткая подделка, какую только можно вообразить.

Россия традиционно представлялась особой цивилизацией, которая соединяет Европу и Азию, но не принадлежит ни той, ни другой. Ее миссия — цивилизовать Азию, служить форпостом Запада на Востоке. Но какую же Азию теперь способна окультурить Россия? Японию? Китай? Южную Корею? Индию? От всей той «дикой Азии», которую, в воззрениях В. Соловьева и его последователей, была призвана

цивилизовать Россия, осталась разве что Северная Корея. Да еще ряд малонаселенных среднеазиатских стран (впрочем, и среди них большинство не пожелало примкнуть к «евразийскому» союзу). К нашему времени оказалось, что России не остается цивилизовывать никого, кроме самой себя. Уровень ее промышленности, науки и техники, медицины, экономических и политических свобод упал ниже и европейского, и азиатского. И теперь страна воспринимается не как мост между Европой и Азией, а как огромная расщелина или пропасть, над которой Западной Европе и Восточной Азии, все теснее смыкаясь, придется когда-нибудь самим наводить мосты, заполнять встречей своих цивилизаций пустеющий промежуток.

Историческая пластика и аритмия

У В. Сорокина представлены не просто отдельные анахронизмы. «День опричника» — это по сути целый век или даже тысячелетие «опричнины»: кромешной жизни невпопад с миром, анахронический модус бытия страны, которая никак не может решить, в каком времени ей жить. Есть такой странный недуг — *хронопатия*, патология в восприятии времени, нарушение связей между его объективным и субъективным ходом. Хронопат вечно опаздывает, не в состоянии уложиться в заданные сроки, потом подгоняет себя, его лихорадит, он развивает бешеные темпы, которые расшатывают его нервы и погружают в долгую прострацию. Применительно к странам и народам это

можно назвать *исторической аритмией*. Российская история, состоящая сплошь из взрывов и застоев, — классический случай такой аритмии.

Эта историческая аритмия учащается с каждой эпохой. Если для перехода от советского к постсоветскому понадобилось шесть лет перестройки, то для скачка из мирового пространства в Новомосковию — всего месяц: март 2014, когда Россия бросила вызов Западу.

Эта расшатанность, раздерганность исторической походки может, конечно, сойти за широту души и рассматриваться нераздельно с географическим простором. «Ровнем-гладнем разметнулась на полсвета» (Н. Гоголь, «Мертвые души»). В системе облагораживающих понятий эта «разметность» — своего рода эластичность, топологическое выворачивание исторического пространства, многообразие политических режимов при сохранении неизменной оси вращения. Россия пробует себя в разных исторических формациях: от анархии до тоталитаризма, от застоя до смуты, от революции до консервации, от рабовладения до капитализма, от коммунизма до фашизма. Но ей не столь важна природа и сущность данного социального строя, сколько сам момент пробы, погони за своим ускользающим «я». Россия познает себя через отрицание всего того, что раньше о себе узнала и чем себя определила. Отсюда не только географическая, но и *историческая обширность* страны, при отсутствии явно выраженного прогресса, поступательного движения. Это скорее вращение вокруг своей оси, перебирание и отбрасывание

разных моделей. Никакая социальная форма и религиозная идентичность не пригодны для такого велико-пустотного существования, которое прокладывает путь из ниоткуда — через всё — в никуда. Россия — самая большая страна не только по территории, но и по *исторической вместимости*. Самая большая в мире территория, какой стала Россия, определила и *территориальность* ее истории как многовекторного пространства. Россия не столько двигалась вперед во времени, сколько испытывала все новые и новые варианты своей исторической участи.

Эту способность цивилизации сохранять свои основные свойства, проходя через многочисленные, диаметрально направленные формации и деформации, можно назвать *историопластикой*. Прогрессивность и пластичность — разные характеристики исторического движения: первое определяет *меру развития*, второе — *размах колебаний*.

Но очевидно, что размах этот не беспределен — и на очередном крутом вираже разогнавшуюся тройку может выбросить на историческую обочину, мимо которой бодро шествуют другие народы и государства.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О многовластии

1.

Как соотносятся культура и власть, литература и власть, язык и власть? Это каверзный вопрос, особенно в западных академических кругах, где господствует толерантность. Однако если кто-то, излагая теорию культуры или языка, обходит стороной вопрос о власти, то его подозревают в смычке с правыми, с истеблишментом (хотя академический истеблишмент уже давно по традиции склоняется к левизне). Если же ответить прямо, что вопрос о власти, о политике не так уж важен для эстетической или лингвистической теории, то подозрение в реакционности только укрепится.

Между тем вопрос о власти, действительно, важен, только он не сводится к политике. Политика пытается узурпировать этот вопрос и тем самым продемонстрировать, что только ей принадлежит власть в обществе. Кто властвует в Кремле или Белом Доме, тот якобы властвует и над страной, над культурой, над сознанием и поведением людей. Левые немало способствовали такой подтасовке понятий, навязывая политические критерии даже интеллектуальной деятельности. По мысли Мишеля Фуко,

«интеллектуал определяется тремя признаками: во-первых, своей классовой позицией (как мелкий буржуа на службе капитализма или как “органический” интеллектуал от пролетариата); во-вторых, условиями жизни и работы (область исследования, место в лаборатории, политические и экономические требования, которым он подчиняется или против которых бунтует в университете, в больнице и т. д.); наконец, политикой истины в наших обществах».¹

Получается, что достоинство интеллектуала определяется, во-первых, во-вторых и в-третьих, его классовой позицией и политической ангажированностью.

Но это не так. Категория власти гораздо шире политики, она коренится в самой жизни, в ее воле к самоутверждению. Вспомним Ницше: «Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти — если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти».² Не обсуждая сейчас всех граней ницшевской «властоцентрической» философии, отмечу лишь, что власть предстает у него и как биологический, и как эстетический, и как религиозный феномен. Об этом говорят сами названия разделов его последнего, незавершенного труда «Воля к власти»: «Воля к власти как познание», «Воля к власти в природе», «Воля к власти как общество и индивидуум», «Воля к власти

---

¹ Michel Foucault. Truth and Power (interviewed by Alessandro Fontana and Pasquale Pasquino), in «From Modernism to Postmodernism. An Anthology», ed. by Lawrence Cahoon: Blackwell Publishers, 1996, p. 380.

² Ф. Ницше. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, фрагмент 55. М., Культурная революция, 2005, С. 57.

как искусство»... Причем собственно политическая власть удостаивается у Ницше скорее пренебрежительной оценки: «Люди, которые стремятся к власти только ради счастливых *преимуществ*, властью предоставляемых: политические партии».³

У каждой области человеческих свершений есть своя власть, свои средства подчинения людей и достижения нужных целей. У интеллекта есть своя власть, действующая логикой убеждения, сцепкой причинно-следственных связей, наглядностью аналогий и емкостью обобщений. Есть своя власть у нравственных чувств и императивов, у таких понятий, как совесть и честь, ради которых люди идут на тяжелейшие испытания, на страдание и смерть. Огромна власть над людьми религиозных верований, догматов и традиций. Своя растущая власть есть у науки, которая все больше претендует на то, чтобы стать Властью в современном обществе, пользуясь силой технологий, созданных на основе научных исследований.

Есть огромная власть у музыки. Напомню «Крейцерову сонату» Л. Толстого:

«И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? /.../ Музыка заставляет меня забывать себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу. /.../ И оттого музыка так страшно, так ужасно

---

³ Там же, фрагмент 721, С. 396.

иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть».

Есть своя власть у литературы и искусства, способность подчинять людей силе образа, красоте слова и пластике жеста. Если власть, восходя на вершины тоталитарного могущества, так стремится истребить все инакомыслящее, инакочувствующее, значит, и мысль, и чувство суть самостоятельные источники власти, о чем говорил Осип Мандельштам:

«Поэзия — это власть», — сказал он в Воронеже Анне Андреевне, и она склонила длинную шею. Ссылные, больные, нищие, затравленные, они не желали отказываться от своей власти... О. М. держал себя как власть имущий, и это только подстрекало тех, кто его уничтожал. Ведь они-то понимали, что власть — это пушки, карательные учреждения, возможность по талонам распределять все, включая славу, и заказывать художникам свои портреты. Но О. М. упорно твердил свое — раз за поэзию убивают, значит, ей воздают должный почет и уважение, значит, ее боятся, значит, она — власть...»⁴

2.

В свое время А. К. Жолковский посвятил несколько работ Анне Ахматовой, доказывая, что своим своевластным поведением и мифотворчеством она имитировала Сталина и была вовсе не образцом

---

⁴ Н. Я. Мандельштам. Воспоминания. Кн. 1. М., Согласие, 1999, С. 199–200.

<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11689>

свободомыслия, а диктатором в своей литературной среде. У Жолковского, по его словам, получился «жизнетворческий портрет ААА в качестве своего рода Сталина в юбке». Следом за Жолковским и другие исследователи ринулись обличать Ахматову в сталинизме и тоталитаризме (особенно нашумела скандально-разоблачительная книга Т. Катаевой «Анти-Ахматова»).

Но для каждого, кто непредубежденно оценивает поступки Ахматовой и те приемы, которыми она лепила свой авторский образ, очевидно, что Ахматова подражала Сталину не больше, чем Сталин подражал Ахматовой, или Маяковскому, или Пикассо, или Марксу, или Вагнеру, или Байрону... Все они более или менее агрессивно утверждали свой авторитет, создавали вокруг себе обстановку лести и преклонения, плели паутину слухов и легенд, использовали близких людей в качестве ступенек восхождения к славе, а затем отдаляли их, старались скомпрометировать опасных свидетелей и соперников и т. д. Любой «властитель дум» пытается тиранически подчинить себе волю современников, создает в их умах мифический образ своей избранности, гениальности, притязает на прямое родство с историей, народом или Богом. Они — посланники небес, любимцы муз, утонченные аристократы или убежденные демократы, глас тысячелетий, обращенный к потомкам. Сам Жолковский признает «ученичество Ахматовой у магов Серебряного века, теоретиков и практиков жизнетворческой концепции: Зинаиды Гиппиус, Вяч. Иванова, Брюсова,

Блока».⁵ Неужели и Гиппиус с Блоком учились у Сталина или Ленина? Нет, не у политиков они учились, а у магов, у тех жизнетворцев, которые и политиков могут многому научить.

В магии власти нет ничего собственно политического, такая воля к заклинанию даже острее проявляется у художников, писателей, мыслителей, ученых, изобретателей. Власть над партией или государственным аппаратом им представляется слишком мелкой и суетной, — им подавай власть над целым мирозданием, над вселенной идеей, знаков, полей, энергий. Их честолюбивые притязания идут гораздо дальше, чем у политиков или военных. Поэтому Стефан Георге, крупнейший немецкий поэт, прославлявший мистические глубины германского духа и новую империю, построенную на принципах аристократической иерархии, отверг сотрудничество с нацистами, хотя, казалось бы, духовно был им близок. На предложение Геббельса возглавить новообразованную Академию искусств Георге ответил резким отказом и эмиграцией в Швейцарию. Политика — слишком ничтожное дело для поэта, сужение, а не расширение его властных возможностей.

Как писал один из магов Серебряного века Федор Сологуб: «И кто мне помешает /Воздвигнуть все миры, / Которых пожелает /Закон моей игры?»

Вот и у Ахматовой была своя игра, у Сталина — своя, и если эти игроки в чем-то совпадали, то в своем

---

⁵ А. К. Жолковский. Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя. Звезда, 1996, 9, С. 211–227. <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/aaa.htm>

пристрастии к самой игре, а также к атрибутам верховной жреческой власти: тайне, чуду и авторитету. А. К. Жолковский пишет в той же статье об Ахматовой: «Она культивировала вокруг себя атмосферу тайны и поклонения со стороны “своих”...» Вряд ли в таком «компромате» можно найти что-либо порочащее художника, ведь он прирожденный тайновед и заклинатель стихий, людей, животных, растений — вспомним миф об Орфее. Более того, положение, в каком оказалась Ахматова, еще более оправдывало ее «властолюбие» как попытку противостояния гнету политики. По словам Л. К. Чуковской, «Сознание, что и в нищете... она — поэзия, она — величие, она — а не власть, унижающая ее,... давало ей силы переносить... унижения, горе».

Ахматова — такой же Сталин в юбке, как Сталин — Ахматова в галифе. Приемы завоевания власти, оболыщения «своих», привлечения «чужих», манипуляции общественным мнением, — одинаковы для политиков и поэтов, и аналогии между ними работают в обе стороны.

3.

Сводить власть к политике — это все равно что сводить царство животных к отряду хищных и игнорировать травоядных, земноводных, птиц, насекомых и 99% живых существ на нашей планете. Конечно, есть власть у президентов, полицейских и судей, но есть власть и у лириков и физиков, у конструкторов ракет, у рыночных торговцев, у супругов

(друг над другом и над детьми), и даже у дворников, от которых зависит здоровье и безопасность людей на вверенных им территориях. Власть — это способность подчинять своей воле людей даже вопреки их сопротивлению. И как бы ни противилась политика тем силам, которые исходят от науки, от религии, от искусства, от языка, от семьи, часто она оказывается беспомощна перед этими иновластными структурами, хотя они не имеют в своем распоряжении таких орудий, как армия, полиция, администрация всех уровней.

Поэтому, когда говорят о необходимом *разделении властей* в демократическом обществе, нельзя сводить это к вопросу разделения только политических властей: исполнительной, законодательной и судебной. За пределами самой политики есть много других властей, имеющих право на участие в жизни общества. Демократическое общество *поликратично, многовластно*. Собственно политика занимает в жизни такого общества скромное место, поскольку делит власть с наукой и техникой, религией и моралью, языком и литературой, философией и музыкой.

Тем более интеллектуалам не стоит добровольно и угодливо отдавать свою территорию под начало политики, которая и так постоянно посягает на их суверенную власть. Потакание такому империализму политики со стороны философов, ученых или писателей — это малодушие и коллаборационизм. Политика может силой подчинять их себе — но и наука или искусство могут использовать политику в своих целях. Каждый профессионал должен заботиться о том,

чтобы сфера его деятельности как можно дальше простирала свою власть над людьми. Мы, филологи, должны думать о власти языка, грамматики, семантики и прагматики над сознанием и подсознанием людей, о силе риторической и поэтической, которая не растворяется в политической власти, а ей противостоит и над ней возвышается, потому что, как сказал И. Бродский, язык древнее и могущественнее государства.

Чем больше таких властей перекрещиваются и взаимодействуют в жизни общества, тем оно свободнее. И наоборот, когда одна из властей начинает господствовать над обществом в целом, оттесняя все другие, это приводит к тоталитаризму, причем не обязательно политическому. Если религия приобретает всецелую власть над обществом, то это фундаментализм; если все сводится к науке или технике, это сциентизм или технократизм: если к морали — морализм; если к искусству — эстетизм... Все эти «измы» — виды тоталитаризма, гегемония одной власти, опасная для общества в целом.

И все-таки политический тоталитаризм, как показывает история, — самый узкий и опасный, поскольку он пользуется государственным аппаратом насилия. И сводить вопрос о власти к политике, как делают М. Фуко и его последователи, — значит, вопреки их свободолобивым декларациям, готовить почву для политического тоталитаризма.

Вообще слово «власть» в единственном числе звучит подозрительно, это своего рода грамматический тоталитаризм. Но и во множественном числе «власти»

пока что употребляется лишь для обозначения разных органов или представителей одной и той же власти, т. е. опять-таки монокралично. Например, «власти решили действовать по-своему» или «от властей не добьешься толку».

Не пора ли придать множественному числу не количественное, а *качественное* значение, подчеркнув многообразие и разнородность *властей*, действующих в мире? Политическая, религиозная, научная, музыкальная, интеллектуальная власть — все это *разные* власти, которые обладают каждая своей легитимностью и силой воздействия. Власть языка над сознанием граждан или власть музыки над их сердцами не менее легитимны, чем власть государства. Именно такого плюралистического подхода заслуживает вопрос о власти.

Поли-политика — это множественная политика, «другая», которая противопоставляет государственной политике то, что традиционно считается не-политикой: воздействие музыки, слова, разума, вдохновения, чисел, научных открытий, технических изобретений на жизнь людей. Создание новой мелодии, или нового слова, или нового материала — явление поли-политики поскольку люди чувствуют над собой власть иных законов, чем те, которые навязываются им политиками, — законам красоты, гармонии, разума, мудрости. Причем физика, философия, поэзия, живопись наиболее политичны не тогда, когда они впрямую говорят о политике, выражают какие-то политические взгляды, продвигают определенные партии, платформы, движения. В этом случае они

становятся инструментами политики — хорошей или плохой. Свое наибольшее воздействие на общество эти формы поли-политики оказывают именно тогда, когда становятся аполитичными в традиционном смысле, т. е. вместо посредственной, подчиненной политической роли берут на себя миссию «чистой», неангажированной музыки или философии и властвуют над людьми независимо от их политических пристрастий. Древнейшие формы полиполитики — это пифагореизм в Греции и конфуцианство в Китае. Это воздействие на общество иными средствами, чем политика: осуществление *властных* полномочий слова, числа, поэзии, мудрости.

SUMMARY

From *Homo Sovieticus* to the *Bobok* Character: Politics on the Edge of the Grotesque

This collection of 40 essays is inspired by the dramatic events of 2014–2015 in Russia and Ukraine and explores their philosophical and cultural meaning. The book focuses on the grotesque and paradoxical features of Russia's national character, the models of its historical evolution and the roots of its recurrent confrontation with the West. A number of these essays have been published in leading Russian periodicals, such as «Novaya gazeta» and «Nezavisimaia gazeta» in 2014–2015, and have provoked heated debates. The author's approach to contemporary history is based on philosophical analysis and metaphorical parallels with Russian literature, in particular, Alexander Pushkin, Nikolai Gogol, and Fyodor Dostoevsky, Alexander Blok, and Thomas Mann.

The book describes the transition from *Sovok* (*Homo Sovieticus* in Russian slang) to a new post-Soviet character anticipated in Dostoevsky's short story «Bobok» (1873). In this story, the recently deceased entertain themselves in the graveyard by revealing all the shameful details of their earthly lives. The nonsense word «bobok» indicates their desire «to strip and be naked».

The course of the past thirty years, from Gorbachev's perestroika to Putin's new «world order,» can be described as the transition from *Sovok* to *bobok*, or from a Soviet mentality to a *bobok* mentality. Homo Sovieticus was an arrogant and insolent character but still full of ideals and moral exhortations such as equality, brotherhood, and the need to struggle for a better future. Bobok is devoid of these noble illusions and vast historical perspectives. He only claims one right which is described in Dostoevsky's *Devils*: «If we proclaim a right to dishonor, everyone will come running to us...» Sovok, in his simplicity, assumes that the universe, like a loving mother, should protect him, even admire his rudeness as an expression of childish playfulness and spontaneity. Bobok, by contrast, is a bitter Sovok, who has suddenly realized he is an orphan. The universe will never give him the love he believes he deserves. Bobok is an aggressive and depressive Sovok, who expects nothing good from the world and responds with *panphobia* —suspicion, fear and hatred of anyone who is different. He is eager to detect enemies and to deliver the first demolishing blow. While decomposing in his historical grave, he threatens the world with *Bobocalipse*.

What is the root of the Russian tragedy? The Russian nation has not shown itself to be sufficiently independent and creative to build its own distinctive civilization that could compete with the great civilizations of the West and East. And yet it is too vast and ambitious to accept an auxiliary role and to become a part of other civilizations. Therefore, Russia is constantly rebelling against the world order although she cannot create a

decent order even within herself. The protagonist of Dostoyevsky's *Notes from Underground* is endowed with an acute consciousness of his «self,» but at the same time, he lacks creative talent and thus wastes his life by causing major and minor mischief to others, and consequently hurting himself. Russia is an «underground» state in the Dostoevskian sense, and in 1917 she was the first to push the revolutionary «underground» to the heights of power. Since then the behavior of Russia on the world arena has replicated the behavior of the underground man. Russia challenges and teases the world, abusing and humiliating others, but it is unable to create its own civilization, which might attract other nations in good faith. Russia torments herself and others — and this is her existential mode, her way of reminding everyone (and herself) that she is alive. Without this torture and suffering, the country would become a lifeless desert; misery only animates and inspires it, as well as its greatest artists, from Gogol, Dostoevsky, and Tolstoy to Platonov and Solzhenitsyn.

Biographical Note

Mikhail Epstein is Samuel Candler Dobbs Professor of Cultural Theory and Russian Literature at Emory University (USA). In 2012–2015, he was Professor of Russian and Cultural Theory and Founding Director of The Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK). His research interests include new directions in the humanities and methods of intellectual creativity, contemporary philosophy, postmodernism, Russian literature, philosophy and religion of the XXth–

XXIst cc., and language evolution and neologisms. He has authored 32 books and more than 700 articles and essays, many of which have been translated into some 20 languages. He was awarded the Liberty Prize for his «outstanding contribution to the development of Russian — U.S. cultural relations» (New York, 2000); the International Essay Contest prize (Weimar/Berlin, 1999); The Social Innovations Award (Institute for Social Inventions, London, 1995), and the Andrei Belyi Prize (St. Petersburg, 1991).

TABLE OF CONTENTS

Foreword. 7

I. Motherland and Fatherland

On Russias.	11
Motherland and Fatherland	21
The hopeful monster	25
Varieties of patriotism	39
Motherland as Witch. Demonology of Russia in Gogol and Blok	41
This Russia...	57

II. Idols and Ideals

What remains from Lenin?	61
Is Stalin the name of Russia?	69
The Storm Petrel mentality	73
It is vulgar to denounce vulgarity	77
The scale and the vector: <i>totalgia</i>	85
«I praise thee, Plague...» How to separate the sick from the sickness? . . .	97
Pop-religion	113
Cain's sin: <i>sacromania</i>	119
From atheism to theocracy	123
Laity and clergy	127
Christianity in the West	135

III. From Sovok to Bobok

Not a single word about Ukraine.

Notes from August	139
Crimea and the enigmatic <i>skrymtymnym</i>	147
2014 as predicted by Dostoevsky	153
<i>Political studies of soul</i>	153
<i>Panphobia</i>	155
<i>Money on fire</i>	157
<i>The extermination of the middle</i>	159
<i>From Sovok to Bobok</i>	161
<i>Vowels and consonants</i>	165
The color of our time	167
Ask not at whom they are shooting	171
The dead hand	173

IV. The People and the Soul

On the duplicity of the national soul.	181
The people in Pushkin's works	195
Hypersemites and others.	201
A séanse of black magic.	
Thomas Mann and «Russia Today»	205
Hatred out of duty and out of love.	215
Vitality and aggression.	221
<i>Emptistry</i> , or how to do nothing?	225
Is an individual commensurable with history?	233
The music of history.	239
How to survive a descent into the Malmström?	243
Spiritual default	245
The crisis means a trial. On ourselves	249

V. Historical Paths and Impassability

New Russia or New Moscovia?	255
The newest Middle Ages	259
Spacetime and <i>chronocracy</i>	263
Historical paths and impassability.	267
<i>Historical restlessness</i>	267
<i>Self-denials</i> .	
<i>Is it possible to bend without breaking?</i>	271
<i>Grotesque social structures</i>	274
<i>A bridge or an abyss?</i>	276
<i>Historical arrhythmia</i>	278
 In place of a conclusion.	
On the multiplicity of powers.	281
 Summary	293
Table of Contents.	297
Primary publications.	300
Subject index	303
Name index	309

ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ¹

О Россиях. «Новое Русское слово», 18. 1. 1991, С. 10–11.

Ирония стиля: Демоническое в образе России у Гоголя. «Новое литературное обозрение», 19 (1996), С. 129–147; Родина-ведьма. Демонология России у Гоголя и Блока. «Частный корреспондент», 3 дек. 2015.

Что осталось от Ленина. «Огонек», 1.11. 2010

Масштаб и вектор: О тотальгии Дмитрия Быкова. «Независимая газета», 27.10.2011

Родина и отечество. «Частный корреспондент». 4.11.2011

«Итак, хвала тебе, Чума...» Можно ли отделить больного от болезни? «Новая газета», 10.11. 2011

О России с надеждой. «Новая газета», 135 (1838), 2. 12. 2011, С. 15–16.

Да здравствует поликратия! О многовластии.

«Независимая газета». Ex Libris. 5. 4. 2012

Каинов грех. «Частный корреспондент». 12. 3. 2013

От атеизма к теократии? «Частный корреспондент». 30.6.2013

---

¹ Публикации даны в хронологическом порядке. У них могут быть другие заглавия, чем в книге.

Свет и клир. Для чего российскому обществу нужна секуляризация? «Новая газета», 10.2. 2014

Ни слова об Украине. Заметки августа 2008. «Частный корреспондент», 16.3. 2014

Панфобия. «Сноб», 17.3.2014

Английские студенты о Достоевском и Крыме. «Сноб», 22.3.2014

Как выжить, низвергаясь в Мальмстрем. «Сноб», 8.4.2014

В двух словах о России. «Частный корреспондент», 27. 5. 2014

Новороссия или Новомосковия. «Сноб», 31.7.2014

Право на бесчестие. «Сноб», 24.8.2014

Психократия. «Сноб», 6.11.2014

Мирозлобие. «Сноб», 10.11.2014

Виды патриотизма. «Сноб», 19.11.2014

От совка к бобку. 2014-й год в предсказании Достоевского. «Новая газета», 5.12. 2014

Кризис — это суд. Над собой. «Psychologies», 25. 12. 2014.

Где обрывается Россия... Крым и «скрытымным». «Независимая газета», Ex Libris, 26.2.2015.

Об исторических путях и беспутье. «Новая газета», № 17, 18.2.2015

Сеанс черной магии. Мареву и волшебник: Томас Манн и Russia Today. «Новая газета», № 4, 19.1. 2015

Звуки истории. «Сноб», 3.3.2015

Доверчивость или подлость? О двоедушии. (Бесшабашность лжи) «The New Times», 23.3.2015

Народ и Пушкин. «Сноб». 18. 6. 2015

Страх эмиграции? «Сноб», 9.9. 2015

Ненависть по долгу и по любви. «Сноб». 7.10. 2015

О христианстве на Западе. «Сноб». 25.12. 2015

Либо гений, либо злодей. Пошлость обличения пошлости. «Независимая газета», Ex Libris. 3. 12. 2015

О христианстве на Западе. «Сноб», 25.12. 2015

Духовный дефолт страны. «Сноб», 29.12. 2015

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- агрессивность 221–222
Америка, см. США
анахронизм 278
аномалия 33
антисемитизм, см. Гиперсемитизм
антисоветское 104–105
Антихрист 115, 125–126, 156, 284–285
аритмия 279
атеизм 113–118, 123–129, 293; и фундаментализм 128–129
Афганистан 167, 282
- бесчестие 165, 201, 295
бесы 47–48, 106; см. также Демонология
благоподлость 182–183
бобок 161–165
буревестничество 73–76, 81, 97
бюрократия, бюродемократия 235, 261
- варварство 151–152, 186–187
вдохновение 41, 79–80, 111, 218, 252, 276
ведьма 42, 53–55
вектор и масштаб 74–76, 85–95, 274
Великий Инквизитор 121, 123–125, 183
витальность 221–223
власть 42–45, 75, 190, 281–291
восклицательный знак 79

Восток 289
время и пространство 264–265

генетика 27
Германия 250–251
гермафродит 22, 211
гиперсемитизм 201–203
гласные и согласные 165
государство 75, 93, 108, 129
гротеск 275–276
Грузия 139–146
гуманизм (светский) 128–134; см. также Секуляризм

двоедушие 181–193
демография 29, 227
демонизм 73
демонология 41–55
демократия 73–75, 112, 260–266, 274
дефолт 245–247
диктатура 76, 89, 98, 102, 108–112, 265

евразийство 76, 134, 156, 260, 277, 278
еврейство 201–203

Запад 8, 82, 130–137, 144–145; и Восток 277–278
зло 75, 90–93, 97–111, 120; злоба 160–161

идеал 61–63, 87–90, 144, 181–191
интеллектуал 267–268, 282
инфантилизм 186
ирония 273
ислам 128, 133–134
история 11–19, 98–99, 239–242, 263–266, 281, 291; истори-
опластика 279–280;
со-историчность 233–235

Киевская Русь 12–13
колдовство 44–45
коммунизм 12, 280–281
кризис 243–244
Крым 147–152, 158, 173

литература 242, 110–111, 283–284, 267–270
ложь 182–183, 188–189
люстрация 251–252

магия 205–213
марксизм 64–65, 102
месть 177
мизантропия 155
мирозлобие 155–157
многовластие, поликратия 281–291
музыка 91, 120, 239–242
мутация, макромутация 30, 36–38

народ 195–200, 245–246
ненависть 65, 145, 160, 216–220; самоненависть 218–220
Новейшее средневековье 259–262
Новое средневековье 260–261
Новомосковия 255–257
Новороссия 210, 255–257

обнадеживающий урод 25–38
опричина 274–275
Орда 11, 15, 19

панфобия 156
патриотизм 22, 39–40, 182
подлость 181–191; благоподлость 182–183
подпольный человек 85, 90, 155–157, 185
политика 252, 267, 272–277; поли-политика 290–291

политология 153–155, 194, 197
поп-религия 113–118
пошлость 77–84, 79
поэзия 197, 270
православие 133–134; и православие 133–134
природа 64, 92, 174–175
пропаганда 190–192
психократия 217–218
пустота, пустоводство 225–231
пятая колонна 166

рабство 200
революция 7, 66, 236, 274
регионализм 11
религархия 133
религия 113–138, 275
ризомы 30
родина и отечество 21–24
романтизм 185–186
Российский Союз 17
русский мир, румир 251, 265, 281
русофилия 21–22

самоненависть 218–220
самоубийство 174–176
Сатана 126, 210–213
святобесие 119–120
секуляризм, секуляризация 113–120, 127–134
середина 80–84, 159
смерть 157, 162, 178, 240–242,
советское и постсоветское 67, 74, 104–105, 146, 227–228,
совок 164–165
СССР 22, 75, 86–112, 165–166
США 75, 136, 141–142; Америка 142–143, 203, 234

танатализация 178–179
теократия 121, 123–126, 133, 256, 284
террор 87, 240
титанизм 75
топохрон 263–264
тоталитаризм 92, 97–100, 107, 178, 210, 275
тотальгия 85–86, 93, 108
Турция 127

удобоверие 191–193
Украина 7–8; Донецк, 164; см. также Крым
утопия 267, 273

фашизм 155–156, 178, 260–262; и шизофашизм 261–262
филология 275
Франция 80
фундаментализм 127–134, 259

христианство 127–137, 285; и ислам, «хрислам» 133–134
хронократия 263–266
хронопатия 278–279

церковь 104, 71, 121–137,
цикличность (в истории) 11–13, 280–281

человечество 174–176

шизофашизм 261–262

эволюция 25–28, 213
Эдипов комплекс 63
экзистенция, экзистенциализм 154–159, 166, 270
эмиграция 235–237
эротизм 51–52

ядерная угроза 173–179, 181

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адам и Ева 120–121
Алексащенко С. 228
Андреев Д. 273
Андропов Ю. 167, 175
Аристотель и Платон 82
Аскольдов С. 185
Ахматова А. 259, 284–287
- Багрицкий Э. 75, 183
Белинский В. 113, 132, 272
Белый А. 271
Бердяев Н. 71, 103, 127, 169, 255–256, 261, 276
Блок А. 41, 51–55, 73–75, 81–83, 107, 239–240, 252, 273
Бродский И. 83, 99, 112, 163, 168, 275
Булгаков М. 101, 106, 210–213
Быков Д. 74, 77, 78–81, 86–112, 286, 293
- Вознесенский А. 58, 112, 148–151, 168
Вольтер 132, 244
- Георге С. 286
Геродот 246
Гершензон М. 197–199
Гете И. 111, 250
Гитлер А. 61, 90, 98, 101–102, 205, 252
Гоголь Н. 22–24, 25, 41–55, 77, 113, 132, 178, 219, 229, 252–
253, 272

Гольдшмидт Р. 26–27
Горький М. 73, 81, 97
Гумилев Н. 268

Дарвин Ч. 26–27, 32
Достоевский Ф. 53, 103, 110–111, 116–117, 123–126, 140,
153–164, 183–187, 202, 218–219, 245, 249, 252–253, 272
Дугин А. 73–74, 156, 163, 216, 252

Есенин С. 21, 69, 79–80, 106

Жолковский А. 284–286

Иов 120

Кавафис К. 151
Каин 120–122
Кифер А. 250

Ленин В. 61–67, 183
Леонтьев К. 111, 156
Лотреамон 24

Мандельштам Н. 270
Мандельштам О. 148–150, 163, 240, 243, 270
Манн Т. 101, 205–213, 252, 294
Маяковский В. 22, 74, 273
Медведев Д. 163
Мориц Ю. 217

Набоков В. 77–78, 106, 199–200
Немцов Б. 239
Ницше Ф. 282–283

Павлов И. 78
Пастернак Б. 74, 92–94, 211–213
Платонов А. 227, 268, 273

По Э. 243
Померанц Г. 122, 276
Пришвин М. 159–160
Путин В. 94, 172, 173, 188–189, 195–200, 246
Пушкин А. 21, 47–48, 53, 184–185, 195–200, 252
Пятигорский А. 59

Рейган Р. 174
Розанов В. 273

Салтыков-Щедрин М. 229
Сальери А. 120–121
Седакова О. 252
Солженицын А. 18, 22, 110, 139–140, 145–146
Соловьев В. 71, 111, 272
Сологуб Ф. 103
Сорокин В. 274–275
Сталин И. 61–67, 69–71, 285–287

Толстой Л. 272, 283–284

Фрейд З. 186–187
Фуко М. 267, 281–282

Хлебников В. 162

Чаадаев П. 80, 270, 272
Честертон Г. 113
Чехов А. 77, 178

Шостакович Д. 239–242
Штокгаузен К. 91

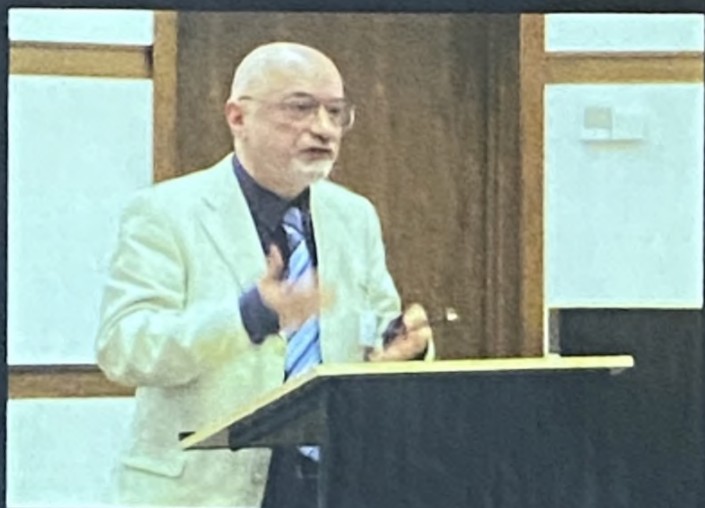
Эберштадт Э. 227, 229

**По вопросам заказа и приобретения
просим обращаться:**

Издательство «ДУХ І ЛІТЕРА»
04070, Киев, ул. Волошская, 8/5
Национальный Университет
«Киево-Могилянская Академия»
корпус 5, ком. 210
тел.: (38-044) 425 60 20, (38-050) 425 60 20
E-mail: duh-i-litera@ukr.net — отдел сбыта
litera@ukma.kiev.ua — издательство
<http://www.duh-i-litera.com>

Предоставляем услуги «Книга — почтой»

Михаил Эпштейн — философ, филолог, профессор теории культуры и русской словесности университета Эмори (Атланта, США) и Даремского университета (Великобритания). Директор Центра обновления гуманитарных наук (Даремский университет). Автор 30 книг и более 700 статей и эссе, переведенных на 18 иностранных языков. Лауреат премий Андрея Белого (1991), Лондонского Института социальных изобретений (1995), Международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999), LIBERTY (Нью-Йорк, 2000).

Эта книга навеяна событиями последних лет и глубоким переломом в исторических судьбах России, которая в результате новой стратегии расширения «русского мира» вступила в одинокое противостояние с Западом. То, что в минувшие два года случилось с Россией, — прямое следствие процессов, происходящих на Украине. По тому, с какой силой Россия оттолкнулась назад, в свое прошлое, можно оценить силу того порыва, с каким Украина устремилась в свое будущее. Льдина огромной империи треснула, и по дрейфу одной ее части можно судить о траектории другой. В этой книге почти ни слова об Украине и всё — о ней.

Для оформления обложки использовано фото К. Буновского

Все книги издательства здесь:

www.duh-i-litera.com

